

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

207

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ, МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

207

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

МОСКВА "НАУКА" 1993

ББК 63.4
А 72

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.Т. КРУГЛИКОВА

Редакционная коллегия:
О.С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
В.И. ГУЛЯЕВ, А.Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю.А. КРАСНОВ, В.В. КРОПОТКИН,
И.Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В.П. ЛЮБИН, В.М. МАССОН, Н.Я. МЕРПЕРТ, Р.М. МУНЧАЕВ,
В.В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д.Б. Шелов

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
В.А. БАШИЛОВ, В.Д. КУЗНЕЦОВ

Редактор издательства
Е.А. СЕНЬКИВ

Античная археология и памятники железного века на территории СССР. —
А 72 М.: Наука, 1993. — 110 с., ил. — (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 207).
ISBN 5-02-010098-6

Настоящий сборник включает статьи и публикации специалистов по скифо-сарматской и античной археологии. Освещаются проблемные вопросы древней истории, духовная и материальная культура населения античных колоний Северного Причерноморья. Анализируются новые материалы памятников железного века Восточной Европы и Сибири.

Для археологов и историков.

А 050400000—019 Без объявления
042(02)—93

ББК 63.4

ISBN 5-02-010098-6

© Институт археологии, 1993
© Российская академия наук, 1993

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМЕ "СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА"

В последнее время в работах ряда археологов, особенно сибиреведов, получила распространение концепция существования в степях Евразии I тысячелетия до н.э. "скифо-сибирской общности" или "единства", которое трактуется иногда как некая "цивилизация кочевников". Принципиальная важность подобного построения и необходимость оценить его источниковедческую базу и теоретическую обоснованность заставила Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии провести в апреле 1990 г. рабочее совещание по проблеме "скифо-сибирского мира". В совещании приняли участие представители тех археологических учреждений Москвы, где разрабатывается близкая тематика — института этнографии, Государственного исторического музея, Музея искусства народов Востока. Были заслушаны сообщения сотрудников Отдела, представлявшие собой взгляд на проблему со стороны четырех крупных составных частей "скифо-сибирского мира" — Центральной Азии и Южной Сибири (Н.Л. Членова), сакских степей (Л.Т. Яблонский), азиатской Сарматии (М.Г. Мошкова) и скифского Причерноморья (А.И. Мелюкова).

Сообщения вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие В.П. Алексеев, Д.С. Раевский, В.Г. Петренко, М.А. Итина и другие специалисты. Было высказано достаточно обоснованное мнение о том, что совокупность своеобразных кочевнических культур степей Евразии скифо-сарматского времени невозможно рассматривать как некое этническое или культурное единство и тем более как "цивилизацию". Распространение ряда сходных черт материальной культуры на таких огромных пространствах объясняется, видимо, иными причинами. Истоки этого сходства, вопросы этнической и социальной интерпретации материалов различных археологических культур и другие проблемы, связанные со "скифо-сибирским миром", пока еще далеки от своего решения.

Совещание привело к выводу, что для согласования подходов и выработки совместных практических шагов для решения этих проблем необходимо создать Координационный совет по проблеме "Скифо-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление". Такой Совет был создан при Институте археологии, куда, кроме московских археологов, вошли представители Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Кемерова, Волгограда и Ростова.

КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО КРУГА: ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ. САЯНО-АЛТАЙСКИЙ РАЙОН В СКИФСКОМ МИРЕ

Существование "скифо-сибирского мира" мне представляется безусловным. Не очень удачным кажется сам термин, поскольку он объединяет два понятия, одно из которых этническое ("скифы"), а другое географическое ("Сибирь"). Под ним понимается цепь культур, связанных определенным сходством, протянувшаяся на громадном пространстве Европы и Азии. Мне кажется правильнее заменить термин "скифо-сибирский мир" на "скифский мир", где скифская культура понимается в широком смысле, или "круг культур скифского типа", что точнее. Правда, понятие "скифо-сибирский мир" (чаще "скифо-сибирское культурно-историческое единство") уже вошло в литературу, но еще не так прочно, и замена его сейчас вполне реальна.

Что представляет собой этот "круг культур скифского типа"? Это, собственно говоря, не круг, а цепь нескольких культур, протянувшаяся по поясу степей, лесостепей, предгорий и гор, главным образом на территории СССР, на востоке, включающая Монголию и часть Северного Китая (Ордос) примерно в VII—III вв. до н.э., но иногда и в более позднее время (Скифское царство в Крыму).

Это Северное Причерноморье (включая степную и лесостепную часть Украины) и степной Крым (где по Геродоту и располагалась сама Скифия), Курско-Воронежский район, предгорья Северного Кавказа, культура савроматов от Дона до Урала, тасмолинская культура Казахстана, кулажургинская культура Восточного Казахстана, памятники типа Тагискен, Уйгарак и Сакар-Чага-3 и 6 в Приаралье, сакская культура Семиречья, Казахстана, Киргизии, Памира, пазырыкская культура Горного Алтая, большещеченская культура северного Алтая, современной Новосибирской обл. и Кузнецкой котловины, тагарская культура Минусинской котловины и прилегающей части Кемеровской обл. и района Красноярска, культура скифского времени в Туве, для которой существует несколько названий (казылганская, уюкская или алды-бельская и саглынская), культура типа Улангома в Западной Монголии (называемая еще чандаманьской), культура плиточных могил в Монголии, Забайкалье и Прибайкалье и культуры Северного Китая (из которых наиболее известна культура Ордоса по многочисленным ордосским бронзам из случайных находок, есть и несколько памятников). К культурам скифского типа следует причислить и некоторые культуры лесной зоны: ананьинскую, кижировскую (современная Томская обл.) и упомянутую уже большещеченскую, частично расположенную в лесной зоне (Томская обл. и лесной Алтай).

Эти культуры связаны определенным родством, элементы которого проявляются либо на всей территории их распространения, либо у групп соседних культур, выделяющихся внутри этого единства; эти группы иногда называют провинциями.

Что связывает все (или большинство) этих культур? Во-первых, вхождение в широкой обиход железа (железного оружия, например кинжалов-акинаков и железных орудий, прежде всего ножей). Однако не все области в одно и то же время перешли к железу. На Северном Кавказе в памятниках VII—VI вв. до н.э. (если не VIII—VII вв. до н.э.) преобладают уже стальные предметы, причем не только кинжалы, но и удила, при изготовлении которых, казалось бы, сталь совсем не нужна (анализ железных предметов из могильников Султан-гора III и Уллу-баганалы)¹, что предполагает достаточно долгий предшествующий период развития здесь железной металлургии. В Северном Причерноморье в это время

железо также вошло в широкий обиход (как и на территории савроматов). С VIII—VII вв. до н.э. железо появляется и в ананьинской культуре. За Уралом дело обстояло совершенно иначе. Здесь в большинстве районов железо появляется в V—IV вв. до н.э. (Алтай, Среднее Приобье, Тува), а в VII—VI вв. до н.э. все орудия и оружие — только из бронзы. Наконец, позже всего, не ранее III в. до н.э., железо появляется в Минусинской котловине, в памятниках переходного тагаро-таштыкского времени, или так называемого тесинского этапа. Бронзово-железные вещи — кинжалы, ножи — в ничтожном количестве есть в Минусинской котловине и в V—IV вв. до н.э., но они импортные или изготовлены по импортным образцам (некоторые — по ахеменидским) и представляют собой случайные находки. В курганах и поселениях тагарской культуры до III в. до н.э. железных вещей нет. Это объясняется тем, что в Минусинской котловине, одном из крупнейших очагов металлургии и металлообработки меди, она была в избытке и не было никакой необходимости заменять медь железом. Здесь исследовано большое количество древних выработок меди и древних плавилен; большинство их датируется тагарским временем². В то же время остатки железодельного производства, которые относились бы к тагарской культуре, не известны³.

Во-вторых, характернейшей чертой хозяйства культур скифского мира является кочевничество, которое, однако, не является здесь универсальным. Оно имело место в степях Северного Причерноморья, Волго-Донском районе, степях Казахстана и Забайкалья, в Горном Алтае. В других районах (лесостепном Северном Причерноморье, Минусинской котловине в тагарскую эпоху почти до ее конца, в большереченской, а тем более в таких лесных культурах, как ананьинская и кижировская) природные условия не позволяли осуществить переход к кочевому скотоводству, и здесь сохранялась оседлость. Тем не менее кочевничество в степных районах скифского мира придает как бы окраску всему кругу скифских культур, и те культуры, где сохраняется оседлость, воспринимаются как сопутствующие. Ведь одним из компонентов "скифской триады" является конский убор. Конский убор "скифского мира" — стремечковидные удила, трех- и двудырчатые псалии и уздечные бляхи, украшенные в "зверином стиле", — распространен не только в кочевнических культурах, но и в оседлых. Так, в Минусинской котловине (в случайных находках) найдено большое количество принадлежностей конской сбруи (удил, псалий, уздечных блях и т.д.), и вся она — скифского типа.

Третья черта, объединяющая районы скифского мира, — появление вооруженных воинов. Она прослеживается не только в степных, предгорных и горных районах (Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Волго-Донская территория, тасмолинская культура Казахстана, памятники типа Уйгарак, Тагискен, Сакар-Чага-3 и 6 в Хорезме, могильники саков Памира, пазырыкская культура Горного Алтая, тагарская культура Минусинской котловины, культура скифского времени в Туве, культура типа могильника Улангом в Северо-Западной Монголии, по-видимому, культура плиточных могил), но даже в лесных, окраинных районах (ананьинская культура, большереченская культура Северного Алтая, погребения в бухте Курла на Северном Байкале⁴).

Погребения вооруженных воинов — достаточно важный факт, позволяющий судить о том, что война стала играть большую роль в жизни людей, и о том, что общество, по крайней мере в ряде районов скифского мира, было уже раннеклассовым.

В-четвертых, общество на разных территориях скифского мира демонстрирует свой классовый характер, возводя большие, многометровой высоты курганы, в инвентаре которых много изделий из драгоценных металлов, представляющих иногда высокохудожественные произведения искусства: очевидно, это курганы вождей или "царей". Такие курганы известны на многих, но не на всех

территориях: на Северном Кавказе (Келермесские курганы, Уляп), в Семиречье (Бесшатыр, курган Иссык), в Горном Алтае (Пазырыкские и Башадарские курганы), в Минусинской котловине тагарской эпохи (Салбык), в Туве (Аржан). В других культурах (тасмолинская культура Казахстана, ананьинская, больше-реченская культуры, культура плиточных могил) таких больших сооружений, содержащих драгоценные вещи, не наблюдается, так что эта особенность скифского мира не универсальна⁵.

Итак, скифская эпоха — это эпоха широкого освоения железа, возникновения кочевничества и становления раннеклассового общества, некоторыми показателями которого являются погребения вооруженных воинов (составляющие довольно высокий процент от общего числа мужских погребений) и высокие, до 10—12 м курганы, содержащие драгоценные вещи. Однако для того чтобы утверждать существование скифского мира или скифского круга культур, перечисленных особенностей мало, так как на этой основе могли бы возникнуть совершенно различные культуры. Могли бы, но не возникли. На всем очерченном пространстве степей, лесостепей, предгорий, гор, и частично даже лесов, сложились в эту эпоху скифообразные культуры. Сходство им придают многие вещи в инвентаре и их искусство. Уже М.И. Ростовцев писал о том, что скифский "звериный стиль" широко распространен на просторах Евразии, и это положение повторяли и развивали различные исследователи. Б.Н. Граков установил бытование на пространствах Евразии "скифской триады": оружия, конского убора и "звериного стиля", которые объединяют культуры скифского мира. Я считаю, что этих объединяющих элементов по крайней мере шесть: помимо "триады" еще котлы скифского типа, бронзовые зеркала с петелькой на обороте и каменные статуи вооруженных воинов, может быть, вождей, так называемые скифские каменные бабы в западной части скифского мира (Северное Причерноморье, Северный Кавказ; сюда же примыкает плита из Ананьинского могильника) и оленные камни в восточной части скифского мира, на которых изображены скифского типа кинжалы-акинаки и другие вещи этой эпохи (Алтай, Забайкалье, Монголия)⁶. Может быть, сюда следует добавить еще оселки со сверлиной для подвешивания к поясу; несмотря на то что это очень простая вещь и кажется, что они бытовали всегда, основное время их бытования на территории предскифского и скифского круга культур — это VIII—VI вв. до н.э.⁷ Возможно, что еще одним объединяющим компонентом служат наборные пояса, хотя они известны пока лишь на нескольких территориях (но достаточно широко): Северном Причерноморье, Казахстане, Горном Алтае, Забайкалье. Все эти категории вещей и придают неповторимый, сразу узнаваемый облик различным культурам скифского мира.

Тем не менее не следует думать, что многочисленные культуры скифского мира возникли независимо друг от друга, конвергентно, лишь потому, что их носители овладели железом, много воевали и некоторые из них перешли к кочевому образу жизни. При этих условиях неминуемо появились бы оружие, конский убор и отряды вооруженных воинов, привилегированные группы людей и "цари", которым требовались предметы роскоши. Могли появиться конвергентно и отдельные категории оружия (например, кинжалы с перекрестьем и удила). Но почему во всех этих культурах появляются удила со стремевидными кольцами и кинжалы с бабочковидным перекрестьем, которые ни до, ни после скифской эпохи не употреблялись? Более того, бабочковидное перекрестье кинжала крайне неудобно⁸, поэтому и до и после скифской эпохи перекрестье делали прямым. Только в скифскую эпоху от Северного Причерноморья до Ордоса перекрестье кинжалов было бабочковидным (с некоторыми вариациями — сердцевидным, почковидным), а наружные кольца удил — стремевидными. Не могли эти нерациональные детали возникнуть конвергентно в самых разных районах. Или

предметы в "зверином стиле", олени и кабаны "на цыпочках", на кончиках копыт (в природе они не ходят на кончиках копыт), животные с глазами, ноздрями, лапами в виде правильных кружков, каких тоже не бывает в природе. Не выдерживает критики и "теория многих центров" возникновения культур скифского типа, которые в дальнейшем общались друг с другом и обменивались вещами, так как на ранних этапах эти культуры не имели бы между собой ничего общего, а на деле все шесть компонентов (триада, котлы, зеркала, каменные бабы или оленные камни) появляются уже в самом начале возникновения культур скифского типа, с VII в. до н.э. Из всего изложенного ясно, что культура скифского типа должна была возникнуть в каком-то одном районе (может быть, на довольно большой территории) и затем быстро распространиться на другие области. При этом нужно сделать оговорку, что в становлении каждой из культур скифского типа принимали участие и другие местные или пришлые (или местные и пришлые) компоненты, которые и придали каждой из них определенное своеобразие, позволяющее нам отличать их друг от друга. Однокомпонентных культур вообще не существует, по крайней мере с бронзового века, а вернее всего, с гораздо более раннего времени.

Многие компоненты культур скифского облика сходны, но не идентичны. Достаточно сильно различаются между собой культуры скифского типа Восточной Европы и Азии. Так, бронзовые наконечники стрел, втульчатые, двулопастные, шипастые, почти идентичны на всем протяжении цепи культур скифского типа. Но в Восточной Европе эта форма преобладает (наряду с ней есть и трехлопастные втульчатые наконечники), а в Азии преобладают черешковые трехлопастные наконечники стрел, тогда как двулопастные встречаются реже. Еще сильнее различаются кинжалы-акинаки. У всех них бабочковидное перекрестье, но в Восточной Европе (включая ананьинскую культуру) и на Северном Кавказе акинаки железные, а за Уральским хребтом, по крайней мере до V в. до н.э., — бронзовые. Само бабочковидное перекрестье в разных районах имеет разную форму. Так, у скифских акинаков Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Волго-Камья лопасти перекрестья широкие, а у большинства раннетагарских акинаков лопасти очень узкие, и той же формы узкие лопасти известны в Ордосе⁹ и Северном Китае (могильник Луань Пин¹⁰). Только в тагарской культуре известны так называемые вкладышевые кинжалы, где ручка полая и в нее вкладывается плоское шило, — такие акинаки не известны больше нигде. Что касается других категорий оружия, то они распространены далеко не повсеместно. Так, в западной части скифского мира распространены копыя (Северное Причерноморье, ананьинская культура, где их особенно много), а за Уральским хребтом их почти нет (всего два исключения). Напротив, в тагарской культуре на Алтае, в Туве, Северо-Западной Монголии, Западной Сибири, Северном Казахстане и в Волго-Камье распространены чеканы, а в европейской части их нет (за едва ли не единственным исключением на Северном Кавказе).

По всей территории скифского мира распространены удила со стремечковидными окончаниями, практически не отличимые друг от друга в разных районах. Зато другие формы удил — двукольчатые, где оба кольца круглые, — встречены лишь в Восточной Европе (включая ананьинскую культуру); в Средней Азии и Сибири их нет. Зато в Казахстане и Сибири найдены двукольчатые удила другой формы, где внутреннее колечко круглое, а внешнее трапециевидное; эта форма встречена и в Северном Китае. Еще одна форма, широко бытующая в Казахстане и Сибири, — удила со стремевидными окончаниями, где внутри "стремени" — дополнительное круглое колечко; в Европе их нет.

Если взять "звериный стиль", то изображение оленя с подогнутыми ногами, так называемого скифского оленя, в Европе имеет два передних отростка рогов

надо лбом, а в Восточном Казахстане, в Приуралье, в Сибири и Ордосе — один отросток или этого отростка вообще нет.

Птица, изображенная в профиль с часто полосатым телом и головой, иногда повернутой назад, известна в Приаралье (Уйгарак) и Сибири; в европейской части СССР этот мотив вообще отсутствует.

Здесь приведено только несколько примеров, а их можно значительно умножить. Они показывают, что территория скифского мира прежде всего делится на две большие части: европейскую, включающую Северное Причерноморье и Северный Кавказ, и азиатскую, включающую Казахстан, Сибирь, Туву, Монголию и Ордос. Ананьинская культура и Приаралье (Уйгарак и Тагискен) занимают промежуточное положение, обнаруживая как европейские, так и сибирские компоненты. При этом ананьинская культура содержит больше европейских компонентов, чем сибирских, а Уйгарак и Тагискен — наоборот.

Каждая из двух больших областей скифского мира, европейская и азиатская, в свою очередь делится на более мелкие районы или "провинции".

Остановлюсь на Саяно-Алтайском районе. Здесь расположены культуры тагарская (в Минусинской котловине), большереченская (Северный Алтай, Новосибирское Приобье, Кузнецкая котловина, Барбинская лесостепь), пазырыкская (Горный Алтай), культура Тувы скифского времени, культура Северо-Западной Монголии типа Улангомского могильника (называемая монгольскими археологами чандаманьской). К этому району тяготеет в культурном отношении Ордос с весьма многочисленными случайными находками бронз скифского типа (раскопки там только начаты), а также погребения и поселения в различных районах Северного Китая, включающие наряду с китайскими вещами и вещи скифского типа (такие, как в Ордосе). С запада к этой территории примыкает кулажургинская культура Восточного Казахстана (Верхнее Прииртышье). Все эти культуры делятся на две большие группы: во-первых, тагарскую и большереченскую (за пределами Саяно-Алтайского района к этой же группе относится кижировская культура в томском Приобье) и, во-вторых, все остальные выше перечисленные культуры.

В свое время (в 1961 г.) мне уже приходилось сравнивать культуры Саяно-Алтайского района и прилегающие к ним и показывать их сходство и различие¹¹. Новые материалы, полученные за последние 29 лет, подтверждают сделанные тогда выводы и позволяют подробнее рассмотреть культуры этого района.

Поскольку поселения этих культур почти неизвестны, приходится сравнивать погребения. Сходство указанных культур определяется прежде всего тем, что они относятся к азиатской части "скифского мира". Так, не только для тагарской культуры, богатой медью, но и для культур большереченской, пазырыкской, культуры Тувы скифского времени характерно сравнительно позднее появление железа — не ранее V—IV вв. до н.э., а раньше все оружие и конский убор были бронзовыми. Для всех этих культур характерны вещи, типичные для всего скифского мира, — оружие, конский убор, звериный стиль, бронзовые котлы скифского типа, зеркала с петелькой на обороте (в ранний период, VII—VI вв. до н.э., они распространены повсеместно), оселки с отверстием. Этот общескифский набор имеет во всех саяно-алтайских культурах общие черты: так, у акинаков широко расставлены крылья бабочковидного перекрестья; среди наверхней акинаков преобладают плоские подпрямоугольные или валики с подрезанной нижней частью, так что они напоминают грибовидные (в отличие от круглых в сечении валиков-наверхней в Северном Причерноморье). Для всех перечисленных культур характерны бронзовые чеканы (причем с V в. до н.э. они без втулки, проушные); малочисленны копья, бронзовые и костяные наконечники стрел. Среди бронзовых преобладают черешковые трехлопастные (особенно на Алтае, в Туве и Монголии), среди костяных много трехлопастных, есть и ромбические в сечении. Совершенно нет длинных мечей¹², чем указанный регион отличается

не только от Северного Причерноморья, но и от Средней Азии. Металлического защитного вооружения здесь тоже не было: никаких следов панцирей и шлемов, за исключением единственного шлема кубанского типа с верховьев Иртыша (случайная находка). Однако восточнее, в Северном Китае найдено несколько шлемов эпохи чжоу, очень напоминающих кубанские; об их происхождении сейчас ведутся споры. Известны деревянные щиты из палочек и кожи (Алтай, Туэкта).

Конский убор представлен удилами, псалиями, налобниками и всевозможными бляхами. Ранние удила — бронзовые двукольчатые, где внутреннее колечко круглое, а внешнее трапециевидное, — известны в большом количестве в Минусинской котловине, есть и в Северном Китае¹³.

Распространены и удила со стремевидными окончаниями, где внутри "стремени" имеется маленькое колечко; их много в Минусинской котловине и относятся они, по всей вероятности, к тагарской культуре (случайные находки). Повсеместно распространены также бронзовые удила с простыми стремевидными окончаниями и с круглыми кольцами.

Псалий известно сравнительно мало, они бронзовые, трех- и двудырчатые, слегка изогнутые; формы их довольно разнообразны даже в пределах одной культуры. На всех территориях этого региона известны подпружные пряжки и пряжки для чумбура одинаковых форм, а также бляхи для перекрестья ремней в виде кубика, четыре стороны которого прорезные. Почти идентичны по форме бронзовые ножи без выделенной ручки с петлевидным верхним концом (как в тагарской культуре, так и на Алтае, в Туве и Монголии).

Преобладают бронзовые украшения. В отличие от европейской и среднеазиатской частей бус очень мало, встречаются подвески из зубов животных и раковины каури — натуральные или имитации (последние распространены в тагарской культуре).

На всей территории распространен так называемый алтайский "звериный стиль", лучшие и наиболее многочисленные образцы которого представлены в курганах Горного Алтая (Пазырык, Башадар, Уландрык). Но если в западных районах (в Приаралье-Уйгараке, Тагискен), в Восточном Казахстане и, по-видимому, в Туве-Куйлуг-Хем, Алды-Бель, Хемчик-Бом III он существует в VII—VI вв. до н.э., то в тагарской культуре он появляется лишь с V в. до н.э. Расцвет алтайского "звериного стиля" на других территориях рассматриваемого региона приходится на V—IV вв. до н.э. В тагарской культуре в VII—VI вв. до н.э. существует так называемый минусинский звериный стиль; он продолжает существовать в несколько выродившемся виде и позже, в V—IV вв. до н.э., наряду с алтайским. Минусинский "звериный стиль" известен и за пределами Минусинской котловины: в Северной Туве (аржанские наверхия), в кижировской культуре под Томском (Шеломок, Басандайка), но в последней больше распространен алтайский "звериный стиль" (поселение Самусь II, Степановский клад). Большереченская культура "звериным стилем" бедна. Известные экземпляры относятся к алтайскому "звериному стилю".

Выше перечислены категории вещей и предметы искусства, которые объединяют рассматриваемые культуры. Даже внутри их можно заметить различия, которые разделяют тагарскую, большереченскую и кижировскую культуры, с одной стороны, и культуры Горного Алтая, Тувы, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана, с другой. Так, только в раннетагарской культуре известны "вкладышевые" кинжалы и ножи, плоские ножи с уступом, где помещается головка птицы или копытообразный значок, формы бронзовых втульчатых чеканов; отличается тагарская культура и большим количеством бронзовых кельтов, бытовавших в течение всего периода ее существования, тогда как в большереченской и пазырыкской культурах кельтов мало, а в Восточном Казахстане, Туве и Северо-Западной Монголии кельты как будто совсем

неизвестны. Львиная доля минусинского "звериного стиля" также приходится на тагарскую культуру.

Но, конечно, гораздо резче различаются эти два массива культур — тагарская, большереченская и кижировская, с одной стороны, и культуры Горного Алтая, Тувы, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана, с другой, — по своему хозяйству, а в культуре — по керамике и погребальному обряду. Керамика тагарской культуры — это почти исключительно баночные сосуды и плошки, сделанные из нижней части банок. В раннетагарских памятниках имеется немного округлых сосудов на поддоне или без него, часто розового цвета. Ближе к концу тагарской эпохи появляются кубки на поддонах. Орнамент тагарской керамики, бедный в начале эпохи (широкие желобки-каннелюры или "жемчужник" в верхней части сосуда), позже беднеет еще больше и совсем исчезает. Очень близкая керамика имеется в большереченских и кижировских памятниках: это тоже банки, по форме очень близкие к тагарским, но худшей выделки и обычно без лощения. В ранних большереченских памятниках (Алтай и Томский могильник) встречены и круглодонные сосуды. В орнаменте керамики не бывает желобков-каннелюр, но другой тагарский орнамент — "жемчужник" здесь очень распространен. Раннебольшереченские сосуды, особенно из лесной зоны, орнаментированы довольно богато — часто бывает два ряда "жемчужника", наlepные валики и крестовый штамп, происхождение которого связывают с северо-западными сибирскими лесными культурами. Позже, как и в тагарской культуре, орнамент беднеет. Большое место занимает "жемчужник" с разными дополнениями и на кижировской посуде.

Что касается Северо-Западной Монголии, Горного Алтая, Тувы и Восточного Казахстана (кулажургинская культура), то ведущая форма керамики здесь — кувшин с высоким горлом. Сосуды эти без орнамента или с наlepными валиками (иногда покрытыми насечками) под горлом, а то и по верхней части горла. Изредка бока сосуда украшены наlepными спиральями (Озен-ала-белиг и Джержлиг-Ховузу в Туве), а однажды даже наlepными рогатыми животными, видимо, оленями (Улангом в Монголии). Изредка встречаются кувшины с двумя ручками (Туран). Они напоминают сакские кувшины Казахстана и Киргизии. Таких кувшинов никогда не бывает в тагарской и кижировской культуре, но подобные им появляются на позднем этапе большереченской культуры, в чем исследователи справедливо видят влияние Горного Алтая и Казахстана. Значительно меньше в Горном Алтае, Туве и Северо-Западной Монголии баночных сосудов; форма их обычно бочонковидная, сильно отличающаяся от тагарских, широких сверху и суживающихся книзу. Наконец, единично встречены банки, по форме напоминающие тагарские (Саглы-Бажи IV в Туве, Улангом в Северо-Западной Монголии), но они украшены наlepными валиками, чего никогда не бывает в тагарской культуре. Часты в Туве, Горном Алтае и Северо-Западной Монголии деревянные сосуды, обычно невысокие плошки, часто с ручками, напоминающие керамическую сако-усуньскую посуду Семиречья. Деревянная посуда также неизвестна ни в тагарской, ни в большереченской культурах.

Погребальный обряд двух упомянутых групп культур совершенно различен. Пожалуй, единственной общей чертой является сруб в могиле (в основном из бревен лиственницы). Все остальное различно. Тагарские курганы — земляные, от почти плоских (ранних) до более высоких (до 2 м и более высотой) в более позднее время. Уникальный по своим размерам Большой Салбыкский курган был 11 м в высоту и его окружали менее высокие курганы. Курган окружен невысокой прямоугольной оградой из врытых на ребро массивных каменных плит. По углам ограды, а нередко и в середине ее длинных сторон врыты каменные столбы.

Курганы Горного Алтая, Тувы и Северо-Западной Монголии отличаются каменной или каменно-земляной, округлой в плане насыпью.

Под насыпью тагарского кургана бывает одна или несколько могил — грунто-вые ямы, каменные ящики (в начале эпохи) или срубы. Покойники лежат в них вытянуто на спине, головой на запад или юго-запад. В тагарских курганах никогда не бывает не только конских захоронений, но даже предметов конского убора (известно два псаля на 1000 раскопанных тагарских курганов).

Под насыпью каменных курганов Тувы, Горного Алтая и Северо-Западной Монголии также бывают могилы, обычно сруб (реже — каменный ящик). Преобладают коллективные захоронения, причем покойники лежат скорченно, на левом или правом боку, головой на северо-восток и восток. В курганах Тувы и Горного Алтая человеческие захоронения часто сопровождаются захоронением одного или нескольких коней, взнузданных и оседланных, что ярче всего свидетельствует о том, что культуры эти были кочевническими.

Из краткого обзора культур раннего железного века в Саяно-Алтайском регионе и прилегающих к нему областях ясно, что там существовало два типа культур: так называемые культуры ранних кочевников (в Горном Алтае, Туве, Восточном Казахстане и Северо-Западной Монголии) и культуры оседлого населения, ведущего комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство (тагарская культура Минусинской котловины, большереченская культура Северного Алтая, Кузнецкой котловины, района Томска и Новосибирска и Барабинской лесостепи и кижировская культура района Томска).

Представляется, что явление, называемое "скифо-сибирским миром" или "кругом культур скифского типа" (в широком смысле слова), нельзя называть культурно-исторической общностью, а следует считать единством, поскольку оно затрагивает не только культуру, но и физический тип населения. Имеется в виду прежде всего сходство физического типа скифов Причерноморья и людей тагарской культуры, давно отмеченное антропологами (Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев, А.Г. Козинцев). Причем В.П. Алексеев пришел к выводу, что это сходство объясняется не миграциями из Северного Причерноморья на Енисей или в обратном направлении, а родством населения в предшествующую эпоху, т.е. родством срубного населения (прямых предков скифов) и андроновского (которое, наряду с носителями лугавской культуры, явилось предками людей тагарской культуры). К наследию этих предков относятся, видимо, некоторые общие черты скифской и тагарской культур, например, горшковидная или баночная форма керамики (хотя у скифов и у людей тагарской культуры формы этих банок все же достаточно различны) и надмогильное сооружение в виде земляного кургана (у скифов Причерноморья нет каменных прямоугольных оградок, столь типичных для тагарской культуры).

Таким образом, некоторые черты сходства (не самые яркие и не самые близкие) на рассматриваемой территории объясняются подстилающим, срубно-андроновским слоем. Но сходство оружия, конского убора, звериного стиля, котлов и зеркал здесь не следует связывать с культурами срубно-андроновского круга, так как данному кругу эти категории культуры чужды. Это сходство не может объясняться торговыми связями, так как помимо того, что многие предметы оружия и конского убора (например, кинжалы-акинаки, удила) в западной части ареала изготовлялись из железа, а в восточной — из бронзы, многие из них не тождественны, а только сходны. Наибольшую степень сходства проявляют наконечники стрел, особенно двулопастные, втульчатые, с листовидным пером, с шипом или без него. Но сходство кинжалов-акинаков на всей рассматриваемой территории ограничивается бабочковидной формой перекрестья и навершием в форме валика или головок грифонов. Остальные детали различны. Еще менее сходны скифские топоры-секиры и тагарские топоры, секиры и

чеканы. В "зверином стиле", помимо общих мотивов — головка хищной птицы в профиль, свернувшийся хищник, олень с подогнутыми ногами и др., на каждой территории есть свои мотивы. Всего этого не могло бы быть, если бы сходство объяснялось торговыми связями: тогда оно было бы абсолютно. По той же самой причине это сходство не может объясняться только миграциями, когда мигранты приносят с собой готовые вещи: тогда сходство вещей тоже было бы абсолютно. (При этом в некоторых случаях миграции, несомненно, были: например, с Северного Кавказа на Среднюю Волгу, где пришедшие с Северного Кавказа воины внедрялись в среду ананьинского населения. Это документируется не только кавказскими вещами в ананьинских погребениях, но и вещами скифского типа, специфически северокавказскими, и сходство здесь абсолютно или почти абсолютно. Видимо, то же наблюдается в кижировской культуре, где ряд предметов в "зверином стиле" копирует тагарские). Так что, говоря о причинах сходства вещей на всей рассматриваемой территории, одной из этих причин следует считать миграции. Однако подобное объяснение не годится, когда речь идет о вещах не идентичных, а только сходных: например, скифские акинаки и тагарские кинжалы с сердцевидным перекрестьем. Не возникли ли эти вещи конвергентно, независимо друг от друга в разных частях "скифского мира"? Я считаю, что это невозможно. Конвергентно могла возникнуть сама категория "кинжал". Но бабочковидная (или сердцевидная) форма перекрестья возникнуть конвергентно не могла, это слишком специфическая форма, к тому же очень неудобная и быстро выходящая из употребления. То же — о наверхниках, которые были самой различной формы в разных частях "скифского мира". Очевидно, что в основе сходства всех вещей и их деталей (когда они не идентичны, а только сходны) лежат общие для запада и востока прототипы, причем здесь я бы выделила два пласта: первый — карасукско-киммерийский, когда возникают сами категории предметов, которые перейдут в скифскую эпоху и придадут ей своеобразную окраску. Это — кинжалы с перекрестьем (но не акинаки), наконечники стрел (разных форм), боевые топоры или чеканы, "звериный стиль" (на востоке рассматриваемой территории, в карасукской культуре), зеркала с петелькой на обороте и т.д. Второй пласт — непосредственно скифский, когда также из какого-то общего центра распространяются вещи уже именно скифского облика: акинаки, предметы в "зверином стиле" именно скифской эпохи (например, свернувшийся хищник, олени с подогнутыми ногами или стоящие "на цыпочках" и т.д.). Где находился центр (или центры) распространения этих прототипов, сказать всего труднее, но имея в виду, что территория "скифского мира" по степени сходства входящих в нее компонентов делится на западную (Восточная Европа) и восточную часть (Казахстан, Сибирь, Тува, Монголия, Ордос), можно предполагать, что центр этот в скифскую эпоху находился где-то не восточнее Казахстана, может быть, на его территории, а в более раннюю эпоху, когда только формировались прототипы будущих компонентов скифской культуры, значительно южнее, на территории Ближнего Востока и Ирана. Наконец, окончательный облик культуры "скифского круга" принимают уже на местах, и здесь играют роль: 1) местные доскифские культуры и их наследие; 2) изоляция; 3) различного рода вторичные связи между центрами и торговыми. Чем сильнее влияние первых двух причин, тем своеобразнее культура. Так, тагарская культура (ее "скифообразные" бронзы) свой достаточно своеобразный облик приняла вследствие заимствования из карасукской металлургии, а затем — изоляции в VI в. до н.э.

Таким мне представляется круг культур скифского типа и его происхождение.

¹ Терехова Н.Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3. С. 110—127.

² Сунцугашев Я.И. Древнейшие рудники и памят-

ники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975. С. 32, 39, 51, 99, 101, рис. 38, 7.

³ Сунцугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии.

- Новосибирск, 1979. С. 20; *Зиняков Н.М.* К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 72, 73.
- ⁴ *Шмыгун П.М., Сергеева Н.Ф., Лыхин Ю.П.* Погребения с бронзовым инвентарем на Северном Байкале // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 46—50.
- ⁵ *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 212.
- ⁶ *Членова Н.Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962; *Она же.* О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // *Studia Thracica.* Sofia, 1975. Т. 1. Р. 81—89.
- ⁷ *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 83, 84.
- ⁸ *Членова Н.Л.* Происхождение... С. 24, 25.
- ⁹ *Egami N., Mizuno S.* Inner Mongolia and the region of the Great Wall // *Ar. Or.* Tokyo, Kyoto, 1935. Corpus II: Daggers. P. 13.
- ¹⁰ *Arne T.* Die Funde von Luan Ping und Hsuan Hua // *BMFEA.* 1933. № 5. Taf. I, 1.
- ¹¹ *Членова Н.Л.* Место культуры Тувы скифского времени в ряду других "скифских" культур Евразии // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1961. Вып. 9.
- ¹² Исключение — так называемый новотроицкий меч из Барабы V—IV вв. до н.э. (*Соловьев А.И., Мартинов Н.И., Тербило Г.И.* Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 134. Рис. 1, 1), но от него сохранилась только рукоять с небольшой частью клинка, так что неизвестно, меч ли это или кинжал.
- ¹³ *Egami N., Mizuno S.* Inner Mongolia... Pl. IX, 2.

Л.Т. ЯБЛОНСКИЙ

КУЛЬТУРЫ САКСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА: ЕДИНСТВО ИЛИ МНОГООБРАЗИЕ?

Представление о полном культурном, духовном или даже этническом единстве древних скотоводческих коллективов, населявших территорию евразийских степей в эпоху раннего железа, сложилось довольно давно. В последние десятилетия проблематику, связанную с предполагаемым единством, активно разрабатывал М.П. Грязнов. Впрочем, говоря об общем сходстве степных культур эпохи раннего железа, которое, по его мнению, носило стадийный характер², исследователь отмечал и локальные традиции. Задачу археологов он видел в том, чтобы изучать и определять роль в процессе формирования "скифо-сибирского культурного единства" каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы³. Отдельные культуры, слагающие скифо-сибирский мир, писал М.П. Грязнов, самобытны и оригинальны⁴.

В таком подходе, однако, изначально было заложено противоречие между понятиями "единство" и "самобытность". Оно в данном случае не является диалектическим, поскольку речь здесь идет не о разных сторонах одного явления, а о явлениях разнопорядковых. Справедливо, на мой взгляд, отмечалось, что при таком подходе стираются хронологические, территориальные и культурные границы между группами археологических памятников⁵. Тем не менее он проявился в серии работ и других специалистов, а в наиболее концентрированном виде нашел отражение в монографии, где археологическая часть выполнена А.И. Мартыновым⁶. Такие понятия, как "скифо-сибирское единство" и "скифо-сибирский мир", в контексте их употребления оказываются синонимичными и в ходе рассуждений преобразуются в термин "историческое единство скифо-сибирского мира"⁷. При этом фактологическая база исследования входит с этим термином в явное противоречие, нашедшее, в частности, отражение в заключительном выводе о том, что скифо-сибирский мир степей Евразии не был единым ни в этническом, ни в культурном отношении⁸.

Представляется, таким образом, что обсуждению подлежит не само "единство", а те факторы, которые обусловили сходство и различия в конкретных и реально

существующих комплексах материальной культуры и которые могут быть выявлены археологически в регионе, заселенном сообществами сакского типа.

В пределах рассматриваемой территории черты определенного культурного сходства прослеживались еще с афанасьевского времени. По мнению С.В. Киселева, в срубно-андроновскую эпоху сближение Востока и Запада евразийских степей усиливается⁹, причем тесное взаимодействие между срубным и андроновским населением способствовало установлению определенного культурного единства¹⁰. Для эпохи раннего железа в каждом из отдельно взятых регионов среднеазиатско-казахстанской степи наблюдается в целом преемственность в основных характеристиках погребального обряда от населения эпохи бронзы¹¹.

Вместе с тем археологические исследования, проведенные в этих регионах, со всей очевидностью показали, что в каждом из них процесс формирования культур сакского типа характеризовался определенной спецификой, обусловленной развитием конкретной исторической ситуации. Так, в некоторых из них памятники андроновского типа фиксируются еще в VIII (VII?) в. до н.э.¹², в других наблюдается выраженная деформация классических андроновских черт. С поздне-андроновскими коллективами сосуществуют во времени дандыбай-бегазинские, а отдельные памятники, например мавзолей Северного Тагискена, несут в себе определенные черты обеих этих культур¹³. К тому же есть основания предполагать, что в формировании племен сакского типа приняли участие поздние срубники¹⁴ и карасукцы¹⁵. Да и сам андроновский культурный пласт не был однороден и включал в себя целый ряд локальных культур, кажущееся однообразие которых было связано лишь со сходными экологическими и географическими условиями, порождавшими и определенное сходство в материальной культуре¹⁶. Вопрос о культурном и этническом единстве андроновской общности остается пока открытым¹⁷. В районах наибольшего культурного контакта объединений срубного и андроновского типов, куда входило, в частности, и Южное Приаралье, происходили процессы культурно-генетического смешения, которые прослеживаются здесь еще со времени тазабегьябской культуры¹⁸. В это же время намечаются культурные различия между населением низовий Амударьи, с одной стороны, и Сырдарьи, с другой¹⁹.

Таким образом, даже беглый обзор материалов свидетельствует о многокомпонентности культурного пласта, предшествовавшего степным коллективам сакского типа, что вряд ли могло способствовать установлению культурного единства степей в эпоху раннего железа.

Можно предполагать далее значение постоянных межкультурных и межэтнических контактов, обусловленных прежде всего сезонными перекочевками скотоводов в пределах привычных для них экологических зон. Однако эти контакты не приводили к культурной и тем более этнической нивелировке, хотя и способствовали, безусловно, быстрому распространению в степи отдельных элементов материальной и духовной культуры²⁰. Факты широких миграций азиатских степных коллективов на запад и на юг не находят пока достаточно отчетливого подтверждения в палеоантропологических материалах, которые имеют в данном аспекте решающее значение. Очевидно, процесс таких проникновений был достаточно сложным и постепенным, скорее всего, многоактным. Если же численность этнического суперстрата намного меньше, чем субстрата, новые антропологические признаки могут проявиться не в комплексе, а в "смазанном" дисперсном виде²¹. Видимо, эти пульсирующие миграции осуществлялись разнокультурными и, скорее всего, разноэтническими коллективами, носителями достаточно специфических комплексов материальной культуры. Конкретные результаты миграций в различных районах не были однозначными и зависели от реальной демографической и социальной ситуации в каждом регионе.

Весьма дифференцированным было и влияние соседних земледельческих

цивилизаций в различных районах степи — в западных преобладало греческое, на Востоке — ахеменидское. К тому же воздействия эти в разных регионах имели неодинаковую силу и направленность. Если области Южного Приаралья всегда служили мощными ретрансляторами элементов южной культуры в степь, то, скажем, в Южную Сибирь эти влияния доходили в ослабленном или трансформированном виде.

На различных формах деятельности сообщества людей отражается степень адаптации к конкретной экологической нише, что проявляется и в комплексах материальной культуры²². В различных степных районах Средней Азии и Казахстана переход к скотоводческой основе ведения хозяйства происходил на протяжении нескольких столетий и имел различные формы, зависящие от конкретной природной ситуации в том или ином районе. Некоторые коллективы пошли по пути развития классического скотоводства (западные и центральные районы Казахстана)²³. Другие при наличии благоприятных условий переходили к плужному земледелию²⁴. У третьих, проживающих в условиях постоянного водоснабжения, амплитуда перекочевок не превышала 200 км (например, области Семиречья)²⁵, а в низовьях Аму- и Сырдарьи она была еще меньшей. Здесь долго сохранялось традиционное для этих мест сочетание оседлого скотоводства, поливного земледелия, собирательства, рыболовства и охоты. Традиции такого способа ведения хозяйства проявляются и в других районах Средней Азии²⁶.

Региональные хозяйственно-культурные различия между группами синхронного населения сакского времени проявляются не только в масштабе среднеазиатско-казахстанского региона в целом, но и в отдельных его районах. Так, только по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья Б.И. Вайнберг выделила 12 экологических ниш. По комплексам материальной культуры она наметила три большие области, каждая из которых подразделяется на отдельные районы²⁷.

Культурно-хозяйственная дифференциация населения Аму- и Сырдарьи, обозначившаяся по крайней мере еще в эпоху бронзы, становится особенно заметной с VI в. до н.э., когда в левобережном Хорезме начинается строительство крупных ирригационных систем, а в низовьях Сырдарьи сохраняются культурные традиции, восходящие к эпохе бронзы²⁸. Внутренние тенденции в развитии культуры населения левобережного Хорезма с этого времени во многом обусловлены спецификой взаимоотношений земледельческих и скотоводческих групп, проживавших в пределах одного оазиса²⁹. В дельте Сырдарьи такие контакты носили лишь эпизодический или опосредованный характер³⁰. Уже на примере сопоставления археологических материалов из двух соседних регионов можно установить отсутствие достаточно веских аргументов, позволяющих предполагать культурно-историческое единство. Еще более сомнительной, естественно, представляется гипотеза о единстве скифо-сибирского мира.

Сильным аргументом сторонников "единства" остается факт взрывоподобного распространения в степном поясе Евразии "скифской триады". В этой связи М.П. Грязнов писал, что единство культур скифо-сибирского мира характеризуется единством "скифской триады"³¹. Уже не раз триаде отводилась роль своеобразного маркера или индикатора принадлежности того или иного памятника, той или иной археологической культуры к этому единству³². Она же, по мнению А.И. Мартынова, свидетельствует об общих проявлениях материальной и духовной культуры на огромном пространстве степей³³. И, напротив, только лишь отсутствие в могильнике комплекса "скифской триады" автоматически выводило могильник или даже всю культуру, к которой он принадлежит, из круга сакских. В этом контексте можно напомнить, например, дискуссию о происхождении и типологической принадлежности куюсайской культуры левобережья Амударьи³⁴.

На примере "скифской триады" я пытался выявить модели распространения некоторых комплексов материальной культуры³⁵. Здесь я ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

С.А. Арутюновым на этнографическом материале были разработаны модели распространения культурных инноваций³⁶, в том числе престижно-знаковых систем, к числу которых, несомненно, надо относить и "скифскую триаду". В обмена такими системами легче всего вступают элитарные слои общества. В качестве наиболее оперативной референтной группы здесь часто выступают не высшие, а один из последующих социальных слоев, и прежде всего военная верхушка. Предметы материальной культуры, связанные с этой системой, характеризуют не культуру этноса, а надэтническую культуру социумов, принадлежавших к разным и иногда не связанным между собой этносам, хотя первоначально каждый из элементов триады имел утилитарное назначение. На первых порах формирования культур сакского типа эти элементы могли, следовательно, выступать и по отдельности. Замечу в связи с этим, что начало скифской эпохи трудно определить, если в качестве критерия использовать уже сложившуюся триаду³⁷.

К.А. Акишев справедливо указывал, что теории о единстве культур скифского времени евразийских степей основаны исключительно на блеске золота и бронзы, на таких элементах, как "скифская триада". При этом недостаточно учитываются столь важные компоненты культуры, как погребальный обряд, керамика, предметы быта³⁸.

Материальная культура является неотъемлемой составной частью этноса. Этнические сообщества и этнические процессы иерархичны³⁹. Можно предполагать, следовательно, что и элементы материальной культуры образуют иерархические системы, в рамках которых отдельные археологические признаки обладают неодинаковым таксономическим весом. С этой точки зрения вес такого таксона, каким является "скифская триада", крайне мал. Идея об определенной иерархичности сакской культурной общности была сформулирована довольно давно⁴⁰ и, думается, настала пора для создания иерархических классификаций с использованием конкретных археологических материалов. С учетом специфики источника при создании таких классификаций следует избегать, во-первых, терминологии, заимствованной из других, пусть и смежных исторических дисциплин, а во-вторых, во всяком случае первоначально использовать только те данные, которые предоставляет собственно археология. При этом нужно учитывать два принципа построения археологических классификаций — синхронный и диахронный, стремясь, по мере возможности, избегать одновременного проявления обоих.

Для обсуждения можно предложить, например, такую модель (от низшего таксономического уровня к высшему) археологической классификации:

- 1 — археологический комплекс (отдельно взятый археологический памятник);
- 2 — локальная группа памятников, входящая, как правило, в археологическую культуру;
- 3 — региональная группа памятников (система локальных групп или археологических культур, объединяемых по принципу сходства комплексов материальной культуры);
- 4 — зональная группа памятников (система региональных групп, объединяемых по принципу сходства единичных элементов материальной культуры);
- 5 — культурный мир (система археологических зон, выделяемая по степени принципиальной возможности культурных диффузий).

Подобное упорядочение археологического материала дает возможность в качестве следующего, интерпретационного шага перейти на уровень междисциплинарного сопоставления — с палеогеографическими, антропологическими, этнографическими схемами. Попытка такого сопоставления с использованием системы, предложенной В.П. Алексеевым⁴¹, в общем виде уже предпринималась⁴², но дальнейшее продвижение в этом направлении предполагает детальную разработку конкретных археологических комплексов.

На разных иерархических уровнях этнических общностей могут одновременно происходить сложные процессы ассимиляции и аккультурации, консолидации и

сближения⁴³. Представляется вероятным, что даже в рамках этнической общности низкого иерархического уровня трудно предполагать полное культурное или какое бы то ни было иное единство. Это тем более вероятно, когда речь идет не об узком хронологическом срезе, а о значительных временных промежутках, выделение которых обусловлено подчас разрешающими возможностями методики археологического датирования. И еще более сомнительным является тезис о единстве культурном и духовном человеческих коллективов, расселенных в пределах такого огромного ареала, каким являются степи Евразии.

- ¹ См., напр.: *Киселев С.В.* Алтай в скифское время // ВДИ. 1947. № 2. С. 172; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. С. 212; *Артамонов М.И.* Антропоморфные божества скифской религии // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57.
- ² *Грязнов М.П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 6, 7.
- ³ *Грязнов М.П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 18.
- ⁴ *Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 59.
- ⁵ *Исмагилов Р.Б.* О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989, С. 267.
- ⁶ *Мартинов А.И., Алексеев В.П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.
- ⁷ Там же. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 127.
- ⁹ *Киселев С.В.* Алтай... С. 172.
- ¹⁰ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. С. 59—61.
- ¹¹ См., напр.: *Толстой С.П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 67, 68; *Акишев К.А.* Саки Семиречья // Тр. ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 209; *Толстой С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 157; *Арсланова Ф.Х.* Новые материалы VII—V вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. Вып. 4: Бронзовый и железный века Сибири. С. 83.
- ¹² *Черников С.С.* Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. 1967. Вып. 26. С. 31.
- ¹³ *Толстой С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. // МХЭ. М., 1963. Вып. 6. С. 45.
- ¹⁴ *Вишневецкая О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии // МИА. 1971. № 177. С. 207.
- ¹⁵ *Ахунджанов С.М., Ермолаева А.М.* и др. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 89—91; *Кызыласов Л.Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакских культур // СА. 1972. № 2. С. 75; *Савинов Д.Г.* Южная Сибирь // Первобытная периферия классовых обществ. М., 1978. С. 131.
- ¹⁶ *Итина М.А.* Степные племена Среднеазиатского междуречья во второй половине II — начале I тысячелетия до н.э. // СЭ. 1962. № 3. С. 113.
- ¹⁷ Ср., напр.: *Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Бюл. Междунар. ассоц. по изуч. культур Центр. Азии. М., 1985. Вып. 9. С. 34; *Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 17, 18.
- ¹⁸ *Толстой С.П.* Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. 1961. № 4. С. 119.
- ¹⁹ Там же. С. 120.
- ²⁰ *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 44, 45.
- ²¹ *Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2. С. 44, 45.
- ²² *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 5.
- ²³ *Акишев К.А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 46.
- ²⁴ *Марков Г.Е.* Кочевники Евразии. М., 1976. С. 280.
- ²⁵ *Акишев К.А.* К проблеме происхождения... С. 36.
- ²⁶ См., напр.: *Сорокин С.С.* Древние скотоводы ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 160.
- ²⁷ *Вайнберг Б.И.* Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1988. С. 40—43.
- ²⁸ *Андрианов Б.В.* Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 17, 18.
- ²⁹ *Вайнберг Б.И.* Модели взаимодействия скотоводов и земледельцев по археологическим материалам из Хорезма и сопредельных областей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. докл. сов.-фр. симпоз. Алма-Ата, 1987. С. 16, 17; *Яблонский Л.Т.* Взаимодействие кочевых племен и древних земле-

- дельцев Хорезма по материалам могильников // Там же. С. 131, 132.
- ³⁰ *Неразик Е.А.* Приаралье: Экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. С. 93—96.
- ³¹ *Грязнов М.П.* К вопросу о сложении культур... С. 9.
- ³² *Мартынов А.И., Алексеев В.П.* История и палеоантропология... С. 7, 8, 132.
- ³³ *Мартынов А.И.* О степной скотоводческой цивилизации I тысячелетия до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 288, 289.
- ³⁴ *Вайнберг Б.И.* Скотоводческие племена в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 128; *Итина М.А.* От редактора // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 7 (ТХАЭЭ; Т. 9); *Яблонский Л.Т.* К этногенезу населения Северной Туркмении (по материалам могильника Сакар-чага 3) // СЭ. 1986. № 5. С. 50.
- ³⁵ *Яблонский Л.Т.* "Скифская триада" и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 14—16.
- ³⁶ *Арутюнов С.А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 24—59; *Он же.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1. С. 8—21; *Он же.* Народы и культуры. М., 1989. С. 160—200.
- ³⁷ *Акишев К.А., Акишев А.К.* К проблеме хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 50.
- ³⁸ *Акишев К.А.* Саки азиатские... С. 44.
- ³⁹ См., напр.: *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 125—153.
- ⁴⁰ *Литвинский Б.А.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 6. С. 83.
- ⁴¹ *Алексеев В.П.* Этногенез. М., 1986. С. 20—22.
- ⁴² *Яблонский Л.Т.* Этноисторическая ситуация в Южном Приаралье эпохи ранних саков // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций культур на Востоке: Тез. докл. и сообщ. М., 1988. Т. 1. С. 189, 190.
- ⁴³ Понятийный аппарат см.: *Козлов В.И.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // ВИ. 1968. № 9. С. 96, 97; *Арутюнов С.А.* Билингвизм и бикультурализм // СЭ. 1978. № 2. С. 3.

М.Г. МОШКОВА

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ "СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА"

Проблема существования в VII—IV вв. до н.э. так называемой "скифской триады"* , демонстрирующей видимую схожесть определенных предметов материальной культуры (оружие, конское снаряжение, изделия в "зверином стиле") и распространившейся на колоссальной территории евразийских степей и полупустынь, а в некоторых районах и на землях лесостепной зоны, давно занимает археологов.

Появление массового археологического материала и интереснейших индивидуальных находок на всей степной полосе от Дуная до Китая не столько помогло в объяснении причин создания и существования "скифской триады", сколько способствовало появлению новых, но по-прежнему недостаточно аргументированных гипотез, а главное самой разнообразной терминологии, обозначающей это явление. Наиболее употребительными оказались термины "скифо-сибирское единство", "...общность", "культурно-историческое единство" или "...общность", просто "историческая общность" культуры "скифо-сибирского круга" и "скифо-сибирский мир" (см., например, А.И. Мартынова, В.П. Алексеева)¹. Поскольку практически никто из авторов, оперирующих этими понятиями, не дают их дефиниций и нередко в контексте своих статей с одинаковой легкостью

*Еще в начале 50-х годов Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова подчеркивали, что "название этой триады скифской может существовать лишь как совершенно условное", и замечали также, что развитие кочевых форм быта, способствовавших быстрому распространению некоторых черт быта, не является основанием для постулирования переселений².

употребляют все их одновременно, надо думать, что многие археологи, особенно занимающиеся сибирской археологией, считают их равнозначными и никаких принципиальных различий не видят. С подобной позицией трудно согласиться. Однако, пока эта тема не будет разработана всерьез как в практическом, так и в теоретическом плане, трудно отдать предпочтение тому или иному термину. Наименее удачным мне представляется термин "скифо-сибирское единство". О каком единстве идет речь — единстве происхождения, хозяйственном, этническом, идеологическом, единстве определенных форм материальной культуры, — никаких уточнений на этот счет, которые составили бы разработанную систему признаков, у нас нет. Историческое явление, определяемое этим понятием, представляет отнюдь не единство, а беспредельное многообразие форм всех перечисленных составляющих, которые и образуют материальную и духовную культуру, вернее, множество археологических культур, оставленных нам населением евразийских степей, полупустынь и южной кромки примыкающей к ним лесостепи.

Почти то же самое можно сказать и об общности, с той лишь разницей, что единство по сравнению с ней являет собой наибольшую консолидацию входящих в него культурных регионов. Думаю, что пока следует остановиться на термине "скифо-сибирский мир" как наиболее нейтральном.

Необходимость рассмотрения проблемы существования культур, объединяемых понятием "скифо-сибирский мир", диктуется и тем, что в последние годы вновь появляющиеся и давно известные археологические культуры начинают включать в состав "скифо-сибирского мира", не имея на то достаточных оснований. Так, речь идет, например, об ананьинской культуре³ или о культуре, сформировавшейся к концу VI в. до н.э. в правобережном лесостепном Приобье. О последней В.А. Могильников пишет, что она входила в «круг культур "скифо-сибирского историко-культурного единства"»⁴.

К сожалению, пока нет убедительных гипотез, которые наиболее полно выявили бы причины появления "скифской триады", тем более что сейчас к триаде прибавляют также оленные камни и бронзовые котлы.

К уже существовавшим ранее гипотезам (формирование триады или ее отдельных элементов в Северном Причерноморье⁵, Малой Азии⁶, Центральной Азии⁷) в последние годы прибавились две новые. М.П. Грязнов выделил 10 центров, или районов, формирования культур скифского облика, где в VIII—VII вв. до н.э. (памятники аржано-черногоровского этапа) этот процесс происходил практически конвергентно⁸. И, наконец, В.В. Волков в своей последней работе считает, что при выяснении первопричин и ведущих факторов сложения "скифо-сибирского единства" предпочтение следует отдать этническому фактору — перемещению и передвижению группы родственных племен. Но, правда, тут же автор оговаривается, что на огромной территории, занятой племенами скифского мира, не могло быть единого и однородного этноса⁹.

Такова сейчас ситуация в разработке проблемы "скифо-сибирского мира".

Действительно, сходство отдельных предметов, разделенных иногда тысячами километров, бывает поразительным, тем более что это может быть волжская лесостепь и район Ташкента или Восточный Казахстан (см. кинжалы из Котловского могильника — Ананьино и найденный при рытье Ташкентского канала¹⁰ или орлы из Зуевского могильника и Чиликтинского кургана¹¹). Однако уровни сходства или близости между археологическими комплексами отдельных регионов и различных археологических культур, а также в разные хронологические отрезки времени до IV в. до н.э. включительно суть совершенно разные величины.

Если говорить о широких хронологических срезах, то наибольшее сходство отдельных элементов триады обнаруживают ранние пласты: я имею в виду

комплексы самого конца VIII — начала VI в. до н.э. Но этому периоду предшествовал еще более древний круг аналогий XIII—VIII вв. до н.э., выделенный в свое время Н.Л. Членовой¹², к тому же на более широкой территории — от Тихого океана до Центральной Европы. Можно соглашаться или не соглашаться с гипотезой Н.Л. Членовой, выдвинутой ею для объяснения этого явления. Но факт определенных параллелей (может быть, не столь многочисленных, как предлагает автор), о которых говорит Н.Л. Членова, бесспорен.

Следующий хронологический период — середина VI—III в. до н.э. (хотя мне представляется более реальной верхняя граница — конец IV в. до н.э.), которому А.И. Мартынов отводит центральное место в теории "скифо-сибирского единства", археологически гораздо менее монолитен и представлен множеством полностью сформировавшихся культур раннего железного века степей Евразии. Общим для них является лишь наличие триады, хотя конкретные формы ее выражения сугубо локальны¹³.

Однако наблюдается не только динамика в величинах степени сходства и различия предметов триады, связанная с временным фактором, но и довольно резкое географическое разделение исследуемых регионов. Весь скифо-сибирский мир делится на круг восточных культур, которые нередко называют культурами "сакского" типа, и круг западных — "скифского" типа. "Савроматские" древности при этом раскладе занимают срединное положение. Причем внутри последней группы памятников западная часть тяготеет к "скифским" культурам, восточная — к "сакским". В свою очередь, каждый из этих больших культурных регионов делится на ряд самостоятельных археологических культур, связь между которыми по степени сходства различна. Но каждая из культур, входящих в понятие "скифо-сибирский мир", уникальна. Поэтому изучение скифо-сибирского мира как исторического феномена возможно и необходимо только системное, без вырывания из всей необозримой источниковедческой базы отдельных более или менее сходных предметов.

Один из таких подходов (который для превращения из гипотезы в концепцию должен быть разработан на всей сумме источников по вертикали и по горизонтали) представляется в какой-то степени перспективным.

Как уже говорилось, появление на широкой территории аналогичных форм таких предметов, как конское снаряжение и вооружение, относится ко времени скифского периода. Не надо также забывать, что не позднее середины II тысячелетия до н.э. человек освоил лошадь для верховой езды, и следовательно, начался процесс выработки оптимального варианта конского снаряжения. Кроме того, и это самое главное, открылся путь к появлению нового типа хозяйства — подвижного скотоводства, в том числе и кочевого экстенсивного. Не исключено также, что на рубеже II—I тысячелетий до н.э. или в начале I тысячелетия до н.э. в евразийских степях происходят экологические сдвиги в сторону аридизации климата. Все это, вместе взятое, подтолкнуло население аридной зоны, имевшее за спиной солидный опыт ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства и навыки разведения скота, к переходу к экстенсивному кочевому скотоводству. Но легкая очуждаемость скота требовала, в свою очередь, выработки наиболее эффективных форм защиты своих стад. Появляется всадническое воинство.

Период становления новых кочевых форм скотоводческого хозяйства был временем наибольшей подвижности скотоводов-кочевников, временем, когда с невероятной быстротой и на огромнейшие расстояния разносились все достижения как в области ведения новых форм хозяйствования и кочевого быта, так и в области защиты скота и соответственно новых хозяйственных и социальных структур. Сформировались новые формы связей, способствующие быстрейшей передаче и заимствованию передовых достижений.

Именно в момент сложения этой системы фиксируются наиболее далекие и нерегламентированные передвижения кочевников (в качестве примера можно привести оленные камни, известные даже в Центральной Европе, хотя основная территория их распространения ограничивается востоком — Монголия, Тува, Алтай). Поэтому на более ранних стадиях развития (предскифский, раннескифский периоды) близость предметов триады выступает гораздо рельефнее, чем в более поздних памятниках.

Наконец, происходившие в кочевых обществах социально-экономические процессы должны были быть освещены определенной идеологией. Одним из выражений ее во всех культурах раннего железного века, оставленных ирано-язычным населением, явился так называемый звериный стиль. При этом все наиболее ранние изделия, выполненные в "зверином стиле", так или иначе связаны с предметами вооружения и конского снаряжения. Все это говорит о том, что "скифская триада" должна была сложиться только в недрах кочевого населения. Существование ее, скажем, в тагарской культуре (не говоря уже о культурах западно-сибирской лесостепи) следует рассматривать, мне кажется, в качестве явления вторичного порядка. А потому возможность включения тагарской культуры в состав "скифо-сибирского мира" требует специального рассмотрения.

Все эти процессы, происходившие в начале I тысячелетия до н.э., и заняли несколько столетий, по крайней мере IX—VIII вв. до н.э.

С течением времени за каждым племенным объединением была закреплена своя территория, на которой происходило сложение культурного комплекса, отражавшего в большинстве случаев и определенную этническую консолидацию. Время окончательного оформления археологических культур, вошедших затем в понятие "скифо-сибирский мир" (имеются в виду только культуры кочевого населения), на разных территориях было различным. Но в основном оно охватило VII—VI вв. до н.э.¹⁴

При этом становление рассматриваемых культур происходило под несомненным влиянием южных оседло-земледельческих цивилизаций, а связи кочевников с разными центрами передовой культуры способствовали различной окраске новых культурно-хозяйственных комплексов. Но основу уникальности каждой культуры составлял, как правило, подстилающий местный пласт вместе с возможными передвижениями кочевников.

Пришедший в движение массив степных племен, конечно, оказал влияние на своих северных оселых земледельческо-скотоводческих соседей, тем более что всю первую половину I тысячелетия до н.э. у них тоже происходили процессы создания новых культурных образований, что связано с переходом от эпохи бронзы к эпохе железа. Между степняками и северным оседлым населением издавна существовали практически постоянные торгово-экономические, а в отдельных случаях и этнические связи. Переход племен аридной зоны к кочевому скотоводству еще более усилил эти контакты. В некоторых районах они базировались на снабжении кочевников изделиями металлургического производства, но возможны и иные варианты.

"Савроматская" археологическая культура, состоящая из двух локальных вариантов, или две различные культуры¹⁵, по-видимому, в силу своего географического положения, занимают особое место в системе культуры "скифо-сибирского мира". Формирование этих комплексов в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье происходило не ранее VI в. до н.э., а может быть, даже в его середине. Для памятников района Нижнего Дона и его дельты можно говорить о появлении их в начале VI или даже самом конце VII в. до н.э. Но последняя область являлась зоной смешения нескольких этнических групп — скифов, савроматов, меотов, а потому изучение ее требует особых подходов. Население районов степного Зауралья, которое традиционно присоединялось к кочевникам Южного Приуралья, также имело свою особую судьбу. Как считает А.Д. Таиров, эта

территория в VII—VI вв. до н.э. была теснейшим образом связана с памятниками ранних кочевников Приаралья, Северного и Центрального Казахстана¹⁶ и, возможно, являлась отдаленной периферией тасмолинской культуры¹⁷. С середины VI в. до н.э. этногенетическая обстановка во всем Южном Приуралье, а также и в Зауралье резко меняется. Здесь формируется яркий комплекс, назовем его условно "савроматский", имеющий множество параллелей как с восточным, так и с западным миром. Также только в VI в. до н.э. складывается "савроматская" культура в Нижнем Поволжье, но прямые аналогии ее комплексу уводят нас главным образом на запад и юго-запад (Кавказ). Однако эти параллели касаются, как правило, оружия, конского снаряжения и некоторых других металлических изделий — бронзовых зеркал и котлов. Четкое разделение на восток и запад дает также импортный материал, хотя бывают и исключения. Керамический же комплекс каждого из этих регионов самостоятелен и самобытен, хотя существует довольно много достаточно близких форм. Но начиная с конца IV и в III в. до н.э. в результате массового переселения кочевников из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье и далее в междуречье Волги-Дона, эти различия стираются.

Итак, именно в интересующий нас скифский период между археологическими комплексами Южного Приуралья и Нижнего Поволжья с Доном существуют наибольшие различия. Однако уровень различий двух регионов между собой (учитывая и погребальный обряд) на фоне, с одной стороны, западных "скифских" культур, с другой — восточных "сакских" гораздо ниже, чем каждой из них с окружающим миром. При неразработанности нашей понятийной номенклатуры остается пока открытым вопрос как рассматривать два региона, объединенных до последнего времени традиционно единой "савроматской" археологической культурой как два локальных варианта этой культуры или как две разных культуры.

Этот пример приведен для того, чтобы показать, как велико влияние (во всех аспектах) на облик культуры кочевников окружающего их внешнего мира — и кочевого и оседлого, как велики связи между ними, выражающиеся в самых разнообразных формах (в том числе и даннических), и как формируется облик культуры в зависимости от этих связей. При очень высокой мобильности кочевых обществ все достижения в любой области их культуры распространяются по степи молниеносно. Значит, схожесть и близость некоторых предметов материальной культуры кочевников, разделенных нередко тысячами километров, вовсе не свидетельствует о "единстве" или "общности" (еще вопрос, как понимать эти термины) данных кочевых объединений. Тем более что это явление присуще не только скифской эпохе. Почти такую же ситуацию мы наблюдаем и в сарматский период, начиная с III—II вв. до н.э., и особенно с первых веков нашей эры. Оружие сарматских форм характерно для кочевников и части оседлого населения Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Казахстана, Средней Азии, племен западносибирской лесостепи и т.д. То же самое можно сказать о конском снаряжении, котлах, пряжках. Наконец, с первых веков нашей эры происходит как бы возрождение "звериного стиля", называемого теперь "сарматским звериным стилем". Однако предметы, выполненные в этом стиле, отличаются от изделий VII—IV вв. до н.э. целым рядом стилистических особенностей и не могут представлять собой дальнейшее развитие более ранних образцов. Как и в скифское время, сложение основных форм оружия, конского снаряжения происходит в евразийских степях. Что касается изделий в "сарматском зверином стиле", то достаточно убедительно звучит утверждение о близости его с передневносточным искусством, с иранском миром и с возможностью появления на нашей территории (главным образом, в низовьях Дона) в связи с проникновением новой волны кочевников с юго-востока¹⁸.

"Сарматский" облик целого ряда категорий инвентаря в самых различных

культурах, как кочевых, так и оседлых, привел к появлению в нашей литературе практически тех же терминов, которые существуют для скифской эпохи — "сарматоидные культуры", "восточные сарматы". Значит, близость, но далеко не идентичность некоторых форм инвентаря и даже отдельных черт погребального обряда (при этом каждая из культур "скифо-сибирского мира", как и "сарматского мира", сугубо локальна, узнаваема, отличима от каждой другой) в культурах кочевых племен, а иногда и окружающих их оседлых является выражением существования определенных исторических закономерностей, свойственных развитию обществ скотоводов-кочевников.

Вопрос о государственных образованиях в среде евразийских кочевников не менее, если не более, сложен.

Несмотря на неоднократные заявления А.И. Мартынова о бесспорности существования государства у "скифов, саков, древнего населения Алтая, тагарской культуры и Ордоса" и вероятности его у "савроматов и населения уюкской культуры"¹⁹, проблема эта очень далека от своего разрешения, и главное, почти не разрабатывается исследователями на конкретном материале культур "скифо-сибирского мира" (исключение составляют только скифы, у которых существование государства признается всеми). Поэтому некоторые высказывания А.И. Мартынова среди его последователей (например, Ю.П. Алексина) приобретают уже статус аксиомы с безусловным утверждением государственных образований у тех племен, где А.И. Мартынов предполагает лишь их вероятность (например, "скифские племена Тувы и савроматы")²⁰.

Представляется, что в этом вопросе требуется еще более дифференцированный подход к населению, оставившему культуры так называемого скифо-сибирского мира. По существующим сейчас представлениям в состав его входят как сугубо скотоводческие, так и скотоводческо-земледельческие общества, социальные процессы внутри которых и пути развития далеко не идентичны и неоднозначны. Значит, для решения и этой проблемы необходимы исследования по частным и общим вопросам отдельных племенных объединений. Практически все данные относительно раннеклассовых государственных образований у кочевников сконцентрированы в одной из последних книг А.М. Хазанова²¹. Поэтому от исследователей, занимающихся вопросами государственности у племен скифо-сибирского мира, необходимо по крайней мере услышать аргументированное опровержение или согласие с концепцией, предложенной А.М. Хазановым.

То же самое можно сказать и о новой теории А.И. Мартынова и его сторонников²², утверждающей существование в евразийских степях скотоводческой цивилизации.

В этой связи необходимо отметить, что, во-первых, не дана дефиниция понятия "степная скотоводческая цивилизация", а тем более "локальная цивилизация". Во-вторых, в качестве постулата новой концепции берется факт бесспорного существования практически на всей территории скифо-сибирского мира государственных образований, что в действительности надо специально разбирать и доказывать в каждом отдельном случае.

Подводя итоги всему сказанному, мне кажется, что пока мы очень далеки от превращения наших предположительных высказываний в действительно научные гипотезы. И, видимо, пройти этот путь возможно, только объединив усилия заинтересованных в этом исследователей.

¹ Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и антропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.

² Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скиф-

ское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 92, 93.

³ Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и антропология...

⁴ Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур ран-

- него железного века лесостепи Западной Сибири // *Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков*. Тюмень, 1989. С. 67.
- ⁵ *Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях...; *Киселев С.В.* История Южной Сибири. М., 1951. С. 186, 187; *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.
- ⁶ *Ростоцев Н.И.* Эллинизация и иранство на юге России. Пг., 1918; *Он же.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 303—309; *Членова Н.Л.* Скифский олень // *МИА*. 1962. № 115. С. 192, 193; *Она же.* Иранские прототипы "скифских оленей" // *КСИА*. 1983. Вып. 178. С. 9, 10.
- ⁷ *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифы VII—IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 10.
- ⁸ *Грязнов М.П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // *Археология Южной Сибири*. Кемерово, 1983.
- ⁹ *Волков В.В.* Центральная Азия и скифо-сибирская проблема: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1990. С. 11.
- ¹⁰ *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *МИА*. 1952. № 30. С. 100, табл. XXI, 2; *Литвинский Б.А.* Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972. С. 112, табл. 40, 1.
- ¹¹ *Збруева А.В.* История населения Прикамья... С. 133, табл. XXVI, 3; *Черников С.С.* Загадка Золотого кургана. М., 1968.
- ¹² *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 131—135, табл. 60—64, 67, 68.
- ¹³ *Мартынов А.И., Алексеев В.П.* История и антропология...
- ¹⁴ *Дворниченко В.В., Кореняко В.А.* Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // *Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 149.
- ¹⁵ *Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Науч. докл., представл. в качестве дис. ...д-ра ист. наук. М., 1989. С. 20—24.
- ¹⁶ *Таиров А.Д.* Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1986. С. 36.
- ¹⁷ *Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития...
- ¹⁸ *Засецкая И.П.* Изображение пантеры в сарматском искусстве // *СА*. 1980. № 1. С. 53, 54.
- ¹⁹ *Мартынов А.И.* О степной скотоводческой цивилизации I тысячелетия до н.э. // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата, 1989. С. 291.
- ²⁰ *Алехин Ю.П.* К вопросу культурно-этнических связей, социальной организации и идеологии носителей большереченской культуры // *Проблемы археологии скифо-сибирского мира: (Социальная структура и общественные отношения)*. Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1989, С. 85.
- ²¹ *Khazanov A.M.* Nomads and the outside world. Cambridge, 1984.
- ²² *Мартынов А.И.* Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация V—II вв. до н.э. // *Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Он же.* О степной...

А.И. МЕЛЮКОВА

ВЗГЛЯД ИЗ СКИФИИ НА СКИФО-СИБИРСКОЕ ЕДИНСТВО

Сходство в оружии, конском уборе и "зверином стиле" из скифских и сибирских курганов, замеченное исследователями в конце XIX — начале XX в., привело тогда же к возникновению представления об археологическом единстве в степях Евразии в скифский период¹. Такое представление сохранилось до недавних пор, когда А.И. Мартыновым была сформулирована концепция скифо-сибирского культурно-исторического единства, получившая признание ряда ученых, занимавшихся изучением сибирских древностей. По этой концепции скифо-сибирское единство трактуется уже как определенное историческое явление или система, сложившаяся и существовавшая в евразийских степях, лесостепях и горных долинах на протяжении VI—III вв. до н.э. К числу признаков, объединяющих культуры и народы европейской части СССР, Средней Азии, Тувы, тагарские племена на Енисее, жителей Забайкалья и некоторые другие, кроме упомянутой триады, А.И. Мартынов относит и "общие в ряде случаев приемы устройства погребальных сооружений, их архитектурно-конструктивные черты, схожие элементы в обряде погребений. В вещах — конструктивную и смысловую

близость соляных бляшек, зеркал, некоторых групп керамики, сходство кельтов и бронзовых серпов азиатских типов"².

Концепцию этого исследователя принять не представляется возможным, ибо против скифо-сибирского единства говорит само существование в Евразии разных археологических культур, каждая из которых имела свой генезис, свою территорию, принадлежала к определенной этнической группировке. Носители этих культур никогда не составляли целого, имели свои исторические судьбы и разные ориентации связей. Да и сравнение сходных элементов показывает отсутствие тождества между большинством из них. В целом различия между культурами скифов, савроматов, меотов, саков и других народов Евразии, упомянутых А.И. Мартыновым, значительно преобладают над чертами сходства, которые их соединяют. Поэтому нельзя говорить, на мой взгляд, не только о единстве, но и о культурно-исторической общности степей в Евразии в скифский период, как предлагает В.И. Матющенко³. Наиболее подходящим, хотя и не совсем корректным наименованием для обозначения рассматриваемого явления следует признать термин "скифский мир", предложенный И.В. Яценко и Д.С. Раевским, или "скифо-сибирский мир", более часто употребляемый разными исследователями. Тот и другой включают в себя различные культуры Евразии VII—III вв. н.э., "в ряду которых культура скифов Причерноморья является одним из самостоятельных и равноправных звеньев"⁴. При этом, очевидно, такое понятие должно относиться преимущественно к кочевникам или полукочевникам евразийских степей, так как именно они были создателями и носителями сходных элементов в культурах скифо-сибирского мира. Исключение может быть сделано для оседлого, земледельческого населения лесостепи Восточной Европы, в течение длительного времени находившегося в тесных экономических и культурных контактах с кочевниками. Его культуру трудно отличить от скифской в степях Причерноморья.

К скифскому миру нельзя причислять такие культуры, как ананьинская или милградская, упомянутые А.И. Мартыновым среди составляющих скифо-сибирское единство. В них среди преобладающих местных материалов лишь спорадически встречаются вещи скифского типа. Сомнение вызывает и принадлежность к этому миру земледельческо-скотоводческих племен тагарской культуры, хотя и достаточно широко использовавших сходные с кочевническими формы оружия, конского убора и "звериного стиля", но не применявших железа для их изготовления, и в целом очень своеобразных⁵. Не может относиться к скифскому миру и кобанская культура Северного Кавказа, носители которой лишь в VII—VI вв. до н.э. находились в тесном контакте со скифами и восприняли от них ряд элементов материальной культуры, но жили достаточно обособленно и сохранили самобытность во многих категориях вещей и погребальном обряде⁶.

Не могу согласиться и с хронологией исторических процессов, связанных с формированием и развитием культур скифо-сибирского мира, предложенной А.И. Мартыновым. Признавая вслед за М.П. Грязновым появление сходных черт в культурах различных регионов Евразии в предскифскую эпоху, он вместе с тем трактует этот период как переходный и ведущий к единству в VI—III вв. до н.э. Наивысшее развитие единства датируется А.И. Мартыновым V—III вв. до н.э. Такое построение представляется ошибочным. Сходные черты, появившиеся сразу же после массового перехода к кочевому скотоводству на всей территории евразийских степей, в скифский период наиболее ярко выражены в VII—VI вв. до н.э. Для предскифского этапа они хорошо прослеживаются для аржано-черногорских памятников восточных регионов Евразии и черногорско-новочеркасских Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Волго-Донского междуречья. Для VII—VI вв. до н.э. особенно показательным является отсутствие различий между памятниками на Нижнем Дону, где, по Геродоту,

проходила граница между скифами и савроматами. В связи с этим одни исследователи считают левобережные и правобережные погребения VII—VI вв. до н.э. в курганах Нижнего Дона савроматскими⁷, другие причисляют их к скифским⁸. С течением времени границы между отдельными группами и союзами племен становятся более стабильными, как и связи с определенными центрами производства. Благодаря этому отличия в культурах кочевников становятся более заметными и яркими. Так, например, малозаметные различия в триаде у скифов и савроматов VI в. до н.э. становятся значительными в V и особенно в IV в. до н.э.⁹ Еще более ощутима разница при сравнении оружия, конского снаряжения и "звериного стиля" причерноморских скифов с бытовавшими в V—IV вв. до н.э. в восточных регионах Евразии¹⁰. Таким образом, совершенно очевидно, что процесс идет обратным путем, чем это представляется А.И. Мартынову.

Как объяснить появление сходных элементов в культурах скифо-сибирского мира?

Сейчас уже ясно, что скифское Причерноморье, которое 30 лет тому назад считалось многими исследователями исходной зоной, откуда распространялась триада на восток¹¹, такой зоной быть не могло. После открытия кургана Аржан в Туве и близких к нему по времени и элементам материальной культуры памятников на Алтае, в Приаралье и Казахстане получила распространение точка зрения о сложении всех составляющих триады и многих других черт культур скифского мира в Центральной Азии и миграциях азиатских народов на запад, способствовавших появлению скифов и скифской культуры в Северном Причерноморье, и на Северном Кавказе¹². Не исключая возможности миграций из Центральной Азии и появления в связи с этим в Северном Причерноморье и на Кавказе ряда неизвестных здесь ранее черт в материальной культуре, хотелось бы обратить внимание на обстоятельства, которые не позволяют выводить всю скифскую культуру из Центральной Азии или из какого-либо иного восточного региона евразийских степей. Во всех местах, где в настоящее время известны памятники скифского мира, в том числе и в Центральной Азии, не удастся найти территории, на которой можно было бы проследить процесс сложения всех составляющих элементов триады и других характерных признаков раннескифской культуры с эпохи бронзы. Кроме того, новые материалы, известные в настоящее время на Северном Кавказе и в Причерноморье, относящиеся к концу новочеркасского этапа и содержащие элементы скифской культуры, не позволяют считать комплексы Аржана, Гумарова, Чиликты предшествовавшими им (некоторые курганы у хут. Красное Знамя, у ст-цы Алексеевской, у Лермонтовского разъезда, у сел. Квитки, Ольшана и некоторые другие)¹³. Против увлечения центральноазиатским происхождением скифской культуры свидетельствует и отсутствие тождественности в формах и орнаментации сходных предметов. В частности, достаточно четко прослеживаются особенности "звериного стиля" из Аржана, Гумаровского и Чиликтинского курганов, с одной стороны, и раннескифского с территории Северного Кавказа и Причерноморья, с другой. Это не позволяет считать родиной скифского "звериного стиля" Центральную Азию. Особенно показательно сравнение блях в виде свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (тигра, по М.П. Грязнову)¹⁴ с раннескифскими¹⁵. Особенности стилизации не разрешают ставить их в зависимость друг от друга, а лишь допускают одну прародину, вероятно на Переднем Востоке, и самостоятельное развитие на разных территориях¹⁶.

Нельзя выделить какой-то один, определенный центр формирования оружия скифских типов. Так, среди наконечников стрел есть такие, которые ведут свое происхождение из восточных районов Евразии (двулопастные малоцимбальского и раннежаботинского типов)¹⁷. Широко распространенные в раннескифский период трехлопастные стрелы листовидной формы скорее всего происходят с юго-востока

иранского мира, где они известны с начала I тысячелетия до н.э.¹⁸ К сабатиновским и белозерским костяным наконечникам стрел восходят втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники из бронзы предскифского и раннескифского времени¹⁹. Характерные для восточных районов евразийских степей черешковые наконечники стрел у скифов не получили распространения.

По-разному в настоящее время объясняется происхождение акинаков. Наиболее убедительным представляется решение в пользу их происхождения от киммерийских кинжалов, лучше всего известных на Северном Кавказе²⁰. Особенно веские аргументы в пользу этого приведены Б.А. Шрамко, установившим преемственность на основании технологии металлообработки²¹. Вместе с тем нельзя не отметить интересную мысль Р.Б. Исмагилова о развитии бронзовых кинжалов тагарской культуры Южной Сибири, напоминающих скифские по форме перекрестья и навершия, из карасукских²².

Неоднородным было происхождение конской узды предскифского периода, из которой формировались типы удила, псалиев и блях скифской эпохи. Очевидно, правы те исследователи, которые говорят о происхождении стремячковых удила в восточных областях евразийских степей, а двукольчатых на Северном Кавказе²³. Также неоднозначно решается вопрос о происхождении псалиев разных типов, застезек и блях для перекрестных ремней²⁴.

К числу вещей, безусловно имевших прототипы в восточных районах Евразии, относятся бронзовые зеркала с петелькой на обороте, появившиеся в раннескифскую эпоху в Предкавказье, Северном Причерноморье и у савроматов²⁵. Из Средней Азии и Казахстана происходят блюда-алтарики, широко распространенные в этих районах и известные в небольшом количестве в степных и лесостепных курганах VII—VI вв. до н.э.²⁶ Неясен пока генезис бронзовых литых котлов, широко употребляемых кочевым населением Евразии в скифский период. Н.Л. Членова выводит их из древневосточных, а К.Ф. Смирнов — из восточно-европейских клепаных котлов конца эпохи бронзы²⁷. Нужно заметить при этом, что, будучи близкими по форме, котлы разных районов скифо-сибирского мира имеют свои особенности в орнаментации, расположении ручек и других деталях. Нет полного сходства даже между скифскими и савроматскими котлами²⁸.

Таким образом, в настоящее время достаточно очевидно, что разные звенья материальной культуры, характерные для скифского мира, зарождались не в одном, а в разных местах и, возможно, не совсем в одно время. Импульсом к их возникновению послужил переход к кочевому скотоводству и образу жизни в степях Евразии и в связи с этим изменения в идеологии, социальном устройстве и взаимоотношениях с соседними и более отдаленными народами. В условиях большой подвижности кочевников, широкого межплеменного обмена, частых войн и грабительских набегов достижения одних племен быстро получали всеобщее распространение. Этому способствовало и то, что значительная часть кочевого населения, по крайней мере скифы, савроматы, саки, принадлежали к одной восточноиранской группе народов и потому имели близкие языки и религиозные представления. Последнее явилось главной причиной распространения искусства "звериного стиля". Вместе с тем изготовление заимствованных вещей в том или ином производственном центре придавало специфические черты сходным предметам, значение которых увеличивается с течением времени.

Что касается упомянутых А.И. Мартыновым других якобы сходных вещей у племен, объединенных им в скифо-сибирское единство, то кельты и бронзовые серпы "азиатских степей" ни скифами, ни савроматами не употреблялись.

Невозможно проследить черты сходства и среди некоторых групп керамики. В каждой из культур скифо-сибирского мира керамика развивалась по-своему и имела свою специфику. Исключение может быть сделано для простейших форм горшков, ведущих свое происхождение от сосудов срубной и андронов-

ской культур. При этом наиболее близкие формы наблюдаются на соседних территориях у скифов степей Северного Причерноморья и савроматов Нижнего Поволжья. Горшки, бытовавшие у носителей савроматской культуры Южного Приуралья, гораздо меньше похожи на скифские, не говоря уже о сосудах из сакских погребений Приуралья²⁹.

Элементы сходства в погребальных сооружениях и некоторых чертах обряда на обширной территории евразийских степей в раннескифский период, прежде всего такие, как захоронения в ямах и на горизонте, деревянные гробницы в ямах и на горизонте, сожжение деревянных сооружений, действительно имеют место наряду со значительными отличиями в каждой из культур. Однако степень сходства и отличия невозможно выявить до тех пор, пока не будут произведены детальные сопоставления одновременных памятников скифов, савроматов и других народов скифо-сибирского мира. Такое сопоставление поможет определить традиции, идущие от народов эпохи бронзы, и заимствования, появившиеся в результате миграций или иных причин. Те наблюдения, которые уже сделаны по выяснению происхождения скифского погребального ритуала в Северном Причерноморье, показали генетическую связь многих его черт с местными черноморско-новочеркасскими и через них — с белозерскими эпохи бронзы³⁰. Вместе с тем В.Ю. Мурзин отмечает, что большинство таких черт было свойственно многим ираноязычным кочевникам Евразии, и объясняет это явление существованием единых для них традиций. В связи с этим в формировании погребального обряда скифов он допускает соединение местного и пришлого элементов³¹.

Таким образом, я склонна рассматривать культуры скифо-сибирского мира как новообразования, в которых соединились элементы разного происхождения. Для скифов Северного Причерноморья определенно выявляются три компонента — местный, центральноазиатский и идущий из Передней Азии. Однако оценку роли каждого из них еще предстоит выяснить. Отмечу лишь, что археологические материалы противоречат представлениям тех исследователей, которые связывают появление элементов сходства в культурах скифо-сибирского мира и происхождение скифов только с последовательным процессом проникновения больших масс азиатских народов в Северное Причерноморье.

Решительное возражение вызывает вывод А.И. Мартынова о существовании в Евразии в V—II вв. до н.э. особой скотоводческой степной цивилизации, которую он противопоставляет цивилизациям древней Греции, Персидской державы, древней Индии и Китая³².

Не давая четкого определения того, что имеется в виду под термином "цивилизация", автор базирует свой вывод на том, что с V в. до н.э. в степях складывается единая экономическая, политическая и административная структура, централизованная в лице верховного вождя с определенными титулами и религиозными культами. Это — ранние государства скифов, саков, древнего населения Горного Алтая, тагарской культуры и Ордоса и предположительно савроматов. Представляется, что сегодня ни археология, ни данные античной письменной традиции не позволяют говорить о единстве в структурах кочевых объединений Евразии в обозначенный период. Достаточно определенно существование классовых отношений и примитивного государственного образования прослеживается лишь для Причерноморской Скифии конца V—IV вв. до н.э.

Не могут быть показателями цивилизации и признаки, о которых говорит А.И. Мартынов, ибо упомянутые им монументальная архитектура погребальных сооружений и искусство каменных изваяний в степях Евразии существовали еще у носителей ямной культуры. Они гораздо менее свойственны и поздним скифам III в. до н.э. — III в. н.э., находившимся на достаточно высокой степени развития классовых отношений и государственности.

- ¹ Ядринцев Н.М. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях // Тр. АС. 1897. Т. 4. С. 176, 177; Фармаковский Б.В. Архαιический период на юге России // МАР. 1914. № 34. С. 34—37; Ростовец М.И. Скифия, Сибирь и звериный стиль. Прага. 1926.
- ² Мартинов А.И. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 11—20; Мартинов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.
- ³ Матюшенко В.И. К проблеме сибирских истоков скифо-сибирского единства // Скифо-сибирское единство. Кемерово, 1980. С. 37—40.
- ⁴ Яценко И.В., Раевский Д.С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 1980. № 5. С. 104.
- ⁵ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племени тагарской культуры. М., 1967.
- ⁶ Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV—IV вв. до н.э.: Науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989; Она же. Кобанская культура // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 252—267.
- ⁷ Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983. С. 25, 26, 34, 35.
- ⁸ Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 12, рис. 1.
- ⁹ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961; Археология СССР: Степи Европейской части ... Ср. табл. 31—39 с табл. 64—67.
- ¹⁰ Ср. указанные таблицы в "Археологии СССР" с табл. в кн.: Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. Вкладка III; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Л., 1960.
- ¹¹ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. 1954. С. 92—95.
- ¹² Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 208—215; Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1989. Вып. 29. С. 22—47; Зуев В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII—V вв. до н.э. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 132—137.
- ¹³ Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья / Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 60—81.
- ¹⁴ Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 15.
- ¹⁵ Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 72—78, рис. 5.
- ¹⁶ Членова Н.Л. Происхождение... С. 110, 129.
- ¹⁷ Іллінська В.А. Бронзові наконечники стріл таг званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія. 1973. № 12. С. 13—26.
- ¹⁸ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. С. 44.
- ¹⁹ Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // ПСА. 1971. С. 83, 84, рис. 2, 9.
- ²⁰ Лесков А.М. Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен: Тез. докл. М., 1979. С. 47—50; Черненко Е.В. Персидские акинаки и скифские мечи // Там же. С. 90, 91.
- ²¹ Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 22.
- ²² Исмагилов Р.Б. Меч скифского типа: Истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 85—95.
- ²³ Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. 1954. С. 112, 131.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1963. С. 155; Кузнецова Т.М. Пути распространения "зеркал" скифского типа // Маргулановские чтения. С. 144; Она же. Зеркала как исторический источник // Скифия и Боспор: Археол. материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 104. С утверждением этого автора о том, что "зеркала" являются скифским этническим элементом, фиксирующим пути перемещения населения в европейском регионе, не могу согласиться, так как оно не подтверждается другими материалами.
- ²⁶ Мурзин В.Ю. Скифская архаика... С. 87; Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э. // САИ. М., 1967. Вып. Д1—4. С. 36.
- ²⁷ Членова Н.Л. Происхождение... С. 102; Смирнов К.Ф. Савроматы. С. 129—131.
- ²⁸ Ср.: Археология СССР: Степи Европейской части... Табл. 46, 2—4 с табл. 68, 1, 2, 24, 25, 42, 43.
- ²⁹ Ср.: Там же. Табл. 16, 70; Вишневская О.С. Культура сакских племен низовий Сырдарьи. М., 1973. Табл. XXII.
- ³⁰ Ольховский В.С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; Мурзин В.Ю. Погребальный обряд степных скифов // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 60.
- ³¹ Мурзин В.Ю. Погребальный обряд...
- ³² Мартинов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тысячелетия до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284—292.

ДИСКУССИЯ

Д.С. РАЕВСКИЙ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО
ИЛИ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТИНУУМ?

Существование значительного сходства между многими культурами, бытовавшими в I тысячелетии до н.э. в степях Евразии и в некоторых смежных с ними областях, общепризнано, но историческая интерпретация этого факта, вопрос о природе указанного сходства и о причинах его возникновения во многом являются дискуссионными. Многие аспекты этой проблемы достаточно наглядно проявляются уже при анализе тех терминов, которыми в современной литературе обозначается совокупность интересующих нас культур.

Известный афоризм: "О терминах не спорят, о терминах условливаются" — столь же эффектен, сколь и неверен. Просто "условиться" о термине для обозначения некоего феномена можно было бы лишь в случае, когда для этой цели изобретается совершенно новое слово. Любое же выбранное для этого обозначение изначально отягчено всеми же присущими ему смыслами и значениями. Это семантическое поле неизбежно вопреки всем договоренностям оказывает влияние на понимание нового термина, что влечет за собой более или менее значительные смысловые aberrации. Спор о терминах потому и оправдан, что он обеспечивает минимизацию этого негативного эффекта, позволяет найти наименее подверженный aberrациям вариант.

В современной отечественной литературе к рассматриваемой группе культур чаще всего применяют наименование "скифо-сибирское культурно-историческое единство". Однако еще в 1979 г. на конференции памяти М.И. Артамонова в Ленинграде А.М. Хазанов и А.И. Шкурко отмечали, что в этом термине некорректно соединены два разноприродных (этнический и географический) и к тому же разновременных элемента — "скиф" и "Сибирь". По этой причине И.В. Яценко и автор этих строк в 1980 г. отмечали предпочтительность наименования "скифский мир" — с неременной оговоркой о сугубо условном его характере, т.е. об отсутствии однозначной связи между данной совокупностью культур и скифами как этносом. Однако сегодня приходится признать, что такая оговорка не в состоянии нейтрализовать откровенной этнической окрашенности этого термина, влияющей — с большей или меньшей мерой осознания этого факта — на его понимание различными исследователями.

Негативный характер такого влияния становится очевиден, если принять во внимание историю формирования представлений о природе рассматриваемой совокупности культур. Вспомним, что задолго до зарождения археологии евразийского степного пояса представление о существовавшей здесь в I тысячелетии до н.э. этнокультурной ситуации определялось знакомством историков с античной традицией, в частности тем обстоятельством, что в этой традиции имя "скифы" употреблялось как в узком, "геродотовом", значении — применительно к конкретному восточноевропейскому народу, так и в широком — для обозначения обитателей огромной территории между Фракией и Серикой.

Уже Страбон (I, II, 27) отмечал, что в втором случае это имя выступает как обобщающее иноназвание некоей надэтнической совокупности, сложившееся во внешней по отношению к ней эллинской среде. Но этническая "родословная" такого наименования не могла не сказываться на трактовке его содержания, подкрепленной к тому же сохраненным той же античной традицией представлением об азиатском происхождении припонтийских скифов, что прямо предполагает этническое родство последних по крайней мере с какой-то частью обитателей Азии.

Все эти моменты отразились на принципах осмысления тех проявлений культурного сходства между различными областями евразийского пояса, которые обнаружилились в процессе последующего накопления археологических материалов, они по существу предопределили трактовку этого сходства в этноисторическом ключе. Даже признавая самобытность представленных здесь культур, многие исследователи до сих пор связывают наличие в них близких элементов с продвижением скифов или, по крайней мере, с принадлежностью носителей всех этих культур к ираноязычным народам.

Однако с течением времени все более очевидным становится не только различное происхождение указанных культур, но и неодинаковая природа разных проявлений сходства между ними. Так, необходимо разграничивать близость элементов культуры, обусловленную функциональным и знаковым фактором. Разными были и механизмы формирования сходства между культурами. Применительно к некоторым категориям вещей можно, видимо, говорить о достаточно быстром внедрении в разные культуры форм и типов, возникших в каком-то одном центре, вследствие оптимальности их утилитарно-функциональных характеристик. Это относится, к примеру, к наконечникам стрел, отчасти — к деталям конской узды. В других случаях более вероятно конвергентное сложение близких форм вследствие единства воплощенных в них идей — либо изначально в равной мере присутствующих сопоставляемым культурам, либо заимствованных из одной в другую. Это касается, например, вариантов оформления рукоятей акинаков, некоторых мотивов "звериного стиля" и т.п. Что же касается случаев проникновения из одной культуры в другую целых совокупностей элементов, то они могут объясняться как тесными межкультурными контактами, так и миграцией первоначальных носителей соответствующих элементов. Иными словами, археологически фиксируемое сходство культур на огромном пространстве Евразии есть результат суммарного воздействия таких факторов, как перемещение вещей, идей и самих людей, причем соотношение этих факторов в разных частях региона было неодинаковым.

Естественно, что итог такого воздействия оказывался разным на разных территориях и по интенсивности сходства, и по тому, в каких конкретно областях культуры оно проявлялось наиболее отчетливо. По существу, мы имеем дело с цепочкой взаимодействующих культур, смежные звенья которой связаны между собой более тесно и наглядно, чем те, которые достаточно далеко отстоят друг от друга, что, однако, не препятствует признанию определенного сходства между всеми ними. Если же связи между культурами, входящими в рассматриваемую совокупность, столь неоднородны как по своей природе, так и по интенсивности, то вряд ли правомерно характеризовать всю эту совокупность как культурно-историческое единство. Более подходящим представляется в данном случае термин "континуум". Полное наименование этой совокупности культур могло бы звучать так: "евразийский культурный континуум скифской эпохи". Преимущество этого термина состоит прежде всего в том, что он наиболее адекватно отражает природу и характер исследуемого феномена, указывая в то же время на его пространственную и временную приуроченность. В таком контексте не образуются опасных аберраций и этнонимического по происхож-

дению элемента предлагаемого названия, ибо он имеет здесь чисто хронологический смысл, позволяя отличать данный феномен от аналогичных явлений иных эпох — к примеру, гуннской.

В контексте исторической интерпретации рассматриваемого континуума одним из ключевых является вопрос о причинах его возникновения — о том, что именно стимулировало унификацию культур на столь обширной территории. Существующие на этот счет мнения можно свести к трем основным концепциям. Первая из них, в определенной мере затронутая выше, во главу угла ставит этнический фактор, т.е. трактует близость культур как проявление родства их носителей. Но мы уже убедились, что отождествлять все входящие в континуум народы со скифами неправомерно и что сам такой подход в значительной мере обусловлен многозначностью этнонима "скифы" в античной традиции. Что же касается этнической связи более высокого уровня — принадлежности к единой ираноязычной группе, то само существование континуума, сложение которого не совпадает по времени с расселением иранцев, не может ни подтвердить, ни опровергнуть подобного предположения.

Вторая концепция отдает предпочтение хозяйственному фактору, связывая общие для разных культур черты с кочевническим укладом. Именно таков подход А.И. Мелюковой и М.Г. Мошковой в представленных здесь докладах. Однако он, с одной стороны, требует необоснованного, на мой взгляд, исключения из континуума таких оседлых культур, как тагарская, по чисто археологическим критериям, к нему, безусловно, относящихся, а с другой — реализуется весьма непоследовательно, поскольку лесостепные оседлые народы Восточной Европы в него включаются вопреки избранному принципу.

Представляется, что определяющим здесь является социальный фактор. Комплекс черт, сближающих различные евразийские культуры скифской эпохи, не составляет целостной этнографической культуры. Это — признаки, характеризующие определенный социальный слой, подвижные воинские отряды, сложившиеся (как и номадизм) после освоения коня под верх. В этом смысле распространение "скифской триады" выступает скорее как признак стадияльный. Внедрение этих признаков описанными выше способами в разные этнические культуры способствовало сближению их облика при сохранении как этнической, так и хозяйственной самобытности.

В.Г. ПЕТРЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ЧЕРТЫ СХОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Представляется, что правильнее принять термин "скифский мир", предложенный Н.Л. Членовой, ибо "скифо-сибирский" объединяет несовместимые понятия: одно этническое, другое современное географическое.

Можно ли ограничить "скифский мир" только кочевыми народами? А.И. Мелюкова предлагает сделать единственное исключение для лесостепи Северного Причерноморья. Тагарскую, меотскую и кобанскую культуры она считает нужным исключить из общего понятия "скифский мир". Думается, что это неоправданно. Если мы возьмем, к примеру, меотскую и кобанскую культуры, то в ранний период меоты и кобанцы находились в самом непосредственном контакте со скифами, жили чересполосно со скифами, покойников хоронили на одних кладбищах (Келермесс, Уллубаганаллы), их материальная культура

очень близка. Мне кажется, что разрывать ситуацию, сложившуюся в лесостепи Северного Причерноморья и на Северном Кавказе, нельзя. Рассматривая ситуацию, сложившуюся в раннескифский период, вероятно, следует исходить из положения о том, что различные стадии кочевого хозяйства диктуются не ступенями, через которые проходит в своем развитии кочевничество, а конкретными условиями, в которых в данный момент находилось кочевое общество (М.Ф. Косарев), определявшимися в значительной степени средой обитания.

Думаю, что какие-то передвижения населения с востока в этот период имели место. Продвинувшиеся в степи Предкавказья кочевники не могли себя полностью обеспечить за счет собственного хозяйства, они нуждались в продукции земледельцев, и в частности в металлургической базе. Поэтому наиболее ранние скифские памятники на Северном Кавказе и в лесостепи Северного Причерноморья находятся в непосредственной близости с памятниками оседлого населения. Вероятно, поэтому мы имеем весьма незначительное количество раннескифских памятников в степи.

Теперь о времени, с которого мы можем говорить о начале раннескифского периода, в частности, на Северном Кавказе. Первыми достоверно исследованными комплексными погребальными памятниками, включающими элементы скифской и персидской культур, были курганы 1 и 9 у хутора Красное Знамя. Здесь не учитываются случайные находки, о характере содержащих их погребений нет никаких сведений (Алексеевский хутор, Лермонтовский разъезд и др.). В последнем бронзовые двуколычатые удила сочетались с удлинненно-ромбическими стрелами и мергелевой застежкой — вещами, характерными для новочеркасской стадии. Обряд погребения этого кургана был близок обряду других, более поздних курганов могильника. В 1989 г. на могильнике Новозаведенное II нами раскопаны два кургана, в инвентарь которых входили костяные круглые бляхи-пронизи, формы, встречающиеся только в черноголовских памятниках. В одном из курганов они сочетались с двуколычатыми удилами новочеркасского типа и с вещами, оформленными в "зверином стиле". Погребальные сооружения и сохранившиеся детали обряда обоих курганов полностью соответствовали ритуалу всех остальных раскопанных курганов могильника, дата которых определяется в пределах VII — начала VI в. до н.э. Для блях-пронизей ближайшие аналогии имеются в таких черноголовских памятниках, как хутор Жирноклеевский, Веселая долина, Красная деревня. К этому же кругу материалов относится и роговая пряжка или псалий из кургана. Вещи в "зверином стиле" из кургана имеют вполне развитую форму. Почти полной аналогией навершию с грифоном является навершие из Келермесса. Такое сочетание вещей черноголовского типа и развитых форм "звериного стиля" на европейской территории мне не известно, на азиатской же — в кургане Аржан встречены такие же костяные наременные бляшки-пронизи и вещи в "зверином стиле". Это говорит о временной близости раскопываемых нами памятников с аржанскими, которые, вероятно, можно отнести к рубежу VIII—VII вв. до н.э.

Таким образом, мы имеем на Северном Кавказе раннескифский пласт памятников, включающий черноголовско-новочеркасские и раннескифские материалы. Думаю, что это еще раз говорит в пользу того, что черноголовские и новочеркасские древности не должны расчленяться и принадлежат они ранним скифам того времени, когда имела место волна передвижения с востока. Исходную зону этого передвижения сейчас назвать не представляется возможным, но, если объяснять распространение триады как распространение престижных вещей в определенной социальной среде, то гораздо труднее объяснить значительную близость всего комплекса погребальных сооружений и обряда от Монголии до Причерноморья без переселения каких-то людей — носителей этого ритуала. Я имею в виду курганы-храмы, каменную монументальную ар-

хитектуру с выраженной солярной символикой и культом огня, появление которых едва ли возможно объяснить конвергентным развитием.

Своеобразие каждой из культур скифского мира проявляется в особенностях "звериного стиля". Мне кажется, что своеобразие стиля объясняется в определенной степени исходным пунктом, откуда пришел на изучаемую территорию художественный образ. Ранние памятники "звериного стиля" Причерноморья и Предкавказья ближе к кругу западных памятников, в частности малоазийских, в то время как тувинские — к восточным, и в частности ордосским. Так, образ грифона, представленный на навершии, по своей иконографии очень близок к архаическому греческому искусству.

М.А. ИТИНА

ВОСТОЧНОЕ ПРИАРАЛЬЕ И ПРОБЛЕМА "СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА"

Обсуждая проблемы, связанные с культурами раннескифского времени, необходимо остановиться и на "подстилающем" их периоде ранней бронзы. Коснусь оазисов и степей, которые их окружают. Опираясь на конкретные материалы, можно утверждать, что отгонное скотоводство, о котором мы пишем в своих исследованиях, фиксируется совершенно реально. При работах в низовьях Амударьи мной было изучено поселение Якке Парсан, состоящее из 18 домов. Двигаясь на север по дельтовой равнине, я нашла множество стоянок, не пастушеских, а достаточно долговременных, но при этом чисто скотоводческих, относящихся к той же амирабадской культуре. Она распространялась и дальше, на дельтовую область Сырдарьи. Таким образом, тот процесс развития скотоводческого хозяйства, который привел к возникновению кочевничества, просматривается достаточно хорошо. А насколько пути передвижения и кочевания скотоводов традиционны, удастся проследить по литературе вплоть до XIX в. Это касается прежде всего района Сырдарьи, где сезонные перекочевки на протяжении веков имели одно и то же направление. Кроме того, оценивая в целом хозяйственные и культурные связи оседлых областей и окружающей их степной или пустынной периферии, нужно очень четко представлять себе палеогеографическую и экологическую ситуацию. Особенно при обсуждении больших проблем, связанных со "скифскими миром".

Мне этот термин кажется приемлемым. Однако вряд ли убедительна точка зрения А.И. Мартынова, рассматривающего весь этот огромный регион как нечто целое с VI по III в. до н.э. Мысль Д.С. Раевского о контактах внутри этой зоны и передаче тех или иных культурных назывков кажется более предпочтительной.

В эпоху поздней бронзы культурные связи, в значительной степени обусловленные экономическими обстоятельствами, прослеживаются на очень большие расстояния. Например, в Южном Казахстане обнаружена ваза маллолинского типа, которая была сделана на месте, но по южным образцам. И прав Л.Т. Яблонский, когда говорит, что наличие "скифской триады" не обязательно свидетельствует о скифской культуре. Я считаю, что культуры скифского или сакского времени не могут рассматриваться и сравниваться по каким-то отдельным вещам. Для этого необходимо привлекать весь культурный комплекс.

Еще одним важным моментом является степень изученности. Естественно, что со временем значимость таких ярких комплексов, как Тагискен и Уйгарак увеличивается. Но это лишь два единичных могильника и только на их материале нельзя ставить вопрос, например, о существовании тагискенской куль-

туры. На Амударье у Л.Т. Яблонского материал гораздо больший. И те выводы, которые он делает, в частности о взаимопроникновении кочевнической и оседлой культуры, имеют достаточное фактическое обоснование.

В заключение хотелось бы высказать предложение. Опыт участия в археолого-этнографических выставках за рубежом показывает, что сопоставление в одном ряду "живых" скифских и сакских вещей, даже хорошо известных по публикациям, ярко демонстрирует их различие. Было бы очень полезно организовать и в нашей стране выставку, на которой были бы представлены все регионы скифо-сибирского мира.

И.Л. КЫЗЛАСОВ

О ЕДИНСТВЕ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

Обсуждая проблему существования или отсутствия так называемого скифо-сибирского единства, прежде всего необходимо определить границы того древнего мира, на который распространяют это понятие. Ученые следуют за ареалом определенных черт материальной культуры, прежде всего так называемой "скифской триады". Здесь выделяется определенное территориальное ядро и обширная прилегающая зона. Изделия скифского типа встречаются в Северном Китае, тайге, Якутии, Приангарье и Западной Сибири, в оазисах Средней Азии, в лесостепной, лесной и горной зонах Приуралья и Восточной Европы. Все это — районы воздействия степной культуры на нестепное население, на культурно иную среду. Такое воздействие не следует сводить лишь к взаимоотношениям кочевых и оседлых обществ, ибо для тайги эта схема не пригодна. Не применима она и для другой эпохи.

Стоит лишь выйти за хронологические границы, традиционно рассматриваемые скифологией, как проблема скифо-сибирского единства перестает существовать в качестве неповторимого исторического феномена. В предшествующую эпоху на тех же землях встречаем киммерийско-карасукское и андроновское "единство", а еще древнее — ямно-афанасьевское. Вслед за скифским временем степная зона занята во многом сходным гунно-сарматским миром, в средневековье возникает подобное же "тюркское" единство материальной культуры, за ним — "монгольское" и т.д. Только для других периодов не будет уже обсуждаться объединяющая степные культуры "скифская триада". Однако элементы, сближающие памятники этой зоны, также будут представлены металлическими изделиями. Таким образом, во все времена по степи распространяется и воздействует на нестепное окружение самая яркая, наиболее устойчивая форма материальной культуры, — продукция развитых металлургических и металлообрабатывающих центров.

С этой точки зрения "скифо-сибирский" мир есть конкретное проявление в определенных хронологических и соответственно историко-культурных пределах одного и того же явления, что и в эпоху бронзы или в период средневековья — сосуществования культур степной зоны Евразии с нестепным окружением.

Аналогично можно воспринимать и оценку социальной значимости такой черты культуры, как "скифская триада", положенную рядом исследователей в основу объяснения скифо-сибирского единства. Не менее социально значимым и определяющим является, например, продвижение колесниц бронзового века от Эгейского мира до Монголии, сейминско-торбинско-ростовкинско-еловских

бронз с нефритовыми изделиями, а также характерных поделок гунно-сарматского времени так называемых тюркских или монгольских поясов, предметов вооружения конской сбруи и т.п. То есть в этом аспекте все обсуждаемые для степного пояса любой эпохи проблемы будут общими. Очевидно, что проблема существования или отсутствия "скифо-сибирского" единства и определения границ "скифского мира" перерастает в проблему конкретного анализа связей внутри степного мира с окружающими его обществами, в проблему выявления не только характера этих связей, но и их историко-культурных особенностей. На этой основе, возможно, будет иначе восприниматься, а то и вовсе отпадает сама необходимость членения культур на принадлежащие или не принадлежащие к "скифскому миру".

Если воспринимать существование "скифо-сибирского" единства как исторический этап взаимодействия степного населения с нестепным окружением, сменивший подобное явление эпохи бронзы и подготовивший сходную ситуацию раннего и развитого средневековья, то проблема характера связей степняков и их соседей неизбежно выходит за рамки отношений кочевников и оседлого земледельческого населения. Вполне вероятно, что речь следует вести не столько о различии хозяйственно-экономических типов, сколько об иных, нежели в других природно-климатических зонах, возможностях и особенностях коммуникации, развития транспортных средств, о специфике размещения степных торговых путей.

Нельзя не признать и условность названия "скифо-сибирский мир". Возникнув для обозначения характерного изобразительного "звериного стиля", это определение было перенесено на явление культурно-исторической общности, т.е. на понятие иного порядка. Термин же "скифский" всему придает неоправданную этническую окраску. Употребление этнонимов для наименования археологических культур, несмотря на глубокую традиционность, в целом не способствует специфическим задачам сугубо археологического анализа. Сказанное, возможно, относится не только к культурам "скифского" круга, но и к самой культуре, которую мы называем скифской.

В.А. БАШИЛОВ

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ СКИФО-СИБИРСКИЙ МИР "ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ КОЧЕВНИКОВ"?

Д.С. Раевский предложил корректный термин для определения обсуждаемого нами явления — "евразийский культурный континуум скифской эпохи". Это определение понятия близко к сущности рассматриваемого феномена, но оно вряд ли вытеснит уже вошедший в научный обиход термин "скифо-сибирский мир", который даже фонетически более удобен для повседневного использования. Определение Д.С. Раевского скорее будет служить раскрытию существа этого понятия. Ведь в научной практике не так важна дифференциация терминов, как однозначное определение понятий. Необходимо в первую очередь разобраться, какое содержание мы обозначаем термином "скифо-сибирский мир", и формулировка Д.С. Раевского будет служить более четкому его определению.

Прав Л.Т. Яблонский, предлагающий при работе с материалами скифо-сибирского мира отделить этнографическую терминологию от археологической. Нужно начать с создания иерархической системы археологических комплексов, независимой от ее этнографической или исторической интерпретации. Ведь в археологии такой феномен, как распространение сходных элементов культуры на огромные территории, вовсе не уникален и не присущ только скифо-сибирскому миру. Аналогичные явления встречаются и на других, часто очень отдаленных.

территориях. Так, в огромной историко-культурной области Центральных Анд в Южной Америке известны три хронологических периода ("горизонта"), когда на всей этой территории распространяются комплексы сходных элементов культуры — определенные формы вещей, предметы изобразительного искусства и т.п. Такое явление очень удобно использовать для установления относительной хронологии, особенно когда она еще не имеет достаточно дробного характера. Но при более детальном исследовании "горизонт" начинает распадаться как во времени, так и в пространстве, т.е. его можно рассматривать как нечто единое только в самом первом приближении. Соответственно и историческая интерпретация этого феномена может быть совершенно различной. Когда общая схожесть культур скифо-сибирского мира интерпретируется как "единство" — это такое же механистическое упрощение, как истолкование всех панперуанских "горизонтов", как, например, империй по образцу инкской. Более углубленное изучение археологических источников показывает, что за каждым из "горизонтов" стоят различные исторические явления. Углубленное изучение скифо-сибирского мира также разрушает иллюзию его единства.

В последнее время появились попытки интерпретировать "скифо-сибирское единство" как некую "цивилизацию кочевников". Здесь снова требуется уточнить понятия. Если понимать цивилизацию просто как высокий уровень культурного развития, то под такое определение можно подвести и верхнепалеолитические общества, оставившие нам образцы высокохудожественного изобразительного искусства. Критерий здесь слишком размыт. Если же придерживаться исторического понимания термина "цивилизация", как соответствующего раннеклассовому обществу и даже ранним государственным образованиям оседлых земледельцев, то археологически ранние культуры не являются цивилизациями по определению.

Критерии цивилизации связаны с процессами урбанизации, появлением монументальной архитектуры и ремесла, письменности и т.д. Особо важное значение имеет появление древнего города как места перераспределения прибавочного продукта (по О.Г. Большакову и В.А. Якобсону). При этом город может возникать самыми различными путями — из ставки военачальника, менового пункта, племенного центра, центра ремесла, специально основанного поселения и т.д. Для археологических материалов признаки цивилизации были сформулированы Г. Чайлдом, а затем модифицированы рядом авторов. Ни один из них не прослеживается в археологических культурах скифо-сибирского мира. А такого критерия, как наличие города у кочевников, просто и быть не может. Попытки же подменить принятые критерии реалиями кочевого мира, например выдать за наличие монументальной архитектуры возведение больших курганов, не выдерживают критики.

Конечно, из генеральной линии развития земледельческих цивилизаций могут быть и исключения. Например, общества, достигшие высокого уровня в условиях приморской адаптации. Но постулирование любого нового пути к цивилизации требует очень серьезного и глубокого обоснования. В работах сторонников "цивилизации кочевников" такого обоснования, на мой взгляд, не содержится.

В контексте раннеземледельческих обществ цивилизация обычно совпадает с раннеклассовыми и раннегосударственными образованиями. Однако первое понятие уже и вполне возможно наличие раннегосударственных форм без цивилизации. Государства поздних кочевников попадают именно в эту зону несовпадения понятий. Тем более к цивилизации нельзя отнести общества ранних кочевников, где существование государственности остается недоказанным.

О ПОДХОДЕ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ "СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА"

Обсуждение представленных сообщений, которые следует рассматривать как заявку или предложения относительно направления предстоящих исследований, показало, сколь неоднозначно и по-разному ученые подходят к решению целого ряда проблем, связанных с историческим феноменом, обозначаемым термином "скифо-сибирский мир", "скифо-сибирская общность" или "единство".

Думается, что все споры сводятся к двум основным вопросам, тесно связанным и глубоко зависимым друг от друга.

Первое — что такое "скифо-сибирский мир" (пока я употребляю именно этот термин, поскольку считаю его наиболее нейтральным), какое содержание в термине "мир", "единство", "общность" вкладывают археологи, изучающие культуры раннего железного века, оставленные населением евразийских степей, полупустынь и части лесостепи? Какой из указанных терминов наиболее адекватно отражает суть этого исторического явления, каково его происхождение, прослеживается ли какая-то динамика в изменении сути этого феномена в зависимости от времени? Короче говоря, необходимо определить природу и сущность этого явления, после чего станет возможной и дефиниция обозначающего его понятия.

Второе — необходимо решить, каковы же критерии и основные признаки для включения той или иной археологической культуры (являющейся моделью определенной территориально-хронологической системы, т.е. некоей общности людей) в состав более широкой общности, называемой "скифо-сибирский мир".

Очевидно, то или иное решение второго вопроса в значительной степени зависит от того, как будет решен вопрос первый. А пока ни по одному из них согласие не достигнуто. Термины не определены и употребляются в большинстве случаев как понятия однозначные, с чем трудно согласиться.

Что касается определения критериев для отнесения АК к "скифо-сибирскому миру", то мне кажется, что, кроме чисто археологических признаков, а именно "скифской триады" (наличие которой несомненно является основным условием), необходимо учитывать и другие моменты. Иначе в "скифо-сибирский мир" будут включены практически все культуры раннего железного века евразийских степей, полупустынь, лесостепи (например, саргатская) и даже горных районов (например, кобанская). Но даже если мы будем считать единственным критерием лишь наличие в памятниках культуры "скифской триады", то следует, в частности, решить, нужно ли все-таки учитывать количество и форму предметов этой триады. Особенно много раздумий на этот счет вызывает ананьинская культура (Н.Л. Членова относит ее к "скифо-сибирскому миру"). Дело в том, что наиболее ранние материалы (VIII—VI вв. до н.э.) почти не содержат вещей, выполненных в скифском "зверином стиле". А те, что есть, скорее всего не местного производства. Также практически нет среди ее материалов металлических наконечников стрел (всего 420 экз. на 1000 погребений, к тому же из 420 штук только 171 бронзовый и 133 железных наконечников, остальные каменные и костяные). Такие же значительные отличия можно назвать и для последующего времени. Однако понимание и интерпретация всех этих и многих других несоответствий возможны только после самого тщательного анализа всей совокупности археологического материала.

Может быть, следует различать культуры, оставленные сообществами, в среде которых происходило сложение "скифской триады" и культуры, оставленные людьми, воспринявшими эту триаду и придавшими ее предметам специфические для каждой территории формы, нередко очень далекие от первоначальных об-

разцов. Остается также неясным, играл ли какую-то роль в процессе распространения триады характер хозяйственно-культурного типа, свойственного каждому отдельно взятому обществу, словом, следует ли учитывать и эту характеристику.

Ответить на все эти вопросы сейчас невозможно, но разрабатывать их, прежде чем выходить на глобальные обобщения, мне представляется необходимым.

А.И. МЕЛЮКОВА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИКИ И ОБРАЗА ЖИЗНИ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ "СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА"

В связи с заданными мне вопросами в ходе дискуссии оказалось необходимым пояснить некоторые положения моего сообщения.

1. Культурно-историческая или историко-культурная общность, если основываться на определении этнографов, — это исторически сложившаяся группа населения, занимающая определенную территорию, у которой в силу общности социально-экономического развития и длительных связей сложились сходные культурно-бытовые черты, проявляющиеся в материальной и духовной культуре. Такому определению соответствуют выводы археологов относительно срубной или андроновской культурно-исторической общностей. В той и другой действительно имеется значительное число нивелирующих признаков на определенных территориях, хотя и выделяются локальные особенности между степной и лесостепной зонами Евразии и варианты внутри зон. Различия между скифской, савроматской и сакской культурами, на мой взгляд, гораздо более значительны, чем между локальными группами отмеченных общностей. Культуры скифо-сарматского мира отличает отсутствие единой территории — одного из главных признаков, определяющих существование общности и единства ритуалов, а также своеобразии керамических комплексов и возрастающие с течением времени особенности в составе инвентарей. В этой связи более перспективны поиски исследователей, стремящихся выделить историко-культурные общности внутри культурных массивов. Так, например, А.А. Моруженко с достаточным основанием определила существование особой культурно-исторической общности скифского времени на территории приднепровской левобережной лесостепи, складывающейся из шести локальных вариантов. Проведя типологическую классификацию погребальных сооружений и деталей погребального ритуала и сопоставив данные по каждой из шести локальных групп левобережной лесостепи, она показала, что между ними больше общего, чем различий. В целом историко-культурная общность левобережной лесостепи отличается от памятников степной Скифии Северного Причерноморья и Правобережной лесостепи.

2. Переход к кочевому скотоводству и образу жизни — процесс довольно длительный. В степях Северного Причерноморья он проходил в эпоху поздней бронзы и завершился в предскифский период. Так, в начале поздней бронзы, в XIV—XII в. до н.э., наблюдается необыкновенная густота поселений, расположенных на расстоянии 2—3 км друг от друга по берегам небольших степных речек и ручьев, на плато и невысоких террасах. Особенно много поселений зарегистрировано И.Т. Черняковым в Днестро-Дунайском междуречье (более 400). Часто применяемое строительство жилищ из камня, зольники с многочисленными культурными остатками, среди которых много костей животных, свидетельствуют об оседлом образе жизни населения в этот период. Топография поселений, расположенных поблизости от удобных для земледелия участков, находки зерен

злаковых растений, зернотерок, ям-зернохранилищ и остеологический материал говорят о том, что земледелие и придомное скотоводство составляли основу хозяйства их обитателей.

Следующий период, представленный в степях Северного Причерноморья белозерской культурой (XII—X вв. до н.э.), характеризуется значительным уменьшением числа поселений, а в Побужье и Поингулье, где для предшествующей, сабатиновской, культуры было известно более 200 поселений, белозерские поселения вовсе отсутствуют. Наблюдается упадок всей хозяйственной деятельности местного населения. В связи с этим время белозерской культуры рассматривается как переходное от оседлого быта и ведения хозяйства к кочевому. Полное исчезновение поселений, прослеженное для следующей за белозерской киммерийской или предскифской эпохи, и вместе с тем присутствие погребений с оружием и вещами конского убора позволяют считать, что переход к кочевничеству совершился. Немалую роль в этом переходе сыграл климатический фактор, ведь именно к концу II тысячелетия по данным палеогеографов достиг максимума процесс постепенного усыхания степей.

Возрождение оседлой жизни в степях Северного Причерноморья начинается лишь в конце V в. до н.э. и особенно в IV в. до н.э., когда в Нижнем Приднепровье возникают огромное Каменское городище, предположительно ремесленный и административный центр Скифского царства, а также многочисленные небольшие поселки по берегам нижнего течения Днепра и мелких рек, впадающих в него. Такой же процесс оседания кочевников на землю происходит и в других районах Причерноморской Скифии, в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и степном Крыму. Однако в IV в. до н.э. основную роль в Скифском царстве продолжает играть кочевое, вернее, теперь уже полукочевое население. Более прочная оседлость отмечается лишь для поздней Скифии III в. до н.э. — III в. н.э., когда территория царства сократилась до степного Крыма и низовий Днепра.

3. Археологический материал, которым в настоящее время располагает наука, достаточно определенно свидетельствует о том, что в предскифский (X — начало VII в. до н.э.) и в раннескифский (VII—VI вв. до н.э.) периоды в степях Северного Причерноморья было таборное кочевание, когда еще не существовало постоянных маршрутов перекочевков, зимних и летних становищ и постоянно функционировавших кладбищ. Очень показательным для таборного кочевания является малочисленность погребений предскифской и раннескифской эпох, разбросанных по всей степи и в основном впускных в более ранние курганы. Например, для раннескифского времени в степях Северного Причерноморья известно немногим более 20 раннескифских погребений на более чем 3000 погребений V—IV вв. до н.э. Засуха в степи, видимо, заставляла кочевников искать пригодные для пастбищ места за ее пределами. В связи с этим какая-то часть кочевников проникает в лесостепь, о чем свидетельствуют определенно кочевнические воинские погребения предскифской поры, такие, как Бутенки, Квитки, Ольшана и другие в лесостепи Северного Причерноморья или Енджа и Белогорадец в Балкано-Дунайском районе.

Проникновение кочевников в лесостепь в раннескифский период еще более заметно, так как именно в это время наступают большие изменения в обряде погребения у местного оседлого земледельческого населения. Ведь с VII в. до н.э. не только оружие, но и неременная для кочевников экипировка коня, а также ряд бытовых вещей кочевой среды входят в обиход и в погребальный инвентарь как верхних слоев, так и части рядовых общинников-земледельцев лесостепи. Со значительной долей вероятности в последние годы на Правобережье и в Левобережье лесостепи выделяются и собственно скифские захоронения VII—VI вв. до н.э. Определенно скифскими кочевническими можно считать погребения в катакомбе

первого типа у с. Старые Куконешты в Припрутье VI в. до н.э., ряд погребений конца VI в. до н.э., отличных от местных фракийских, на территории лесостепи Прутско-Днестровского междуречья. С поисками пастбищ и лучшей среды обитания, по всей вероятности, связано движение кочевников на территорию Трансильвании и на Большую Венгерскую низменность, происходившее в VI в. до н.э.

Наиболее сильная в организационном и военном отношении часть скифов в VII в. до н.э. обосновывается на Северном Кавказе, откуда совершались военные походы в страны Переднего Востока.

Переход ко второй стадии кочевания в степи произошел не ранее середины V в. до н.э. В лесостепи и на Северном Кавказе, вероятно, вскоре после появления кочевников на этих землях.

В.П. АЛЕКСЕЕВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О "СКИФСКОМ ЕВРАЗИЙСКОМ МИРЕ"

Прежде всего о терминологической стороне дела. Термин "скифо-сибирский мир" представляет собой, с моей точки зрения, один из наименее удачных примеров терминотворчества в нашей литературе. В нем объединяются этническое и географическое начало и поэтому он неудачен этимологически, а также и семантически, так как создает представление о большем единстве, чем оно имеет место в действительности. Гораздо более точным был бы термин "скифский евразийский мир", но он длинен. Дальнейший поиск в этом отношении совершенно необходим, в противном случае термин привьется окончательно (да он и теперь стал достаточно привычным) и будет засорять археологическую литературу.

Теперь по существу дела. Говоря о географических границах того мира, который мы рассматриваем, нужно, как мне кажется, провести восточную границу где-то в районах между бассейном Енисея и западным побережьем оз. Байкал. Возможно, даже весьма вероятно, что степной пояс к востоку от бассейна Енисея также был заселен похожим на скифов в культурном отношении населением, но доказательств этого пока немного. Что же касается Забайкалья, то, по-видимому, синхронные погребальным памятникам ранних европейских скифов плиточные могилы и по инвентарю, и по антропологическому типу погребенных в них людей обнаруживают аналогии с востоком и входят в иную генетическую историко-культурную общность.

Какова антропологическая структура громадного ареала, начиная с Причерноморских степей на западе и кончая долиной Енисея на востоке? На основании тех палеоантропологических материалов, которыми мы сейчас располагаем, можно выделить пять компонентов, по-видимому, имеющих независимое происхождение: антропологическая комбинация, типичная для собственно причерноморских скифов, комплекс морфологических признаков, характерный для приаральских саков, антропологические особенности саков Памира, такие же особенности саков Казахстана и синхронных популяций Алтая, антропологический тип тагарского населения Минусинской котловины. Между причерноморскими скифами и тагарцами морфологическое сходство почти абсолютное, но они жили на громадном расстоянии друг от друга, что не дает возможности предполагать их общий генезис. Саки Приаралья и Казахстана также демонстрируют антропологические аналогии, но они параллельно с этим имеют специфические черты, свидетельствующие о каких-то достаточно своеобразных путях форми-

рования. Для причерноморских скифов и тагарского населения Минусинской котловины более или менее очевидно их формирование на базе степного населения эпохи бронзы, для казахстанских, алтайских и приаральских популяций это менее очевидно, хотя и вероятно. Саки Памира, безусловно, имели переднеазиатское происхождение.

Мне кажется, что мы пока еще не имеем права считать бесспорным иранскую языковую принадлежность скифского евразийского мира. Для европейских скифов это бесспорно, в высокой степени вероятно для памирских саков, но совсем не очевидно для остального рассматриваемого нами ареала. Н.Л. Членова ссылалась на иранскую топонимику в бассейне Енисея, увязывает ее с тагарской культурой, однако, строго говоря, для этого есть только косвенные, а не прямые аргументы, так как топонимика не содержит в себе самой датирующий компонент. Аналогичным образом, скажем, мы привыкли говорить и писать о балтском субстрате в западных районах расселения восточно-славянских народов, но прямые аргументы отсутствуют и в этом случае. Кетская и самодийская топонимика, как и угорская, известна в долине Енисея и тоже может рассматриваться как остаток какого-то древнего, в том числе и тагарского населения. Северные районы Средней Азии также не могут быть исключены с полной определенностью из ареала древнего распространения сибирских языков.

Представляется бесспорным тот факт, что скифский евразийский мир не может рассматриваться как этногенетический пучок или как единая археологическая культура. Историко-культурная общность — возможно, но само понятие, несмотря на его широкое распространение, не получило пока определенной типологической и культурной трактовки. Этнографы работают с понятиями хозяйственно-культурного типа, историко-этнографической общности (отечественная литература), культурного ареала (американская литература). Первое понятие я вообще считаю мало удачным, что неоднократно пытался аргументировать, второе и третье также недостаточно определены, как и понятие историко-культурной общности в археологической литературе. В общем и эта проблема нуждается в дальнейших углубленных исследованиях.

Продолжающиеся бурные споры о том, что считать цивилизацией, могут быть сведены к двум контрастным точкам зрения: в соответствии с первой под цивилизацией в широком смысле слова подразумевается вся совокупность человеческой деятельности, в соответствии со второй под цивилизацией в узком смысле слова подразумеваются городская культура и государство. Мне не кажутся убедительными попытки видеть в скифском обществе протогородскую цивилизацию; практически нет крупных укрепленных поселений, нет ясных письменных свидетельств. Для определения стадияльного положения скифского общества видится перспективным использование тех данных, которые дает преимущественно африканская этнография и которые рисуют картину самых ранних этапов формирования, если можно так выразиться, предгосударственной власти. В этнографии это явление обозначается термином "вождество" (chiefdom). Это уже не первобытное общество, но в то же время и не цивилизация в узком смысле слова, с чем-то подобным, как мне кажется, мы сталкиваемся в данном случае.

СТАТЬИ

М.Г. ГУСАКОВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
ЗАРУБИНЕЦКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Зарубинецкая культура, имевшая распространение около II в. до н.э. по середине I в. н.э. на территории Среднего и отчасти Верхнего Поднепровья, располагалась примерно в центре той обширной территории, на которой позже сложилось Древнерусское государство. Этот период имеет особое значение в истории развития народов Европы, так как именно в это время происходили большие перемены в общественно-экономической жизни многочисленных племен, которые привели к окончательному распаду родовое общество и создали предпосылки для образования объединений предгосударственного характера. Одновременно произошли и серьезные изменения в этнической карте Европы, ознаменовавшиеся мощными передвижениями древнейших племен. Это был начальный период "великой эпохи переселения народов". К этому времени относятся и первые упоминания в письменных источниках о венедах (Плиний Старший, Тацит — I в. н.э.), расселившихся восточнее р. Вислы. В научной литературе давно установилось мнение, что венеды — это предки славян. Зарубинецкая археологическая культура, располагаясь восточнее Вислы, определила повышенный интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей в поисках ответа на вопрос — какой из этнических группировок принадлежала данная культура — древним германцам, славянам или балтам? Трудно переоценить необходимость изучения древностей зарубинецкой культуры не только для решения вопросов генезиса восточных славян, но и для истории соседних племен и их взаимодействия в латенскую эпоху на территории Восточной Европы.

Несмотря на то что известные нам в последнее время памятники зарубинецкой культуры делятся на три довольно четко выраженные локальные группы (I группа — полесская — р. Припять с притоками; II группа — "верхнеднепровская" — р. Днепр от Березины до впадения Припяти; III группа — "среднеднепровская" — р. Днепр от Киева до г. Канева), не подлежит сомнению тот факт, что зарубинецкие племена в этническом отношении составляли единое целое, точнее — союз родственных племен. В этом нас убеждает поразительная общность характерных черт в материальной культуре: безкурганые могильники, обряд трупосожжения, общность в украшениях, орудиях труда, керамике, в характере поселений, приемах домостроения, а также в области духовной жизни населения. К настоящему времени известно около нескольких сотен поселений и городищ и примерно 80 могильников, отношение которых к зарубинецкой культуре не вызывает сомнений.

В 1989 г. исполнилось 90 лет со дня открытия В.В. Хвойкой первых могильников в Среднем Поднепровье¹. Историю накопления знаний по зарубинецкой культуре можно разделить на три временных периода. I период — от начала первых раскопок на могильнике у с. Зарубинцы Киевской обл. до второй ми-

ровой войны. К этому отрезку времени относятся первые находки, их первичная систематизация, а также первые попытки исторической атрибуции найденных древностей. Вначале район, где были обнаружены материалы зарубинецкого типа, ограничивался Киевским Поднепровьем. Но в 30-е годы подобные материалы были обнаружены в Подлясье (З. Шмидт) и в Полесье (В. Антоневичем, А.З. Коваленей, С.С. Шутовым). Накануне войны И.М. Самойловский провел большие раскопки на могильнике Корчеватое под Киевом, где было вскрыто более 100 погребений². К сожалению, результаты этих раскопок не могут быть использованы в полную меру, так как часть документации и большинство вещей, добытых на могильнике, погибли во время войны. К началу войны было известно более 110 погребений в пределах Киевского Поднепровья и около 40 погребений на территории Белоруссии.

Историческое толкование памятников зарубинецкой культуры шло в трех направлениях: датировка, происхождение и этническая принадлежность. В.В. Хвойко считал их раннеславянскими древностями, промежуточным звеном между позднескифскими и черняховскими древностями и датировал эти памятники II в. до н.э. — II в. н.э. А.А. Спицын, впервые выделивший эти памятники в отдельную археологическую культуру по названию села (с. Зарубинцы), вначале тоже склонялся к мысли о славянской принадлежности культуры, но впоследствии отказался от этой мысли, приписав их к памятникам скифского типа первых веков нашей эры³. Напротив, немецкие археологи П. Райнке и К. Такенберг отнесли зарубинецкие древности к древним германским племенам — готам, пришедшим в первые века нашей эры на Днепр. Таким образом, можно резюмировать, что на первом этапе недостаток археологического материала не позволил решить ни одну из указанных проблем, ни в области датировки, ни в происхождении культуры, ни ее этнической атрибуции.

II период (временные границы условны) — с 1945 г. по конец 60-х годов — самый значительный и плодотворный период в процессе изучения материалов зарубинецкой культуры. Во-первых, количество обнаруженных памятников значительно возросло и приблизилось к 150 пунктам. В это время были раскопаны практически все известные ныне наиболее крупные могильники и поселения: Велемичи I, II, Отвержичи, Воронино, Пирогов, Лютеж, Пилипенкова Гора, Субботов, Рахны, Чаплин — могильник и городище, Горошков и многие другие. Количество вскрытых погребений по всей культуре превысило 1000 единиц. В этот период действуют и работают по зарубинецкой проблематике известные советские археологи: Ю.В. Кухаренко, П.Н. Третьяков, В.Н. Даниленко, И.М. Самойловский, Е.В. Максимов, Л.Д. Поболь, В.П. Петров, Ф.М. Заверняев, А.К. Амброз, В.В. Седов, Б.А. Рыбаков, А.М. Шовкопляс, В.И. Бидзиля, Е.В. Махно, Э.А. Сымонович, О.Н. Мальниковская, Д.А. Мачинский, К.В. Каспарова, А.И. Кубышев, И.П. Русанова, С.П. Пачкова. Помимо широкомасштабных археологических раскопок этот период ознаменовался выходом ряда крупнейших аналитических работ, в которых была сделана попытка на новом качественном и количественном уровне вернуться к главным вопросам изучения зарубинецкой культуры: датировке, происхождению и этнической принадлежности. В первую очередь это работы Ю.В. Кухаренко "Своды археологических источников" (1961, 1964 гг.), "Памятники зарубинецкой культуры" (1959 г.), "Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье" (1969 г.), коллективные монографии под редакцией П.Н. Третьякова "Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге" (1966 г.), Л.Д. Поболя "Славянские древности Белоруссии" в трех частях (1971—1974 гг.), Е.В. Максимова "Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры" (1972 г.)⁴. В 1969 г. во Львове состоялась археологическая конференция по проблемам изучения зарубинецкой и черняховской культур под углом зрения их взаимоотношений с раннеславянскими древностями. Острота раз-

горевшейся дискуссии в основном заключалась в этнической атрибуции как "зарубинцев", так и "черняховцев" и их преемственности. Большинство археологов склонялось тогда к точке зрения, что эти древности принадлежали древнеславянским племенам, в противовес теории "готского" происхождения. В пользу той или иной гипотезы происхождения выдвигалось довольно много фактов, и сейчас трудно представить, какая точка зрения имела их больше и выглядела более доказательной. Однако наравне с вышеназванными гипотезами в научной печати появилась еще одна — это теория балтского происхождения зарубинецкой культуры, высказанная В.В. Седовым. Для того чтобы четче понять формы разногласий, необходимо кратко остановиться на каждой из них.

Согласно положениям Ю.В. Кухаренко, истоками формирования зарубинецкой культуры были культуры поморская и подклёшевых погребений Повисленья. Зарубинецкая культура возникла на основе поморской, в результате расселения носителей последней на юго-восток. Первоначально поморские племена появились в западной части Припятского Полесья, где среди древностей эпохи раннего железа есть достоверно поморские элементы, и оттуда распространились на восток, в области Среднего и частично Верхнего Поднепровья.

П.Н. Третьяков, возражая Ю.В. Кухаренко, показал, что припятская группа зарубинецких памятников не старше днепровских, поэтому последние не могут быть выведены из полесских древностей. Однако это справедливое замечание П.Н. Третьякова не может служить аргументом для отрицания участия поморского населения в генезисе зарубинецкой культуры. По-видимому, ближе к истине подошел Д.А. Мачинский, который, заново изучив все стороны проблемы происхождения зарубинецкой культуры, пришел к выводу, что сложение культуры шло не путем постепенного расселения ее носителей, а за счет притока населения из разных регионов поморской культуры и культуры подклёшевых погребений. Исследователь полагал, что миграция из различных районов Повисленья происходила несколькими путями. Он же выдвинул версию, что памятники культуры Поянешти-Лукашевка (междуречье Днестра и Прута) являлись четвертой локальной группой зарубинецкой культуры⁵.

Точка зрения В.В. Седова основана на том, что сложение зарубинецкой культуры происходило на территории, занятой милоградскими племенами, а по мнению ученого — милоградцы были древними балтами, а значит, не исключено, что зарубинецкая культура — балтская⁶.

В итоге можно сказать, что формирование зарубинецкой культуры явилось результатом взаимодействия пришлых племен — носителей поморской культуры и культуры подклёшевых погребений, принесших латенские культурные традиции, с местным населением милоградских племен на севере и скифскими — на юге, т.е. в этническом смысле культура была многокомпонентна.

И еще необходимо сказать об одном направлении в изучении археологического материала, связанного с историей зарубинецкой культуры. В результате полевых исследований памятников в Подесенье (раскопки А.К. Амброза и Ф.М. Заверняева) возникло представление, что памятники типа Почеп (поселение) являются зарубинецкими и относятся к позднему этапу развития культуры⁷, так же на Южном Буге — к зарубинецким относят памятники типа Рахны (раскопки П.И. Хавлюка)⁸. Правда, археологический материал из этих памятников и его хронология отражали не "классические" черты зарубинецкой культуры, а были результатом контактов ее носителей с местными племенами на периферии основного ядра культуры.

Несмотря на то что в этот период было накоплено много новых материалов, все спорные вопросы продолжают оставаться дискуссионными. Причин тому достаточно. Во-первых, до сих пор много раскопчного материала не опубликовано; во-вторых, то, что опубликовано, страдает рядом технических

изъянов, например, не все погребения сопровождаются планами, не все вещи из погребений даны в рисунках или фотографиях, особенно это относится к такому важному материалу, как фибулы. Если и есть рисунки вещей, то качество их оставляет желать лучшего, например рисунки посуды, которая была в погребениях. В-третьих, как мне кажется, многие памятники были априорно отнесены к зарубинецкой культуре (речь идет о памятниках типа Рахны-Почеп, Суботов-Гриневици, Вельки).

III период — с начала 70-х годов по наши дни. Несмотря на то что сильно сократился круг ученых, непосредственно связанных с изучением зарубинецких древностей, в этот период в научный оборот вошло немало интересных исследований. В 1982 г. вышла из печати работа Е.В. Максимова "Зарубинецкая культура на территории УССР" (1982 г.), своеобразный итог изучения зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье⁹. В этот же период вышли работы Б.А. Рыбакова "Геродотовы Скифия" (1979 г.), "Язычество древних славян" (1981 г.), "Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв." (1982 г.), "Язычество Древней Руси" (книга II, 1987 г.)¹⁰. Б.А. Рыбаков, рассматривая на широком историческом фоне историю славян, в главах, посвященных славянскому этногенезу, выделяет целый этап — зарубинецко-пшеворский (II в. до н.э. — II в. н.э.). Этот этап территориально и хронологически исследователь связывает с предыдущим лужицко-скифским временем. Зарубинецкая праславянская культура выступает, по его мнению, как культура местная, имеющая глубокие исторические корни, уходящие в III тысячелетие до н.э., т.е. истоки славян лежат в культурах раннего бронзового века — тшинецкой и комаровской. Однако высказывалась и противоположная точка зрения на процессы происхождения зарубинецкой культуры в работах К.В. Каспаровой¹¹, М.Б. Щукина, А.М. Обломского¹². Наряду с работами по хронологии фибул, классификации керамики, авторами поставлены вопросы о юго-западных и юго-восточных связях носителей зарубинецкой культуры с потомками поморской и подклёшевой культур, а также культурными импульсами древнегерманских племен, так называемой губинской группой.

В 1985 г. в Куйбышеве состоялась научная конференция по проблемам происхождения именьковской культуры, расположенной на территории Среднего Поволжья, и ее возможных связей с культурами Поднепровья, в частности зарубинецкой. Судя по результатам, конференция была безусловно полезной, дав возможность исследователям высказать свои научные позиции по спорным вопросам, но к определенным, четким решениям она не пришла.

В последнее время наметились определенные положительные результаты в разработке вопросов поздней фазы зарубинецкой культуры и ее контактов с культурой "киевского типа"¹³. Но по-прежнему остается неясной картина соотношения раннего периода зарубинецкой культуры с культурами предшествующими — поморской, подклёшевой и Поднешты-Лукашевки. Правда, четче стали хронологические рамки культуры, с 170—150 гг. до н.э. по 40—50 гг. н.э. Не исключено, что в вопросах хронологии достигнут своеобразный компромисс между двумя точками зрения: датирование ранней фазы по амфорному материалу из поселений и несколькими экземплярами фибул ранней фазы Латена из могильников. Представляется несомненным, что наши представления о периодизации, происхождении и этнической принадлежности зарубинецкой культуры будут изменяться, дополняться и уточняться. Наметилось направление еще раз оценить имеющиеся источники (материалы из могильников и поселений), чтобы выявить их возможности на новом качественном уровне¹⁴.

В заключение краткого обзора о состоянии дел в области изучения зарубинецкой культуры можно сделать несколько выводов. Во-первых, необходимо опубликовать все материалы по могильникам, которые были ранее раскопаны,

например, с территории Украины: Пирогов (до конца), Дедов Шпиль, Вишенки. Во-вторых, может быть, настала необходимость переиздать и доопубликовать материалы уже ранее изданных могильников и поселений. В-третьих, нужно провести координационное совещание всех заинтересованных археологов с целью выработки общей программы действий на ближайшие годы, как в области полевой археологии, так и научных направлений. С этой целью в новом сборнике следовало бы опубликовать последние научные исследования по проблемам изучения зарубинецкой культуры. В настоящее время о зарубинецкой культуре имеются достаточно определенные представления. Однако остался ряд важных нерешенных вопросов, к числу которых относятся вопросы происхождения культуры, ее периодизация, а также роль в славянском этногенезе. По всем этим вопросам существуют различные точки зрения, но все они не имеют достаточно убедительной документальной базы и поэтому в настоящее время должны рассматриваться в качестве гипотез.

- ¹ Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Поднепровье // Зап. Рус. археол. о-ва. Н.С. 1901. Т. 12, вып. 1/2.
- ² Самойловский И.М. Корчеватовский могильник // МИА. 1959. № 70.
- ³ Спицын Л.А. Поля погребальных урн // СА. 1948. № 10.
- ⁴ Кухаренко Ю.В. Памятники раннего железного века на территории Полесья // САИ. М., 1961. Вып. Д1—29; Он же. Зарубинецкая культура // САИ. М., 1964. Вып. Д1—19; Он же. Памятники зарубинецкой культуры // МИА. 1959. № 70. Он же. Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье // МИА. 1969. № 169; Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971—1974. Ч. 1—3; Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
- ⁵ Мачинский Д.А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. 1960. Вып. 107.
- ⁶ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 169; Он же. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- ⁷ Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // Археология. 1971. Вып. 4.
- ⁸ Хавлюк П.У. Памятки зарубинецкой культуры на Побужжьи // Археология. 1971. Вып. 4.
- ⁹ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.
- ¹⁰ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979; Он же. Язычество древних славян. М., 1981, 1987. Ч. 2; Он же. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- ¹¹ Каспарова Ю.В. Роль юго-западных славян в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2; Она же. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25.
- ¹² Обломский А.М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- ¹³ Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981; Терпиловский Р.В. Население Нижнего и Среднего Подесенья, III—V вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980; Максимов Е.В. Зарубинецкая культура...
- ¹⁴ Максимов Е.В. Место зарубинецкой культуры в этногенезе славян // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4; Пачкова С.П. Могильник Вишенки и его место среди памятников зарубинецкой культуры // Там же; Каспарова К.В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда // СА. 1988. № 1; Гусаков М.Г. Территория расселения и количество жителей племен зарубинецкой культуры // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985; Он же. К вопросу о зависимости поло-возрастных характеристик и погребального инвентаря // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. в г. Баку. М., 1985; Он же. Об ориентации погребений в могильниках зарубинецкой культуры // Археологические памятники. М., 1988.

О КОНТАКТАХ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОДОРАЗДЕЛА ДНЕПРА И ДОНА С САРМАТАМИ ПОДОНЬЯ

В статье А.П. Медведева, опубликованной в 1987 г., впервые собрана и классифицирована керамика из курганных могильников донской лесостепи первых веков нашей эры¹. Указано, кроме того, распределение типов сосудов по культурным группам региона, специфика керамического комплекса каждой из групп, а также лесостепного Подонья в целом. В настоящей статье мы хотим предложить один из вариантов объяснения своеобразия набора лепной посуды сарматов Подонья.

Среди лепных горшков и мисок могильников Подонья первых веков нашей эры А.П. Медведев выделяет две группы форм. Большая часть горшков находит соответствия среди лепной посуды сарматов предшествующего периода и других регионов. Специфичны горшки типа I и миски типов I и II, не связанные по происхождению с керамическими традициями сарматов. Горшки типа I, по мнению А.М. Медведева, восходят к керамике среднедонской культуры скифского времени². При этом, правда, указывается на довольно существенные отличия сарматских сосудов от скифских по пропорциям (сарматские — более вытянутые, с менее раздутым туловом, с иным соотношением диаметра верха и дна, чем скифские) и по орнаментации венчика (скифские горшки орнаментированы преимущественно защипами, а сарматские, как правило, насечками). Своеобразие сосудов сарматского времени А.П. Медведев объясняет хронологическими различиями, но, по нашему мнению, оно достаточно существенно, чтобы предположить связь горшков типа I с иной, не скифской керамической традицией.

Сосуды типа I по А.П. Медведеву находят прямые аналогии на поселениях позднезарубинецкого круга лесостепи водораздела Днепра и Дона, т.е. территории, непосредственно примыкающей к лесостепному Подонью с запада. Материалы этого региона, по всей видимости, остались А.П. Медведеву неизвестными, что неудивительно, так как расположенные здесь позднезарубинецкие памятники изучались преимущественно в течение последних 8—10 лет и пока не опубликованы.

К настоящему времени позднезарубинецкие памятники открыты в верховьях рек Сейм, Псёл, лесостепном течении Северского Донца, Оскола и Орели в пределах Курской, Белгородской, Харьковской и Днепропетровской областей. Стационарными раскопками исследовано 15 поселений. Население водораздела Днепра и Дона в позднезарубинецкий период, по всей видимости, представляло собой особую этнографическую группу, о чем свидетельствует специфика керамического комплекса селищ. В широких рамках они могут датироваться серединой — третьей четвертью I—II в. н.э. (по общей дате позднезарубинецкого периода), что подтверждается находками на селищах у с. Осиповка, поселениях Картамышево 2, Терновка 2 и Приоскольское I³.

Керамика позднезарубинецких памятников востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца, за исключением единичных фрагментов раннеримских амфор, немногочисленных обломков светлоглиняной и краснолаковой античной посуды — лепная. При этом абсолютно преобладает посуда с шероховатой поверхностью, процент лощеных сосудов там, где он поддается учету, не превышает 5—8%. Комплекс груболепной посуды составляют различные по форме округлобокие и ребристые горшки, а также диски без бортиков

("лепешечницы", "сковородки", "крышки", по мнению различных авторов, встречаются только на памятниках бассейна Северского Донца).

Сосуды, близкие по профилировке к сарматским типа I, характеризуются отогнутым наружу изогнутым венчиком, слабо выпуклым туловом, округлым перегибом профиля в месте наибольшего расширения тулова, неопределенной формой линии профиля на отрезке от шейки до бочка (она может быть прямой и слегка выпуклой с разных сторон одного и того же сосуда), прямыми стенками ниже наибольшего расширения тулова. У некоторых горшков имеется дополнительный изгиб в месте перехода ко дну, но его может и не быть. По соотношению диаметров венчика и наибольшего расширения тулова внутри этого типа сосудов выделяются две разновидности: горшки, близкие к баночным с диаметром венчика, меньшим или равным диаметру плеча (рис. 1, 3—5), и тюльпановидные, у которых диаметр венчика превышает диаметр наибольшего расширения тулова (рис. 1, 1, 2). Судя по публикациям А.П. Медведева, в сарматских могильниках преобладают сосуды первой разновидности, но известны и второй⁴.

Сопоставление сосудов с позднезарубинецких памятников и из сарматских комплексов приводится на рис. 1. Визуально можно сделать вывод об их практически полном сходстве. Причем на позднезарубинецких памятниках известны сосуды как "вытянутых" пропорций, так и "приземистые". Последнее, впрочем, характерно больше для тюльпановидных горшков.

Близкие к баночным формы на позднезарубинецких памятниках распространены достаточно широко: они имеются на поселениях Жерновец под Курском в поречье р. Тускарь, Картамышево 2 в верховьях Сейма, Терновка 2 в бассейне Северского Донца близ Белгорода, Родной Край I в поречье р. Уды около Харькова, а на селище Гочево I в верховьях р. Псел численно преобладают среди прочих округлобоких горшков. Однако чаще встречаются тюльпановидные сосуды: они представлены на селищах Картамышево 1 и 2 (на последнем преобладают среди округлобоких форм), Терновка 2, Приоскольское I под Старым Осколом, Родной Край I. На памятниках следующего за позднезарубинецким культурно-хронологического периода (поселениях и могильниках раннего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры, датирующихся временем не позже середины III в. н.э.)⁵ близкие к баночным формы довольно редки, хотя иногда и встречаются. Они известны на поселениях Шишино 5 в бассейне Северского Донца под Белгородом и Приоскольское 2 под Старым Осколом (рис. 2). Тюльпановидные формы на ранних киевских памятниках, напротив, получают дальнейшее развитие, хотя в целом они уже сильно отличаются от сарматских, так как имеют более "приземистые" пропорции. Насечки, которыми часто украшены венчики сосудов типа I из комплексов Подонья, являются характерным (наряду с пальцевыми вдавлениями) приемом орнаментации груболепных горшков позднезарубинецкого периода и раннего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Сосуды с подобным мотивом орнаментации встречены на всех исследованных раскопками памятниках лесостепной части водораздела Днепра и Северского Донца.

Второй категорией сосудов на могильниках Подонья, для которых А.П. Медведев не находит сарматских прототипов, являются лощеные миски типов I и II. Миски типа I варианта "а" А.П. Медведев связывает по происхождению с традициями скифского времени, указывая также на некоторые аналогии этим сосудам на зарубинецких могильниках, миски типа I варианта "б" считает подражанием краснолаковым сосудам, а миски типа II — нижнедонским или кубанским сероглиняным⁶. Нельзя не признать правоту А.П. Медведева относительно сходства некоторых лепных мисок с античными образцами. Действительно, близость сосудов из погребения 1 кургана 26/37, насыпи кургана

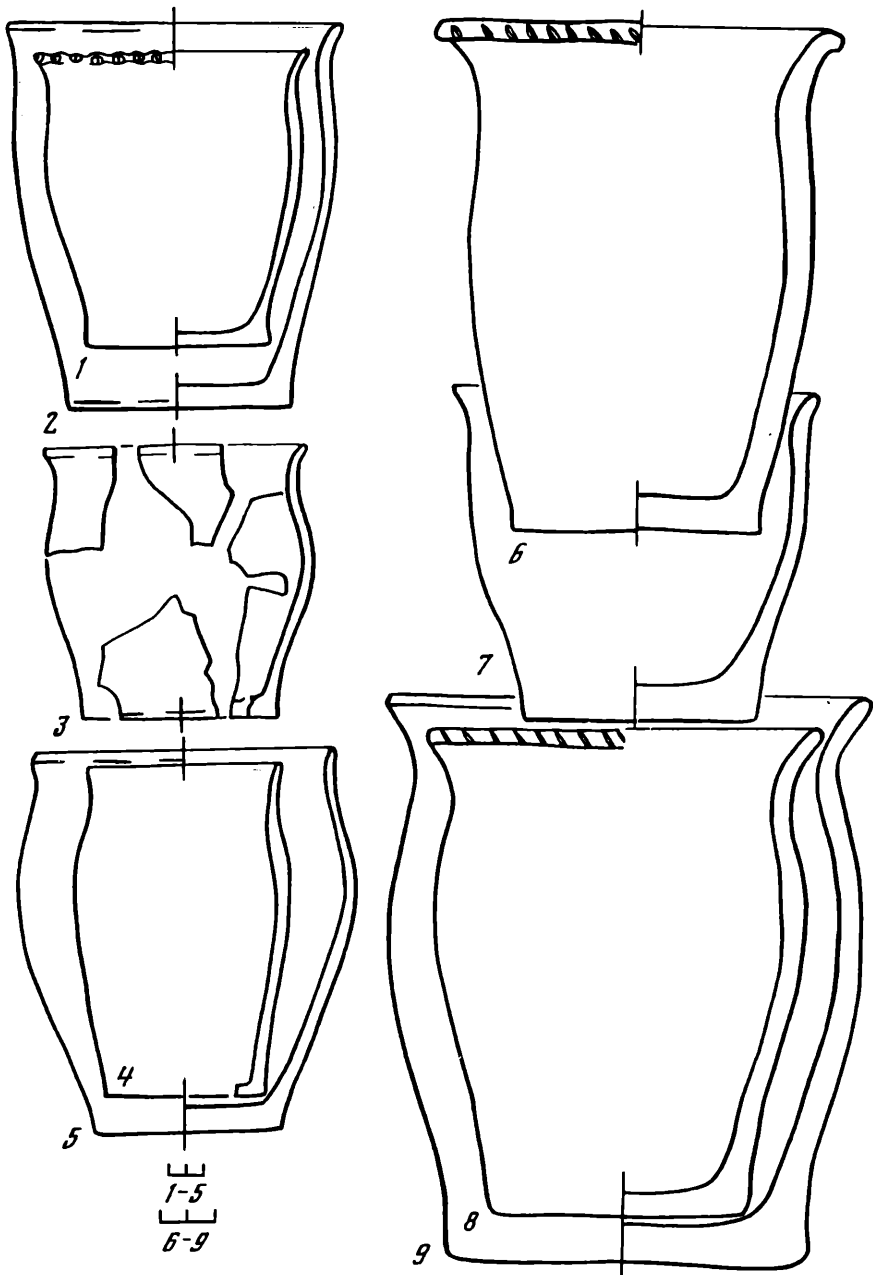

Рис. 1. Слабопрофилированные сосуды с памятников I—III вв. восточной части Днепровского левобережья и Подонья

1 — с позднезарубинецких и ранних киевских селищ; 6—9 — из сарматских могильников Подонья; 1, 5 — Гочевы I, горы 2; 2 — Картамышево 2, культурный слой; 3 — Терновка 2, яма 11; 4 — Шишино 5, раскоп 1, очаг 1; 6 — Чертовичский могильник, грунтовое погребение 4; 7 — Ново-Никольский могильник, курган 74, погребение 1; 8 — Вязовский могильник, курган 48, насыпь; 9 — Чертовичский могильник, курган 17, насыпь

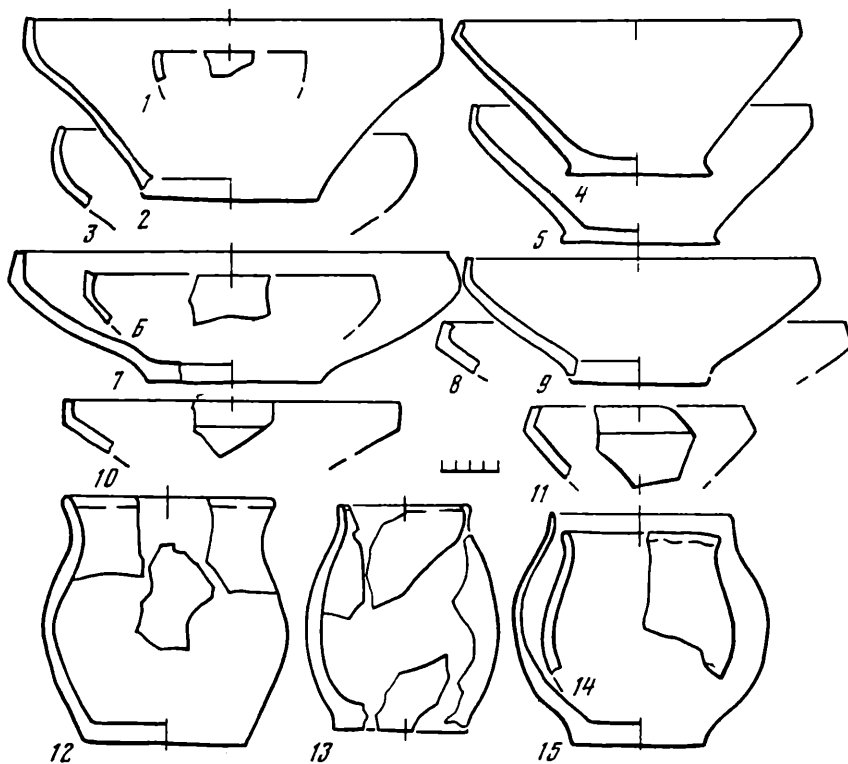

Рис. 2. Керамика позднесарубинецких и ранних киевских поселений бассейна Северского Донца
 1—11 — лощенные миски; 12—15 — груболепные горшки; Терновка 2: 1, 3, 6, 8 — культурный слой; 2 — яма 5; 4, 5 — постройка 4; 7 — постройка 1; 9, 10, 12 — яма 2; Шишино 5: 13 — раскоп 1, слой; 14 — раскоп 3, яма 5; 15 — раскоп 1, постройка 2

18/44 Чертовичского могильника и из насыпи кургана 46 Ново-Никольского могильника⁷ к краснолаковым и сероглиняным античным прототипам очевидна. Однако в целом набор лепных мисок сарматских памятников Подонья формируется, как нам кажется, под влиянием позднесарубинецких традиций. Комплекс мисок каждого из регионов распространения позднесарубинецких древностей своеобразен, однако формы с округлым плечом и загнутым внутрь венчиком (или "чашеобразные" без венчика), а также ребристые с прямым вертикальным или слегка наклоненным внутрь краем известны почти во всех локальных группах памятников этого культурного круга на территории лесостепи. Миски, как "чашеобразные", так и ребристые с прямым венчиком встречены на памятниках Побужья⁸, Среднего Поднепровья⁹ и Подесенья¹⁰, однако наиболее близок к сарматскому набор мисок памятников бассейна Северского Донца. Здесь известны формы только тех двух типов, которые представлены и в сарматских могильниках. Сходство имеется не только в наборе форм, но и в деталях их профилировки. Венчики ребристых мисок селищ бассейна Северского Донца обычно бывают короче венчиков аналогичных сосудов других групп позднесарубинецких памятников. Края некоторых мисок оканчиваются слабо выраженным бортиком, как бы "свисающим" немного внутрь сосуда (рис. 2, 6, 8). Судя по рис. 2 в статье А.П. Медведева, эти же особенности присущи и некоторым сарматским формам. Отличия имеются лишь в оформлении поверхности сосудов. На позднесарубинецких памятниках подавляющее большинство мисок — лощенные,

независимо от того, какую форму они имеют. В сарматских погребениях лошенная поверхность характерна преимущественно для округлобоких мисок¹¹. На наиболее полно раскопанном селище раннеримского периода бассейна Северского Донца поселении Терновка 2 отмечен подобный набор мисок, однако такие формы встречены и на других памятниках этого региона (Приоскольское I, Шоссейное под Белгородом, Новодоновка I и Родной Край I под Харьковом).

Широкое распространение ребристых мисок с прямым венчиком на памятниках позднезарубинецкого круга, как представляется, противоречит мнению А.П. Медведева о том, что они являются дериватами сероглиняных мисок Нижнего Подонья — Прикубанья, ведь лепные миски распространены значительно шире, чем гончарные. Весьма показательны, что на позднезарубинецких поселениях Северского Донца, набор лепных мисок которых наиболее близок к сарматскому, совершенно отсутствует импортная сероглиняная гончарная посуда. По всей видимости, специфические черты, отмеченные А.П. Медведевым для керамического комплекса сарматов Среднего и Верхнего Подонья, заключающиеся в сравнительно широком распространении на этих территориях горшков типа I и лепных мисок типов I и II, объясняются не столько сохранением традиций лесостепного скифского населения, сколько контактами сарматов Подонья с соседями — позднезарубинецкими племенами водораздела Днепра и Дона.

Приведенные факты свидетельствуют о влиянии позднезарубинецкого населения на сарматов Подонья. Имеются, кроме того, сведения и о контактах, шедших в противоположном направлении, правда, значительно более слабых. Так, в яме 2 на поселении Терновка 2 обнаружен горшок, по структуре профиля и пропорциям аналогичный сосуду из погребения 4 кургана 13 могильника Караяшник¹². С поселения ранней фазы киевской культуры Шишино 5 происходят три округлобоких сосуда, наибольшее расширение тулова которых находится несколько ниже середины высоты, что делает их похожими на сарматские горшки типа V по А.П. Медведеву¹³. В культурном слое позднезарубинецкого поселения Гочеве I найден плохо сохранившийся железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы. Возможно, сарматским влиянием объясняется некоторая "приземистость" сосудов памятников раннего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры (по сравнению с керамикой других групп населения той же культуры — среднеднепровской и деснинской), хотя это трудно доказать.

Остановимся еще на одном факте, по нашему мнению, свидетельствующем о контактах сарматов Подонья и лесостепного населения бассейна Северского Донца. Речь идет о находке скелета мужчины, по краниологическим характеристикам приближающегося к донским сарматам, на поселении Шишино 5. Скелет обнаружен на дне хозяйственной ямы-погребца (яма 1 раскопа 3 1986 г.), типичной для ранних киевских памятников формы: в профиле яма напоминает песочные часы. Верхний ее контур прослежен на уровне материка, дно — на глубине 127—137 см. В плане (по верхнему краю и дну) яма овальная, ее размеры составляют в верхней части 200 × 170 см, в наиболее узкой — 110 × 97 см, по дну — 130 × 110 см. Скелет лежал на спине и был ориентирован головой на восток. Ноги погребенного согнуты в коленях, подогнуты к груди, правая рука согнута в локте и "отброшена" за голову, левая — согнута в локте и лежала на груди, череп расположен теменем книзу, челюстью вверх. Все кости находились в анатомическом порядке.

Яма заполнена однородной черной гумусированной супесью с включениями фрагментов сосудов и костей животных, рассредоточенных по всей толще заполнения, без отчетливо различимых уровней концентрации. Керамику из ямы можно подразделить на две группы. К первой относятся обломок неолитического сосуда и фрагменты лепных горшков эпохи поздней бронзы или раннего железного

века, орнаментированные отпечатками заостренной палочки. Подобная керамика в небольшом количестве встречалась в культурном слое раскопа 3 и явно попала в заполнение ямы 1 в процессе ее засыпки, поскольку некоторые черепки из ямы склеивались с фрагментами из слоя.

Ко второй группе относятся обломки толстостенных сосудов с шероховатой поверхностью, содержащие примесь крупнозернистого шамота в тесте, т.е. изготовленные в обычной для позднезарубинецкой и киевской культур технике. Графически реконструируется верхняя часть тюльпановидного горшка, имеются фрагменты "ребер" биконических корчаг, так что керамика второй группы типична для киевской культуры. Все черепки сосудов с примесью крупного шамота из ямы носят следы вторичного обжига. В культурном слое вокруг ямы подобной керамики нет. Следовательно, обломки сосудов второй группы помещены в яму специально и могут датировать время ее засыпки. В целом киевский горизонт поселения Шишино 5 по соображениям относительной хронологии и датирующим вещам мог существовать в широких пределах конца II — середины III в. н.э.¹⁴

Интересно планиграфическое расположение ямы. На раскопе 3 в 1986—1987 гг. вскрыты остатки усадьбы киевской культуры, состоящие из полуземляночного жилища и шести хозяйственных ям. Яма 1 является одним из погребов, находившихся неподалеку от жилища, т.е. она входит в число сооружений усадьбы. Рядом с поселением (на той же дюне) исследованы остатки киевского могильника с трупосожжениями.

Последний находился в 110 м к северо-западу от раскопа 3, т.е. достаточно далеко для того, чтобы предполагать связь захоронения в яме 1 с могильником. Форма ямы 1, типичная для хозяйственных сооружений киевских селищ, расположение ее на территории усадьбы в стороне от могильника, "странная" поза погребенного, который буквально "втиснут" в узкое пространство нижней части ямы, наличие в заполнении ямы специально помещенной сюда вторично обожженной киевской керамики заставляют сделать вывод, что в яме 1 захоронен не житель поселения, а иноплеменник. Погребение в яме 1 раскопа 3, скорее всего, является жертвоприношением со следами обряда очищения огнем (вторично обожженная керамика).

Наличие исключительных по обстоятельствам находки палеоантропологических материалов комплекса Шишино 5 — черепа из безынвентарного захоронения мужской головы (возраст *adultus*) на окраине могильника с трупосожжениями и скелета мужчины (возраст *maturus*) на дне хозяйственной ямы-погребка позволяет взглянуть на характер обсуждаемых контактов с иной стороны¹⁵ (табл.). Мозговая капсула черепа из могильника отличается средними сагиттальными и высотными размерами, а также малыми трансверсальными (причем очень узок лоб) при средних по величинам верхней ширине лица и скуловом диаметре. Лицевой отдел представлен лишь грациальной скуловой костью, фрагментами альвеолярного отростка верхней челюсти, а также фрагментами нижней челюсти, весьма своеобразной сочетанием малой высоты симфиза (29 мм) и значительной шириной ветви (40 мм). Наблюдаемые краниологические особенности не имеют ничего общего с фиксируемым на черепе из ямы-погребка комплексом, происхождение которого, в свою очередь, сложно связать с любой группой, кроме сарматской, причем среди территориально ближайших раскопанных сарматских могильников и обнаруживаются яркие аналогии. Черепа из ямы в Шишино 5, могильника Сады и погребения на Животинном городище объединяют значительные размеры мозговой коробки, широкий лоб, среднее или высокое сильнопрофилированное на среднем уровне лицо, среднеуплощенное широковатое переносье при (чаще) сильном выступании носа. Череп из Вязовского могильника, представляя редкий для сарматов вариант, сходен по некоторым признакам лицевого скелета именно с

Таблица

Индивидуальные данные черепов сарматов Верхнего Подонья
и черепа из могильника Шишино 5

№ признака по Мартину	Номер черепа						
	1	2	3	4	5	6	7
1	198	185	195?	190	181	186	182
28	143	144	136?	141	134	138	140
17	140	147	—	140	132	—	134
20	115	126	—	114	112	117	112
9	97?	104	101	105	84!	89	100
10	123	130	126?	123	104	119	119
11	123	122	—	123	117	122	126
5	107	103	—	105	100	—	108
40	101	96	—	—	—	—	104
45	135	134	—	—	131?	—	131?
48	77	73	73?	77	—	70	74
43	109	109	110	—	—	101	105
46	98	95	89	103	—	89	95
60	54	53	56	—	—	57	56
61	64	61	59	65	—	62	64
55	54	54	54?	56	—	50	55
54	27,6	26,1	25,0	31	—	26,2	23,8
51	49,1	42,2	45,0	46,0	—	42,1	43,4
51a	46,6	40,0	42,0	44,2	—	40,2	40,6
52	38,9	32,1	31?	35,0	—	32,0	32,9
43(1)	104	100	104	108	—	93	99
A	22,2	20,8	19,1	16,4	—	16,5	21,9
77	134	135	140	146	—	141	132
Б	97	95	88	104	—	90	94
В	25,4	25,9	25,7	28,0	—	23,8	23,0
Г	125	123	121	123	—	124	128
Д	19,3	22,6	20,9	22,0	—	15,4	20,8
Е	8,8	8,1	7,9	7,8	—	8,9	7,4
DC	20,5	23,3	—	—	18,1	18,1	22,8
DS	11,8	11,3	—	—	—	13,1	11,7
SC	7,1	11,6	9,2	12,6	—	7,8	10,0
SS	4,9	5,6	4,6	4,1	—	5,3	4,2

Обозначения признаков: А — высота назиона над биорбитальной шириной, Б — зигмаксиллярная ширина, В — высота субспинале над зигмаксиллярной шириной, Г — зигмаксиллярный угол, Д — максиллофронтальная ширина, Е — максиллофронтальная высота. Номера черепов: 1 — Вязовский могильник, кург. 10, погр. 1, I—II вв., деформация сильной степени; 2 — Животинное городище, погр. 4, III — начало IV в., деформация средней степени; 3 — могильник Сады, кург. 3, погр. 1, I в.; 4 — Шишино 5, яма 1 раскопа 3, II—III вв.; 5 — Шишино 5, могильник, II—III вв.; 6 — 1 Чертовичский могильник, кург. 1, погр. 1, I—II вв.; 7 — 1 Чертовичский могильник, кург. 14, погр. 1, I—II вв.

шишинским черепом из ямы. Черепа из 1 Чертовичского могильника отличаются средними размерами мозговой коробки и преимущественно средними размерами лица и, видимо, более близки к черепу из могильника Шишино 5, краниологический комплекс которого не противоречит предположению о принадлежности его к балтскому или реннеславянскому кругу¹⁶.

В заключение попытаемся интерпретировать характер контактов сарматов Подонья и позднесарубинецкого населения области водораздела Днепра и Дона.

Очевидно, что они не явились следствием постоянного торгового обмена. В этом случае античный импорт, достаточно многочисленный у сарматов первых веков нашей эры, регулярно попадал бы на позднезарубинецкие поселения, чего не происходит. Находки античных изделий на селищах водораздела Днестра и Дона крайне редки. С другой стороны, предметы убора с выемчатыми эмальями, достаточно часто встречающиеся на позднезарубинецких памятниках водораздела и, вероятно, являющиеся престижными украшениями позднезарубинецкого населения¹⁷, единичны на территории Подонья¹⁸. Если же предположить наличие межэтнических экзогамных связей населения двух рассматриваемых регионов, то остается непонятным, почему влияние позднезарубинецкого населения на сарматов оказывается значительно более сильным, чем импульсы, идущие в противоположном направлении. По всей видимости, наличие у части сарматов Подонья устойчивых позднезарубинецких керамических традиций можно объяснить регулярным захватом пленных, производившимся в ходе сарматских набегов на крайнюю восточную область расселения позднезарубинецких племен, или проникновением мелких групп населения с запада на восток.

¹ *Медведев А.П.* Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 107.

² Там же. С. 103, 107.

³ *Обломский А.М.* О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. № 3. С. 74—76.

⁴ Материалы большинства упоминаемых в статье памятников не опубликованы, поэтому приведем их краткий список: Жерновец, раскопки А.А. Узьнова 1979—1980 гг., фонды ИА АН СССР; Картамышево 1, 2, раскопки Е.А. Горюнова 1978—1980 гг., фонды ЛОИА; Терновка 2, Шишино 5, Приоскольское 1, 2, раскопки А.М. Обломского 1984—1987 гг., фонды Белгородского краеведческого музея; Родной Край 1, раскопки Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко 1978—1984 гг., фонды ХГУ и Харьковского городского Дворца пионеров; Шоссейное, раскопки А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина 1978—1979 гг., фонды ИА АН СССР и Белгородского краеведческого музея; Гочево 1, раскопки Н.А. Тихомирова и Р.В. Терпиловского 1986—1987 гг., фонды Курского краеведческого музея. Авторы статьи знакомы с материалами по отчетам и фондовым коллекциям.

⁵ Их краткую характеристику см.: *Обломский А.М.* О начальной дате сейминско-донецкого варианта киевской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. Киев, 1987. С. 119, 120.

⁶ *Медведев А.П.* Керамика... С. 95, 96.

⁷ Там же. Рис. 2, 5, 11, 12.

⁸ *Хавлюк П.І.* Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дніст-

ра // Археологія. 1975. № 18. Рис. 4, 3, 8, 13, 14; 5, 1, 3, 4, 8, 9.

⁹ *Обломский А.М.* О финале... Рис. 5, 6; 7, 2, 7.

¹⁰ *Амброз А.К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА. 1964. № 1. Рис. 7, 7; *Заверняев Ф.М.* Почепское селище // МИА. 1969. № 160. Рис. 10, 2, 3, 5.

¹¹ *Медведев А.П.* Керамика... С. 95.

¹² Там же. Рис. 6, 11.

¹³ Там же. С. 103, рис. 6, 4—10.

¹⁴ *Обломский А.М.* О начальной дате... С. 119, 120.

¹⁵ *Фирштейн Б.В.* Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л., 1970. С. 69—201; *Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972; *Герасимова М.М.* Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 9—83.

¹⁶ *Aleksiejewa T.* Wschodniostowiańskie czaszki z kurhanów plemiennych. Wrocław, 1966; *Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига, 1975; *Чесник Г.Ю.А.* Антропология древнего населения Литвы: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1986.

¹⁷ *Обломский А.М.* О начальной дате... С. 120.

¹⁸ *Корзухина Г.Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. Е1-43. Карта.

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Вплоть до 80-х годов одним из малоизученных районов Восточной Европы рубежа первых веков нашей эры являлось лесостепное Днепро-Донское междуречье. На археологических и исторических картах этого времени оно, как правило, занято обширным "белым" пятном¹. Ситуация стала проясняться с конца 70-х годов, когда в лесостепном Подонье были открыты могильники сарматского времени². К настоящему времени здесь исследовано около 200 погребений II в. до н.э. — IV в. н.э., причем большинство из них относятся к I—III вв. н.э. Сравнительный анализ обряда и инвентаря позволил выделить на Дону три локальные группы памятников: 1) среднедонскую, не обнаружившую каких-либо существенных отличий от синхронных сарматских памятников степной зоны; 2) воронежскую, оставленную обособленной группой сарматов, освоивших центральные районы лесостепи и, возможно, известных Клавдию Птолемию под этнонимом "сарматы-гиппофаги"; 3) верхнедонскую, принадлежавшую автохтонным лесостепным племенам, испытавшим сильное воздействие сарматской культуры.

Несколько позже А.М. Обломский открыл на водоразделе Днестра и Дона серию зарубинецких памятников. Им выделена особая восточная группа позднезарубинецких древностей, датируемых второй половиной I—II в. н.э.³ Отличительную особенность ее керамического комплекса составляют горшки, близкие к баночным, и тюльпановидные, а также лошечные реберчатые миски. Аналогии этой посуде А.М. Обломский нашел в публикации керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи⁴. Сходство форм зарубинецкой и донской лепной посуды позволило ему поставить вопрос о контактах восточных зарубинцев с племенами Подонья в первые века нашей эры. По А.М. Обломскому и Т.В. Томашевич, этот контакт сводился к регулярному захвату пленных сарматами, производившими набеги на крайнюю восточную область расселения позднезарубинецких племен.

Рассмотрим источниковую базу статьи А.М. Обломского и Т.В. Томашевич. Прежде всего необходимо обратить внимание на количественные показатели. В верхнедонских могильниках горшки типа I и миски типа II составляют основу керамического комплекса — 67%. Уже одно это заставляет усомниться в интерпретации рассматриваемой керамики как продукции зарубинецких гончаров, попавших в плен к воинственным верхнедонским племенам.

Сравнительный анализ горшков восточного варианта зарубинецкой культуры и горшков типа I Подонья действительно свидетельствует о близости некоторых их форм. И здесь можно согласиться с выводами А.М. Обломского и Т.В. Томашевич. Горшки типа I варианта 1 Подонья (рис. 1, 7) наиболее близки к зарубинецким сосудам типа, приведенного на рис. 1, 3—5 статьи А.М. Обломского и Т.В. Томашевич. Но донские сосуды в своей массе более вытянуты, их тулово более профилировано, дно уже, нежели у восточнозарубинецких. Донские горшки типа I варианта 2 (рис. 1, 9—10) также обнаруживают аналогии среди зарубинецкой керамики (рис. 1, 1, 2 статьи А.М. Обломского, Т.В. Томашевич). Но в отличие от сосудов варианта 1 на Верхнем Дону они встречаются редко, а в могильниках на р. Воронеж вообще неизвестны.

В статье, положившей начало дискуссии, высказана мысль о том, что горшки типа I восходят к среднедонскому керамическому комплексу скифского времени⁵.

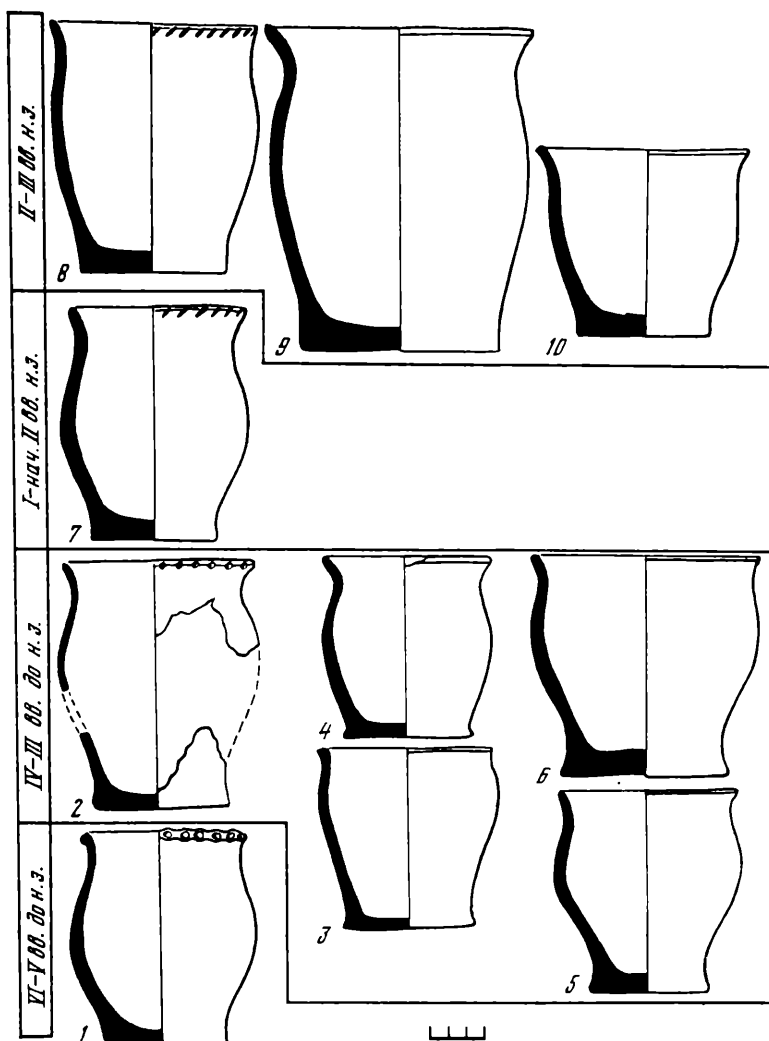

Рис. 1. Эволюция горшков типа I на памятниках лесостепного Подонья

1, 2, 5, 6 — Пекшевское городище. 3, 4 — II Чертовицкое городище; 7 — I Чертовицкий могильник, курган 3/42; 8—10 — Ново-Никольский могильник (8 — курган 31, насыпь; 9 — курган 17, насыпь; 10 — курган 74, погребение)

Сейчас это предположение получило фактическое подтверждение. В результате раскопок широкой площадью Пекшевского городища на р. Воронеж выявлена система хорошо стратифицированных культурных напластований от VII—VI вв. до н.э. до первых веков нашей эры. Получена большая керамическая коллекция, более чем из 6000 единиц сосудов, позволяющая проследить эволюцию основных керамических форм на протяжении всего раннего железного века. На рис. 1 приведена часть типологической таблицы керамики донской лесостепи, показывающей истоки интересных нас типов сосудов.

Ознакомление с керамикой городищ скифского времени Посеймья и Северского Донца позволило выявить керамические типы, близкие среднедонским, в том числе горшки, по форме, размерам и орнаментации аналогичные типу I.

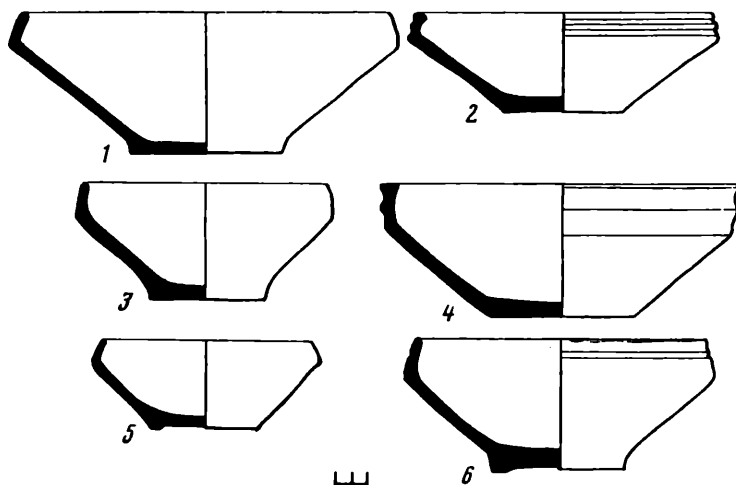

Рис. 2. Лепные острореберные миски из погребений сарматского времени лесостепного Подонья 1—3 — Ново-никольский могильник (1 — Курган 28, погребение; 2 — курган 46, насыпь; 3 — курган 18, погребение 1); 4—5 — Вязовский могильник (4 — курган 37, погребение; 5 — курган 30, насыпь); 6 — I Чертовицкий могильник, курган 18/44, насыпь

Последнее обстоятельство заставляет дать иное объяснение отмеченному А.М. Обломским и Т.В. Томашевич факту сходства указанных керамических форм у восточных зарубинцев и населения донской лесостепи начала нашей эры. Не исключено, что не только в Подонье, но и в междуречье Днепра и Дона мы имеем дело со свидетельствами одной и той же керамической традиции, восходящей к скифскому времени, когда вся эта территория была заселена родственными скифоидными племенами.

Другая группа донской керамики, привлекающая внимание А.М. Обломского, это лепные острореберные миски типа II. Среди них есть несколько сосудов, по форме близких к восточнозарубинецким (рис. 2, 1, 3). Очевидно, это сходство находит объяснение в том, что как первые, так и вторые в конечном итоге восходят к одним гончарным прототипам — античным краснолаковым мискам. По мнению Е.К. Максимова, среднеднепровские зарубинцы познакомились с этой формой керамики в области ольвийской периферии⁶. Вероятно, лепные миски из могильников Подонья также являются дериватами круговых, но не античных краснолаковых, а сероглиняных так называемого нижнедонского или кубанского типа. В первые века нашей эры они были широко распространены у сарматов, в том числе и в лесостепном Подонье⁷. Даже в могильниках на р. Воронеж они количественно преобладают над лепными мисками, причем те и другие встречаются на одних и тех же памятниках. В верхнедонских могильниках II—III вв. н.э. известны уже только лепные экземпляры. В пользу происхождения лепных острореберных мисок от сероглиняных круговых говорят следующие факты. Среди первых встречаются как лощеные, так и без лощения с заглаженной поверхностью, которой при обжиге придавался серый с синеватым оттенком цвет, характерный для круговых сероглиняных мисок. Кроме того, на ряде лепных мисок имеется орнаментация в виде горизонтальных бороздок или желобков, явно имитирующая орнамент на круговой керамике нижнедонского и кубанского производства (рис. 2, 2, 4, 6). И наконец, у некоторых лепных донских мисок имеется невысокий поддон, свойственный гончарной керамике (рис. 2, 5, 6). Причем нужно отметить, что как простые, так и орнаментированные миски, а также миски на поддоне имеют не только близкую форму, но и

одинаковый состав теста. Наблюдается близость тех и других в характере обработки поверхности. Единство технологии изготовления разных вариантов лепных остросереберных мисок может свидетельствовать только о том, что все они принадлежали однородным в этническом отношении группам населения. Все вышеизложенное позволяет рассматривать эту керамику как местный дериват привозной круговой посуды.

Возможно, единством исходных прототипов объясняется и сходство донских остросереберных мисок с зарубинецкими. А.М. Обломский рассматривает остросереберные миски в качестве еще одного специфического показателя восточного варианта зарубинецкой культуры. Однако он не указывает его истоков. Таковыми могли быть те же нижнедонские круговые миски, известные с I—III вв. н.э. не только в погребениях Нижнего и Среднего Дона, но и в бассейне Северского Донца. Может быть, именно этим объясняется широкое распространение остросереберных мисок в зарубинецких памятниках на Северском Донце и их отличие от среднеднепровских, имевших иные керамические прототипы.

Таким образом, рассмотренные типы лепной керамики вряд ли могут рассматриваться в качестве свидетельств регулярных контактов сарматов и сарматизированного донского населения с восточными зарубинцами. Специфически зарубинецких вещей в лесостепном Подонье пока не найдено. То же самое следует сказать о восточнозарубинецких памятниках, где практически неизвестны элементы сарматской культуры. Эта взаимная "невосприимчивость" двух соседних культур требует специального исследования.

¹ Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 6, карта 2.

² Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

³ Обломский А.М. Об этнокультурных процессах в районе водораздела Днепра и Дона в III—V вв. н.э. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986. С. 108.

⁴ Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 95, 96, 100—103.

⁵ Там же. С. 103, 104.

⁶ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 18.

⁷ Медведев А.П. Керамика сарматского времени... С. 94, рис. 2.

Г.Н. КУРОЧКИН

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЕРНУВШЕГОСЯ ХИЩНИКА В ТАГАРСКОМ ИСКУССТВЕ

"Вплоть до выяснения всех обстоятельств, касающихся Минусинского искусства, скифская проблема не может считаться решенной", — писал в 1913 г. Э. Миннз, который обратил внимание на то, что если из скифского искусства исключить поздние инородные элементы, то останется некая оригинальная основа, которая в чистом виде представлена в искусстве племен, живших в бассейне верхнего Енисея¹. Выделяя впервые в 1928 г. минусинские древности скифского облика в особую тагарскую культуру, С.В. Киселев предложил датировать начальный этап тагарской культуры X—VII вв. до н.э.² Позднее ученый изменил свою точку зрения относительно нижней даты тагарской культуры и предложил датировать ее VII—I вв. до н.э.³ К VII в. до н.э. стали относить начало тагарской культуры и другие специалисты — М.П. Грязнов, Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая и др.⁴ Возникновение лесостепного варианта тагарской культуры А.И. Мартынов отнес к еще более позднему времени — середине VI в. до н.э.⁵ Недавно, однако, появились новые материалы, которые дают основание усомниться в подобной датировке начала тагарской культуры. Например, при

раскопках "царского" кургана Аржан в Туве был найден ряд предметов тагарского облика (боевой чекан-клевец, кинжалы нескольких типов, полушаровидные и трехжелобчатые бляшки и т.п.). Эти находки заставили М.П. Грязнова внести определенные коррективы в датировку тагарской культуры; он предложил синхронизировать наиболее ранний выделенный им байновский этап с Аржаном и датировать его VIII в. до н.э.⁶ В настоящее время не все исследователи согласны с выделением байновского этапа тагарской культуры⁷, кроме того, байновские памятники не содержат произведений искусства; те единичные изделия с зооморфными мотивами, которые М.П. Грязнов отнес к байновскому этапу, являются случайными находками. Предметы тагарского облика, найденные в Аржане, в целом нетипичны для Тувы и находят точные соответствия в памятниках подгорновского этапа тагарской культуры (по периодизации М.П. Грязнова). Так, увенчанный кабаном со свисающими ногами кинжал с гардой, "усики" которой завершаются шариками, имеет точное соответствие в раскопанном С.А. Теплоуховым кургане 3 могильнике Подгорное озеро⁸. В могиле 3 кургана 8 подгорновского могильника Знаменка, раскопанного М.Л. Подольским, обнаружены характерные для Аржана массивный чекан и кинжал, верх которого имитирует трехжелобчатую бляшку⁹.

Еще одним основанием для заглубления начальной даты тагарской культуры являются чеканы с головкой хищной птицы между бойком и втулкой. Когда такой чекан, но с железным бойком, был найден в могиле 84 Уйгарака (Приаралье), О.А. Вишневецкая отнесла эту могилу к VI в. до н.э., опираясь на предложенную Н.Л. Членовой датировку аналогичных тагарских чеканов¹⁰. Позднее И.Н. Медведская обратила внимание на то, что набор стрел из могилы 84 характерен для VIII—VII вв. до н.э.¹¹ Новая дата могилы 84 Уйгарака блестяще подтвердилась после публикации материалов погребения скифского воина эпохи переднеазиатских походов в Имирлере (Центральная Анатолия), где комбинированный железно-бронзовый чекан с головкой хищной птицы находился в комплексе с ранним скифским мечом, стремявидными удилами и набором стрел, чуть более поздних, чем найденные в Уйгараке и Гумарово (в Имирлере стрелы все втульчатые)¹². Чеканы с изображением головы хищной птицы под бойком известны и в Восточной Европе (например, на Северном Кавказе, в ананьинской культуре), но они во всех случаях датируются временем после переднеазиатских скифских походов. Имирлерский и уйгаракский экземпляры определенно более ранние, чем восточно-европейские, по сопутствующему инвентарю датируются концом VIII — первой половиной VII в. до н.э., но не характерны для территорий, где найдены (Ближний Восток, Казахстан); там они являются "транзитными" элементами культуры. Вопрос о том, можно ли рассматривать Южную Сибирь и Туву в качестве родины этого специфического оружия, выходит за рамки данной статьи, пока же мы обратим внимание на то, что в Имирлере и Уйгараке вместе с чеканами найдены втоки, служившие для предохранения деревянной рукояти чекана от расщепления. Наличие таких втоков характерно именно для тагарских чеканов. После обнаружения чекана с головой хищной птицы в Имирлере и уточнения даты могилы 84 Уйгарака наиболее мотивированная дата аналогичных раннетагарских чеканов — VIII — первая половина VII в. до н.э.

К выводу о более ранней начальной дате тагарской культуры приводит и более внимательное, с привлечением новых материалов, рассмотрение генезиса отдельных сюжетов в раннетагарском искусстве, например изображений свернувшегося в кольцо хищника. Фигуре свернувшегося хищного зверя — одного из наиболее характерных и распространенных сюжетов в скифском искусстве — посвящена довольно большая литература¹³. В тагарском искусстве этот сюжет исследовался С.В. Киселевым, Н.Л. Членовой, М.П. Завитухиной, однако это специалисты оперировали почти исключительно материалом из

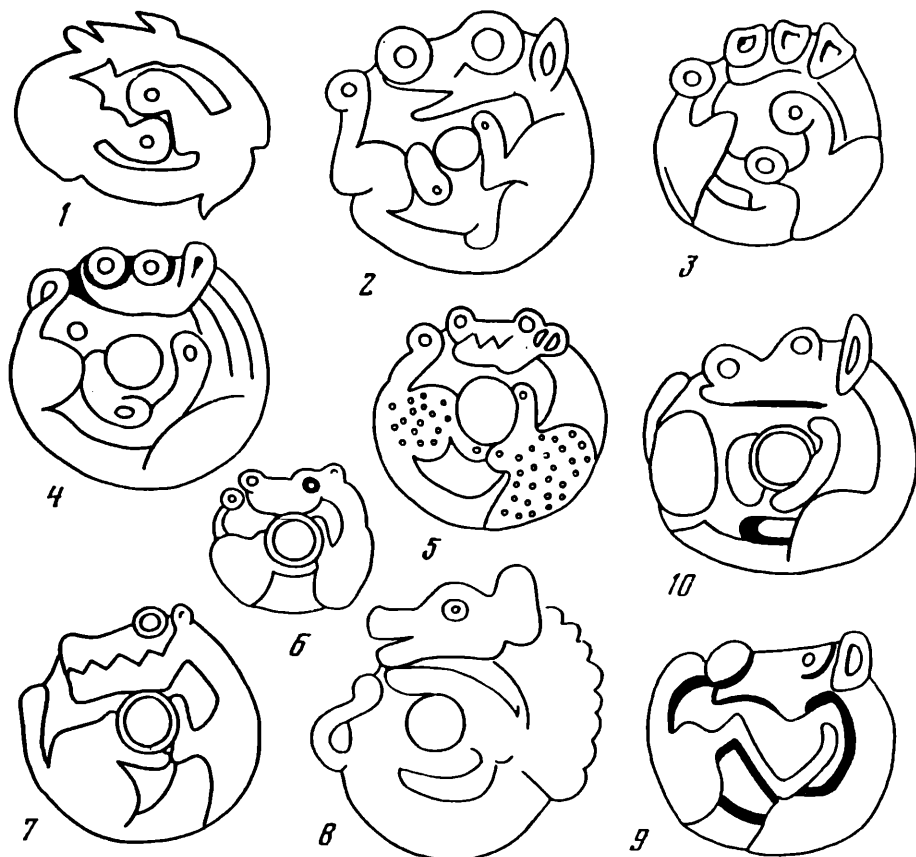

Рис. 1. Изображения свернувшегося хищника в тагарских погребениях

1 — Колок; 2 — Ягуня; 3, 4 — Ашпыл; 5 — Туран II; 6, 7 — Тигей; 8 — Сопки; 9, 10 — Тагарское озеро

случайных находок¹⁴. В настоящее время имеется довольно представительная серия изображений свернувшегося зверя из погребальных памятников тагарской культуры, что дает возможность сделать определенные заключения об эволюции этого образа в тагарском искусстве и соотношении его с аналогичными изображениями в других районах скифского мира.

Приводим сводку изображений свернувшегося хищника, найденных в тагарских погребениях (порядковый номер соответствует номеру на рис. 1).

1. Могильник Колок, кург. 3, мог. 3. Насыпь высотой 2,5 м. Могила ограблена, все вещи и кости в заполнении. В срубе размером 2,6×2,6 м погребены последовательно через вход взрослая женщина и двое детей. Фигура свернувшегося хищника вырезана из золотого листа и представляет аппликацию, нашивавшуюся на одежду¹⁵. В могиле найдены также большая серия вырезанных из золотого листа изображений животных; кошачьих хищников, кабанов; геометрические накладки из золотой фольги, в том числе тузгинского типа в виде "бегущей волны"; бронзовый олень.

2. Могильник Ягуня, кург. 11, мог. 1. Высота насыпи 1,1 м. Могила размером 2,8×2,2 м не ограблена. Погребены трое мужчин в ряд на спине, головой на юго-запад, в ногах у них мальчик. У локтя погребенного А — бронзовая бляшка с изображением свернувшегося в кольцо хищника¹⁶, а также

боевой чекан, бронзовое зеркало диаметром 9 см, 2 ножа, коромыслообразный предмет с головками коней на концах, 5 стрел. Примерно такие же наборы вещей (за исключением бляшки с изображением свернувшегося зверя) имеются у остальных погребенных.

3. Могильник Ашпыл, могила 44 (без ограды и насыпи). Размеры могилы 2,3×2 м. В могиле обнаружены кости мужчины и женщины. Бронзовая бляшка с изображением свернувшегося хищника найдена в области таза мужчины¹⁷. В могиле также найдены большой баночный сосуд и мисочка из дна сосуда, а также полусферические бляшки диаметром 1,5—2,5 см.

4. Могильник Ашпыл, кург. 23. Бронзовая бляшка с изображением свернувшегося хищника зафиксирована на древней дневной поверхности между могилами 1 и 2¹⁸. Бляшка предположительно выброшена из ограбленной могилы 2, где найдены кости 8 человек (пожилых мужчины и женщины, молодых мужчины и женщины, подростков и детей). В могиле обнаружены два баночных сосуда разных размеров, бронзовые полусферические бляшки, трубочки-пронизки и биконические бусы.

В могиле 3 кургана 25 могильника Ашпыл, где погребено 5 человек, найдена еще одна бронзовая бляшка с изображением свернувшегося зверя, плохо проработанная или заношенная, на которой прослеживаются только отдельные детали.

5. Могильник Туран II, кург. 5, мог. 2. Насыпи практически нет. В могиле 7 погребенных. Скелет 1 в скорченном положении. Местонахождение бляшки с изображением свернувшегося хищника (судя по пятнам барса) неизвестно¹⁹. В этой же могиле, согласно полевому отчету А.Д. Грача, имелось несколько баночных сосудов с венчиком, загнутым внутрь, 2 позднекарасукских сосуда, а также три ножа, два шила, две костяных стрелки, имитация раковины каури.

6—7. Могильник Тигей, кург. 1. Высота насыпи 2,5 м. Большая ограда размером 30×28 м с 10 вертикальными камнями. В ограбленной камере со срубом 3,3 × 2,8 м разбросаны кости мужчины 30—40 лет. В заполнении обнаружены две бронзовые бляшки с изображением свернувшегося животного²⁰, 2 "навершия" полусферической формы, 2 полусферические бляшки, 2 фрагмента золотой фольги, 2 больших баночных сосуда с горизонтальными желобками под венчиком.

8. Могильник Сопки, кург. 6. Насыпь до 0,5 м. В могиле 2,2 × 2,2 м — трое погребенных, третий в ногах у первых двух. Бляшка с изображением свернувшегося хищника лежала у таза одного из погребенных, здесь же найден кинжал, два костяных наконечника стрел, фрагменты керамики²¹.

9. Могильник Тагарское озеро, кург. 32, мог. 1. Насыпь высотой 2,5 м. В срубе 3 × 2 м установлено непотревоженное захоронение мужчины головой на восток, на спине. В головах баночный сосуд. На груди две полусферические бляшки диаметром 3 см с золотой обкладкой: у таза бронзовое зеркало диаметром 9 см, пластины из золотой фольги. Между бедер бронзовый кинжал с вкладышем-шилом в рукояти (шляпка шила в виде свернувшегося хищника), рядом нож. У пояса крупный (длиной 24 см) коромыслообразный предмет с конскими головками на концах — так называемый предмет неизвестного назначения. Рядом с костяком крупный бронзовый чекан с головой хищной птицы под бойком²².

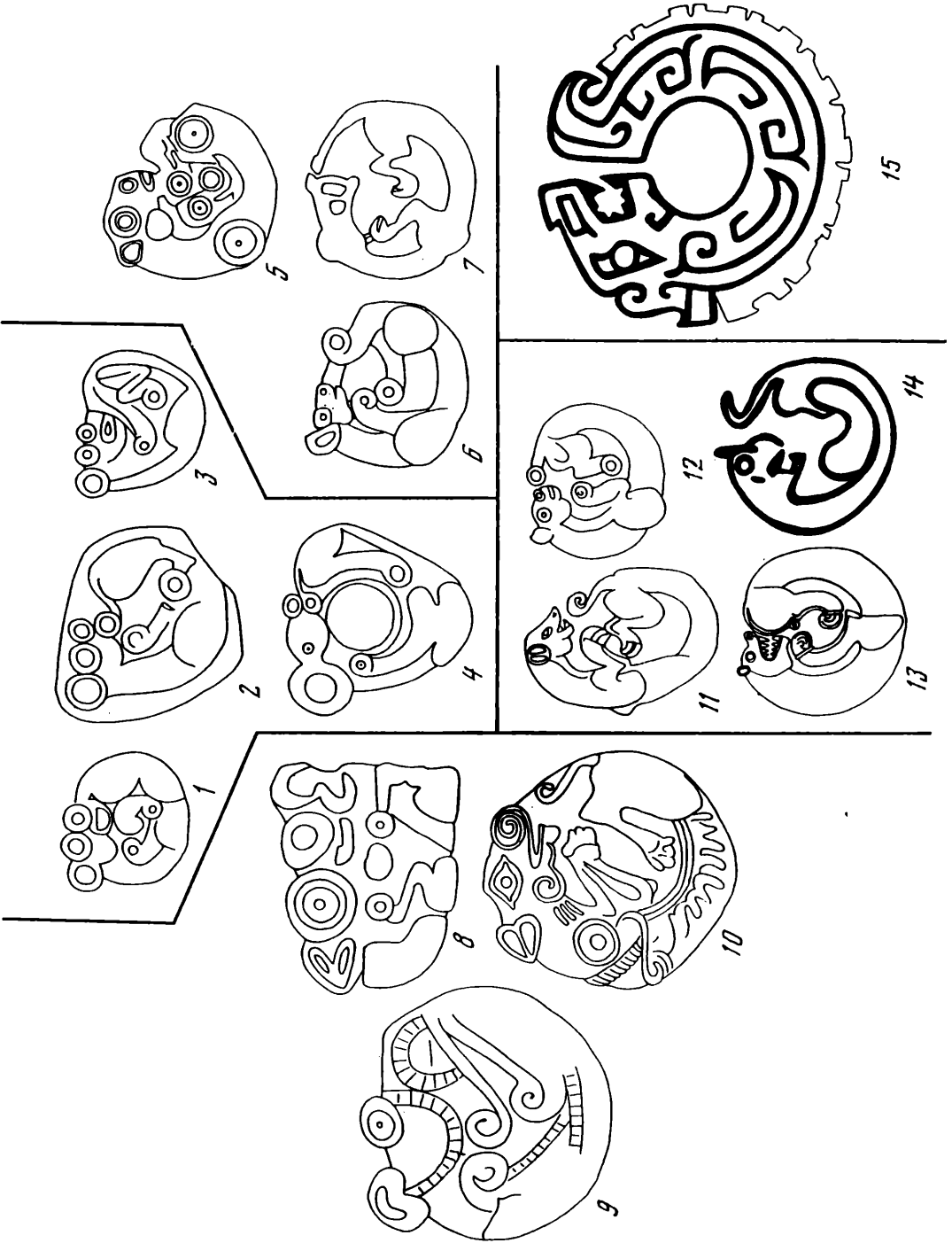
10. Могильник Тагарское озеро, кург. 33. Высота насыпи 2 м, ограда 17 × 17 м. В камере размером 4×3 м — нетронутый костяк мужчины, лежавшего на спине. В головах большой баночный сосуд с горизонтальными желобками под венчиком. У черепа 4 бронзовых полушаровидных бляшки диаметром 2,5 см, бронзовая проволоочная серьга с золотой конической привеской. У пояса предмет неизвестного назначения без конских головок, крупный чекан с головой хищной птицы между бойком и втулкой, остатки колчана с 28 стрелами (13 трехперых

бронзовых и 15 костяных стрел). У запястья бронзовое зеркало диаметром 9,5 см. На ногах пластинчатые бронзовые браслеты. У таза кинжал с вкладышем-шилом в рукояти с навершием в виде кабана, рядом бляха с изображением свернувшегося хищника²³.

Бляшка с изображением свернувшегося животного была найдена в 1972 г. Ю.И. Трифоновым в могильнике Летник VI²⁴, однако дальнейшая судьба ее неизвестна, не сохранилось и изображений этой бляхи. Отчет Ю.И. Трифонова в архиве ЛОИА не полный, местонахождение коллекции вещей из Летника VI неизвестно, сам Ю.И. Трифонов в 1989 г. скоропостижно скончался.

Четыре из десяти приведенных на рис. 1 изображений происходят из северных лесостепных районов (Ягуня, Сопки, Ашпыл), остальные найдены на юге, в Хакасии. Наиболее поздним, согласно существующей периодизации тагарской культуры, является изображение свернувшегося хищника из Колока, по сопутствующим вещам оно относится к так называемому сарагащенскому этапу тагарской культуры. Этот выделенный М.П. Грязновым этап был датирован им IV—III вв. до н.э. произвольно и, к сожалению, указанная датировка была воспринята многими тагароведами некритически. В Колоке изображение свернувшегося хищного зверя находилось в комплексе с бляхой в виде "летающего" оленя. Подобное сочетание летящего оленя и свернувшейся "пантеры" в скифском искусстве встречается чрезвычайно редко и имеет вполне определенную датировку. Оно засвидетельствовано в кургане 5 могильника Чиликты в Восточном Казахстане, Зивийе, Келермесе и Дарьевке, иногда такое сочетание встречено на некоторых оленных камнях Центральной Азии. Наиболее поздним и самым западным из указанных местонахождений является Дарьевка на Украине, которая датируется рубежом VII—VI вв. до н.э.²⁵ Остальные памятники относятся к VII в. до н.э. Колок нельзя датировать с существенным отрывом от указанной группы памятников. Здесь найдены редкие золотые накладки в форме "бегающей волны", аналоги которых имеются только в Тузактинских курганах середины VI в. до н.э.²⁶ Датировка Колока временем не позднее VI в. до н.э. подтвердилась и после раскопок автором синхронного Колоку по вещам и наиболее богатого из известных погребений тагарской знати Большого Полтаковского кургана (раскопки 1988 г.), который дал многочисленные надежные привязки к хорошо датированным памятникам в диапазоне между концом VII и рубежом VI—V вв. до н.э.

Наиболее же ранними по сопутствующим вещам в приведенной серии являются изображения свернувшихся животных в курганах 32 и 33 у Тагарского озера. Здесь были найдены раннетагарские массивные чеканы с головкой хищной птицы под бойком, о возможной датировке которых VIII — первой половиной VII в. до н.э. речь шла выше; архаического облика предмет неизвестного назначения, наиболее близкая аналогия которому имеется в переходном тагаро-карасукском погребении из Райкова улуса²⁷. Изображения из могильника Тагарское озеро имеют наиболее реалистическую во всей серии моделировку хвоста, лап, морды. У хищника из кург. 33 курносый нос, как у хищника из Аржана (рис. 2, 13). Чуть более поздними по типологии (и по сопутствующим элементам культуры) являются бляшки из Турана II и Тигея; интересно ухо с перемычкой у туранского экземпляра, напоминающее ухо хищника в Майэмире (рис. 2, 11). Еще более поздней является бляшка из Ягуня, найденная в комплексе с уменьшенными чеканами, которые по разработанной для тагарской культуры типологии являются более поздними, чем открытые в погребениях у Тагарского озера. Хищник из Ягуня имеет глаз в виде двойного кольца, гипертрофированную ноздрю, кольчатое окончание хвоста. Бляшки из Ашпыла, обнаруженные в комплексе с уменьшенными полушаровидными бляшками, переходной подгорновско-сарагащенской керамикой, по коль-

чатым окончаниям лап типологически близки к наиболее позднему изображению хищника из кург. 3 Колока.

Полученную эволюционную цепочку интересно сопоставить с изображениями свернувшегося хищника в других частях скифского мира. В Северном Причерноморье такие изображения появляются внезапно и с самого начала имеют геометризованную моделировку отдельных деталей (глаза, уши, ноздри, окончания лап и хвоста в виде кружков на экземплярах из Темир-горы и Келермеса — рис. 2, 1—4). Несколько более ранняя бляшка из Большого Ставропольского (Краснознаменского) кургана имеет приостренное (листовидное) ухо²⁸. Самые ранние в европейской Скифии изображения свернувшегося хищника типологически близки (по кольчатым окончаниям лап, расположению ноздри, глаза и уха на одной линии) к наиболее поздним тагарским изображениям хищника из Ашпыла и в меньшей степени к изображениям из Колока.

Переднеазиатские изображения свернувшегося хищника эпохи скифских походов можно выстроить в определенную хронологическую и типологическую цепочку (рис. 2, 8—10). Наиболее ранним является известное изображение из Зивийе (первая половина VII в. до н.э.), наиболее реалистическое изображение в переднеазиатской серии (рис. 2, 10). Изготовленную в более условной манере костяную бляху, найденную в районе так называемого мидийского базара в Сардах, датируют 650—630 гг. до н.э.²⁹ (рис. 2, 9). К концу VII или рубежу VII—VI вв. до н.э. относится костяной наконечник ножен из Кармир-Блур с изображением свернувшегося хищника, который близок по стилю к наиболее ранним восточноевропейским образцам (рис. 2, 8)³⁰. Самое раннее в переднеазиатской серии изображение свернувшегося зверя из Зивийе близко по очертаниям морды к экземплярам из Майэмира (рис. 2, 11) и Ягуня (рис. 1, 2). Перемычка в ухе сближает экземпляр из Зивийе с фигурами из Турана II и Майэмира. Имеющие наибольшую близость к изображению из Зивийе бляшки из Турана II и Ягуня не принадлежат к числу наиболее ранних в тагарской культуре. Самые ранние и реалистические в тагарской серии изображения свернувшегося хищника из могильника Тагарское озеро типологически предшествуют и переднеазиатским, и причерноморским, и казахстанским (рис. 2, 5—7) и могут быть датированы VIII — началом VII в. до н.э. Такая датировка подтверждается находкой в могиле 101 в Наньшаньгэнь (Китай) кинжала, на рукояти которого изображены стоящие олени аржанского типа и свернувшиеся хищники³¹. Могила 101 по комплексу вещей датируется концом Западного Чжоу или началом Чуньюю, т.е. VIII — началом VII в. до н.э.³² К. Йеттмар, Х. Хюттель уже писали о возможном происхождении мотива свернувшегося хищника из Китая³³. В раскопанной в 1976 г. могиле Фу Хао в Аньяне, которая датируется последними веками II тысячелетия до н.э., найдены украшения из яшмы с изображением "дракона", кусающего себя за хвост (рис. 2, 15)³⁴. Центральноазиатские фигуры свернувшегося зверя в Аржане и на оленных камнях из Монголии и Саяно-Алтая всегда изображаются в похожей манере — с открытой зубастой пастью.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что мотив свернувшегося хищника сформировался у кочевников Центральной Азии под влиянием китайского искусства и лишь позднее, наряду с другими исходными для скифского искусства "нуклеарными" сюжетами (скребушый и изогнувшийся хищник, стоящий и лежащий олень, кабан "на цыпочках" или в позе "внезапной

←
Рис. 2. Примерная схема развития образа свернувшегося хищника в скифском искусстве
1—3 — Келермес; 4 — Темир-гора; 5 — Чиликты; 6 — Уйгарак; 7 — Бес-Оба; 8 — Кармир-Блур;
9 — Сарды; 10 — Зивийе; 11, 12 — Майэмир; 13 — Аржан; 14 — Монголия; 15 — Китай, Аньян

остановки”, голова хищной птицы и некоторые другие) проник в более западные районы скифского мира, будучи привнесен одним из компонентов будущего евроскифского этноса, вероятно, “царскими скифами”³⁵.

- ¹ *Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. С. 221, 261.*
- ² *Киселев С.В. Тагарская культура // ТСА РАНИОН. М., 1929. Т. II. С. 259 и табл. на с. 264.*
- ³ *Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 250, 251.*
- ⁴ *История Сибири. Л., 1968. Т. I. С. 187 и след.; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 4; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 101.*
- ⁵ *Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 74 и след.*
- ⁶ *Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирской культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 10.*
- ⁷ *Кызыласов Л.П. Итоги и задачи изучения тагарской эпохи // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 8.*
- ⁸ *Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее (скифская эпоха). Л., 1983. С. 116, рис. 51.*
- ⁹ *Материал не опубликован, хранится в помещениях Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА. См. также: Подольский М.Л., Кузьмин Н.Ю. и др. Раскопки тагарских курганов на территории Знаменской оросительной системы // АО 1977 г. М., 1978. С. 270.*
- ¹⁰ *Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. М., 1973. С. 92, табл. XX.*
- ¹¹ *Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 84, 89. Такой же набор стрел найден в Гумаровском кургане, который автор раскопок относит ко времени не позднее начала VII в. до н.э. Исмаилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблемы происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 45.*
- ¹² *Kossak G. Von Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Bayer. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl. Abh. N.F. München, 1987. H. 98. S. 68. Abb. 26.*
- ¹³ *Черникова С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. С. 59—61; Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 72 и след.; Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1; Сорокин С.С. Свернувшийся зверь из Зивьяе // СГЭ. 1972. Вып. 34; Засецкая И.П. Бронзовые бляшки с изображением свернувшегося в круг хищника из савроматского погребения // СГЭ. 1979. Вып. 44; Баркова Л.Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. 1983. Вып. 24; Чежи-*
- на Е.Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. 1984. Вып. 25; Арбамова Л.И. Образ кошачьего хищника в искусстве Евразии скифо-сарматского времени // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 89—91; Черемисин Д.В. К вопросу о происхождении мотива свернувшегося в кольцо хищника: (Изображения на оленных камнях) // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 150—152.*
- ¹⁴ *Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. С. 142; Членова Н.Л. Происхождение... С. 118, 119, 159, 160; Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее... С. 71, рис. 188—190.*
- ¹⁵ *Пшеницына М.Н., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 64, рис. 5.*
- ¹⁶ *Мартынов А.И. Ягуня. Кемерово, 1973. Табл. 31, 7.*
- ¹⁷ *Гулытов С.Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. Рис. 3.*
- ¹⁸ *Там же. Рис. 2.*
- ¹⁹ *Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее... С. 157, рис. 189.*
- ²⁰ *Паульс Е.Д., Подольский М.Л., Седых В.Н. Большой тагарский курган около ст. Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 141, рис. 5.*
- ²¹ *Благодарю А.В. Субботина за возможность использовать неопубликованный материал из его раскопок 1985 г.*
- ²² *Раскопки А.В. Адрианова // ОАК. 1894. С. 116. У Н.Л. Членовой (“Происхождение...” (Табл. 7, 9) чекан неправильно обозначен как происходящий из кург. 33.*
- ²³ *Раскопки А.В. Адрианова. С. 116, 117.*
- ²⁴ *Вадецкая Э.Б. Археологические памятники... С. 115.*
- ²⁵ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 234.*
- ²⁶ *Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 155, рис. 97.*
- ²⁷ *Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. 1971. № 182. Табл. 51, 21.*
- ²⁸ *Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 47, рис. 31.*
- ²⁹ *Haufmann G.M.A., Detweiler A.H. Sardis through the ages // Archaeology. 1966. Vol. 19, N 2. P. 91, fig. 2.*
- ³⁰ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н.э. С. 35.*
- ³¹ *Каогу созбао. 1973. № 2. С. 101, рис. 3.*

Благодарю А.А. Ковалева, обратившего мое внимание на этот комплекс.

³² Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая (эпоха поздней бронзы). Новосибирск, 1988. С. 89.

³³ Kossak G. Von Anfängen... С. 31.

³⁴ Studies of Shang archaeology. N.Y.; Heidelberg, 1986. Fig. 46, 2.

³⁵ Курочкина Г.Н. Ранние этапы формирования скифского искусства: (Новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели) // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 102—119.

И.Ю. ШАУБ

ПАРИС НА БОСПОРЕ

На примере изучения образа Европы — самого популярного мифологического персонажа на греческих сосудах, обнаруженных в тризнах боспорских курганов, — мы уже показывали, какие богатые возможности имеются для исследования религиозных представлений населения Боспора при анализе семантики изображений на предметах погребального инвентаря. В свою очередь, выводы, сделанные на периферийном, боспорском материале, могут служить для прояснения сути некоторых образов античной мифологии. В данной статье мы постараемся доказать справедливость этого утверждения, обратившись к Парису, важному персонажу троянского цикла мифов, изображения которого неоднократно встречаются на предметах, найденных в боспорских курганах IV в. до н.э.

Рассмотреть этот образ пристальнее побуждает и устойчивое мнение, согласно которому "все попытки причислить Париса к мифологическим образам потерпели неудачу... Он — просто сказочный принц"¹. Это мнение Э. Вюста, насколько нам известно, никто не оспаривал².

На Боспоре Парис появлялся в IV в. до н.э. на предметах аттического художественного ремесла, обнаруженных в пантикапейских курганах. Это — знаменитое изображение суда Париса на пластинах слоновой кости³, украшавших саркофаг из Куль-Обского кургана⁴, изображение той же сцены на одной "боспорской пелике" (эти пелики, как известно, являлись в IV в. важнейшими предметами погребального инвентаря боспорских гробниц)⁵, а также интереснейший комплекс тризны⁶, в которой были использованы три роскошных сосуда: огромный кратер⁷, гидрия⁸ и лекиф⁹ — все с изображениями Париса: суд Париса представлен на кратере, соблазнение им Елены — на гидрии и ее похищение — на лекифе.

Итак, Парис представлен на предметах, либо специально предназначенных для погребальных целей (саркофаг, пелика), либо на сосудах, использованных в культе мертвых (вазы из тризны). Это позволяет с уверенностью говорить о семантической нагрузке рассматриваемого образа.

Возможно, определенную роль в появлении Париса на Боспоре сыграли его иконография варвара и характернейшая черта, которой наделил его эпос — отличного лучника, что могло импонировать эллинизированным варварам, для погребения и поминовения которых использовались предметы с его изображениями.

Еще более важную роль могла играть мифологическая связь Париса с Афродитой, Аполлоном и Дионисом — основными богами пантеона боспорян¹⁰. Так, Афродита выступает не только постоянной покровительницей Париса, но у поздних авторов — его возлюбленной¹¹. О том, что данный факт никоим образом не является измышлением этих авторов, свидетельствует не только образ Елены — мифологического дублета Афродиты¹², но и иконография Елены на вышеуказанных гидрии и лекифе, где она представлена в виде

Афродиты. (На рисунке гидрии Елена изображена сидящей в роскошном калафе на троне, причем верхняя часть ее тела обнажена; роспись лекифа изображает ее в колеснице Париса практически совершенно нагой. Подобная трактовка не характерна для эпической Елены¹³, но типична для Афродиты¹⁴.)

На связь Париса с Аполлоном указывает не только литературная традиция, согласно которой троянский герой считался учеником бога в стрельбе из лука и его возлюбленным, но, возможно, и изображение на обратной стороне вышеупомянутого кратера, где представлена встреча Аполлона и Диониса в окружении дионисийского фиаса на фоне аполлинических символов¹⁵. Эта интереснейшая сцена, являющаяся одним из свидетельств слияния в IV в. до н.э. представлений об Аполлоне и Дионисе¹⁶, может служить дополнительным аргументом в пользу старой гипотезы М. Майера о связи Париса с вакхическим циклом¹⁷. Об этой же связи говорит, на наш взгляд, и изображение Париса на фреске Полигнота в леске кидян, известное нам по сообщению Павсания. Описывая обитателей Аида, изображенных великим живописцем, Павсаний упоминает и Париса, "хлопающего руками по-деревенски" для привлечения внимания Пентесилеи¹⁸. Б. Швайцер¹⁹ убедительно показал, что Павсаний или его эллинистический источник в данном случае неверно понял изображение Полигнота, в действительности представившего Париса танцующим восточный танец окласма, отличительной чертой которого являлись хлопки в ладоши.

Опираясь на остроумную гипотезу Л. Курциуса²⁰, предположившего, что главным персонажем ряда аттических вазовых рисунков конца V в. до н.э., среди которых выделяются танцоры окласмы, является Сабазий, мы связываем многочисленные изображения подобных танцоров, запечатленные в терракотах, на рельефных сосудах и на золотых бляшках из боспорских гробниц, с культом Сабазия или фракийского Диониса (резкой грани между этими божествами фракийские и малоазийские культы не дают, а некоторые античные источники прямо указывают, что Сабазий — это фракийский Дионис)²¹. Сабазий в верованиях мистов давал надежду на вечную загробную жизнь²², поэтому неудивительно, что изображения танцоров его культа помещались в могилы.

Поскольку некоторые терракотовые статуэтки и рельефные сосуды, изображающие танцоров окласмы, иконографически ничем не отличаются от изображений Париса (те же восточные одежды, включая и фригийский колпак, отсутствие бороды), можно предположить, что в ряде случаев представлен именно он²³.

Учитывая популярность образа Париса не только на боспорских, но также и на южноиталийских²⁴ и этрусских²⁵ погребальных памятниках, можно предположить, что связь Париса с потусторонним миром была обусловлена некими древними представлениями о нем, как о боге-губителе, божестве смерти.

В пользу этой гипотезы можно привести следующие аргументы.

У Гомера Парис выступает как смертоносный лучник, аналог стреловержца Аполлона. В этом качестве ему как нельзя лучше подходит обращение *Δῦδλαρις* "несчастный (в значении "приносящий несчастье") Парис"²⁶, которому соответствует у Еврипида *αἰνόλαρις* "страшный Парис"²⁷. Не исключено, что можно эвфемистически трактовать и второе греческое имя Париса — Александр, т.е. "защитник мужей".

Мать Париса именуется Гекуба или Гекаба, которая является не чем иным, как троянской ипостасью хтонической Артемиды-Гекаты²⁸; сестру Париса зовут Поликсена (это имя — эпитет Гадеса)²⁹.

Историю похищения Парисом Елены можно сравнить с мифом о похищении Кору-Персефоны Плутоном. На это сходство указывают как детали изображений обоих событий (четверка коней, колесница и проч.), так и несомненная родствен-

ность женских персонажей. В Елене прослеживаются не только явственные черты эгийского божества растительности³⁰, но и царицы смерти, каковой она выступает на острове Левка, в качестве супруги Ахилла³¹, древнего бога мертвых³².

Наконец едва ли случайным является и тот факт, что в соответствии с пророчеством Гектора, стрела Париса поразила Ахилла в воротах³³, поскольку связь с ними — характерная черта бога мертвых (ср. эпитет Гаде-са Πύλαρτης)³⁴.

В свете вышеприведенных данных многозначительной выглядит и одна из главных функций Париса — пастушеская, функция, семантически тесно связанная с представлениями о целом ряде (прежде всего индоевропейских) богов потустороннего мира³⁵.

Можно было бы привести еще ряд соображений в пользу нашей гипотезы, однако и сказанного, кажется, достаточно, чтобы серьезно усомниться в том, что Парис — это "просто сказочный принц".

Итак, все изложенные выше факты, гипотезы и предположения позволяют сделать вывод о том, что Парис в религиозно-мифологических представлениях боспорян был тесно связан с загробным миром. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что в образе этого эпического героя еще долго сохранялись черты древнего (фригийского?)³⁶ божества смерти.

¹ Wüst E. Paris // RE. 1949. Bd. 18. Sp. 1489.

² См., напр.: Hampe R. Alexandros // LIMC. 1984. Bd. 1; Geissau H. von. Paris // Klp. 1972. Bd. IV.

³ См.: Передольская А.А. Слоновая кость из кургана Куль-Оба // ТОАМ. Л., 1945. Т. 1. Табл. II—III.

⁴ Похоже, что на узкой стороне саркофага была представлена и другая сцена с участием Париса, быть может, соблазнение Елены (см.: Передольская А.А. Слоновая кость... С. 75).

⁵ См., напр.: Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19.

⁶ ОАК за 1860 г. СПб., 1862 г. С. 4.

⁷ ОАК за 1861 г. СПб., 1863. Табл. III.

⁸ Там же. С. 3. и след., табл. V, 1, 2.

⁹ Там же. Табл. V, 3, 4.

¹⁰ См.: Шайб И.Ю. Культы и религиозные представления населения Боспора VI—IV вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

¹¹ Напр.: Prop. III, 30, 37.

¹² Елена очень напоминает Арнаду (*Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1967. Bd. 1. S. 315*), которая идентифицировалась с Афродитой (*Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. S. 238, 244*).

¹³ См., напр.: Engelmann R. Helena // ML. 1890. Bd. 1.

¹⁴ См.: Delivorrias A. Aphrodite // LIMC. 1984. Bd. 2.

¹⁵ ОАК за 1861 г. Табл. IV.

¹⁶ Шайб И.Ю. О синкретизме Аполлона и Диони-

са на Боспоре в IV в. до н.э. // Проблемы исследований античных городов: Тезисы. М., 1989. С. 128, 129.

¹⁷ См.: Turk I. Paris // ML. 1902. Bd. 3. Sp. 1581.

¹⁸ Paus. X, 31, 8.

¹⁹ Schweitzer B. Der Paris des Polygnot // Hermes. 1936. Bd. 71.

²⁰ Curtius L. Sardanapal // JDI. 1928. Bd. 43. S. 281 f.

²¹ Напр.: Schol. Aristoph. Vesp. 9; Orph. h. 48.

²² Ростоцкий М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 431.

²³ Напр.: ДБК. Табл. 70а, 7; ОАК за 1859 г. СПб., 1862. Табл. III, 1.

²⁴ Türk I. Paris. Sp. 1616 f.

²⁵ Ibid. P. 1627 etc.

²⁶ Hom. Il. III 39; XIII 769.

²⁷ Eurip. Hek. 944.

²⁸ Geissau H. Hekate // KLP. 1965. Bd. 2. Sp. 975.

²⁹ Dorrie H. Polyxenos // KLP. 1972. Bd. 4. Sp. 1014; ср.: Volkmann H. Polyxene // KLP. 1972. Bd. 4. Sp. 1013.

³⁰ Nilsson M.P. Geschichte... S. 315.

³¹ Paus. III, 19, 13.

³² Хоммель Х. Ахилл — бог // ВДИ. 1981. № 1.

³³ Apollod. epit. V. 3.

³⁴ Gruppe O. Griechische... S. 400.

³⁵ См., напр.: Топоров В.Н. Пастух // Мифы народов мира. М., 19. Т. 2. С. 292.

³⁶ Возможно, от имени Париса происходит название фригийского города Парнон (см.: Wüst E. Paris. Sp. 1486).

ПУБЛИКАЦИИ

А.П. АБРАМОВ, А.А. МАСЛЕННИКОВ, В.Н. РОЗОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

РУБЕЖА V—IV вв. до н.э.

С ГОРОДИЩА НА МЫСЕ ЗЮК

В 1984 г. на мысе Зюк в 35—40 м к югу от вала городища, на пологом склоне холма, поднимавшегося в центре мыса, у края ложбины раскопано пять хозяйственных ям. Они, как и еще несколько неисследованных тянутся цепочкой с севера на юг и заметны на поверхности земли в виде неглубоких овальных впадин. Все ямы вырыты в материковом суглинке и щебне. Их горловины имели размеры: 1,8—2,3×1,6—1,8 м. Стенки, плавно расширяясь, закругляются к доньям, диаметры которых несколько больше горловин. Глубина ям от 0,8 до 1,45 м. Заполнение неоднородно. Сверху примерно до половины — это серый, рыхлый, золистый грунт с обломками амфор, простой тонкостенной и немногочисленной чернолаковой посуды, с большим числом фрагментов лепной керамики, а также с кусками печины, костями птиц и овец. Затем во всех ямах прослежен довольно тонкий (0,04—0,06 м) слой пепла и ниже до дна — желтый, рыхлый, местами желтовато-серый суглинок с аналогичными находками. У дна преобладают крупные обломки амфор и больших лепных горшков. По-видимому, после сильного пожара, следы которого, кстати, отмечены и на городище, ямы были заброшены и засыпаны мусорным грунтом, взятым, скорее всего, тут же на городище при восстановительных работах. Следы пребывания в огне имеются на многих обломках керамики. В верхнем горизонте заполнения большая фрагментарность находок и их несколько более широкая датировка. Эти отклонения незначительны, но для точности хронологии нами будет рассмотрена керамика, происходящая из заполнения ям до пожара.

Амфоры. Судя по ножкам, в ямах представлены обломки не менее 30 экз. Нам известны комплексы амфор конца V в. до н.э. из Ольвии, из ряда скифских курганов, с территории Болгарии¹. Они включали поздние варианты амфор хиосских пухлогорлых и ранние типы прямогорлых, несколько ранних типов фасосской керамической тары, не несущей клейм, а также амфоры Менды и Лесбоса, встречающиеся в меньшем количестве. В наиболее поздних комплексах появляются ранние гераклейские амфоры.

Фрагменты и почти целые сосуды Фасоса из ям принадлежат к двум типам. Первый из них был выделен еще И.Б. Зеест, а затем типологически и хронологически определен И.В. Брагинским². Соотношение диаметра к высоте сосуда в пределах 0,403—0,485. Клейма, несмотря на значительное число находок целых экземпляров, никогда не встречаются. Диаметр корпуса 28—32,5 см, что всегда превышает высоту верхней части амфоры. Представление о типе дает почти целый экземпляр, найденный в яме 2 (рис. 1, 15). В этой же яме встречены и более мелкие фрагменты (рис. 1, 5). Венчики в разрезе имеют трапециевидную форму высотой более 2 см и шириной 1,8—1,9 см. Характерным признаком являются большие по сравнению с позднейшими экземплярами параметры венчика и вогнутая внешняя образующая. Ручки —

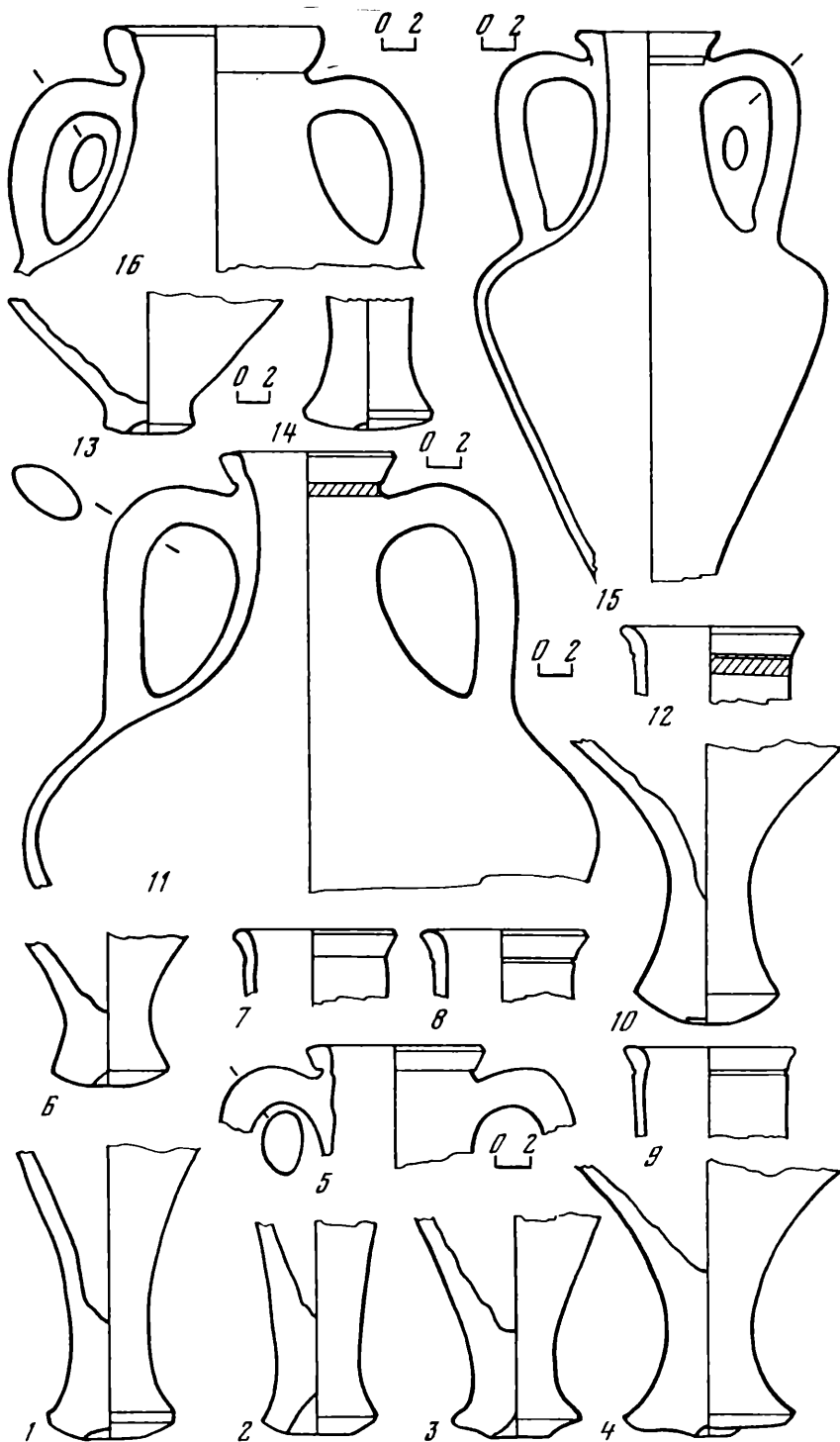

Рис. 1. Амфоры Фасоса, Меиды и неизвестных центров (из ям с мыса Зюк)

овальные в сечении — расположены наклонно относительно горла, крепятся в верхней части непосредственно под венчиком или прилепляются на нижнюю часть валика. Корпус имеет наибольшее расширение в верхней части. Ножки, напоминающие "рюмкообразные", отличаются от них характером глины. Основание: 7,5—7,8 см с вертикальным или скошенным пояском по наиболее расширенной части (рис. 1, 1, 14). Высота ножки 6,7 см (рис. 1, 1), что резко отличает данные сосуды от более поздних. Кроме вышеперечисленных, комплексов, фасосские амфоры данного типа встречены в кургане 73 (погр. 2, 1976 г.) Елизаветовского могильника³.

От уже описанного отличается большим диаметром корпуса еще 1 вариант фасосских амфор (рис. 1, 11) с венчиком, в разрезе приближающимся к прямоугольному, с ручками, поставленными вертикально, нижний "корень" которых располагается на сравнительно большом удалении от плеч сосуда. Подобная форма находит ближайшую аналогию в комплексе второй половины V в. до н.э. из Истрии⁴. У нашего экземпляра под венчиком проходит полоса красной краски.

Встреченные ножки амфор этого центра отличаются небольшой высотой, расширенным основанием и конусовидной выемкой на подошве, которая может быть выпуклой (рис. 1, 2, 6) или вогнутой (рис. 1, 3).

Мендийская керамическая тара представлена фрагментами худшей сохранности, глина изделий красная или оранжевая, рыхлая, с примесью песка и белыми включениями. Венчики отделены от горла небольшим желобком. Внешняя образующая вогнута и всегда резко переходит в верхнюю образующую. Переход от верхней к внутренней образующей всегда плавный. Отличаются венцы только более вытянутыми или (рис. 1, 7, 8) более приземистыми пропорциями (рис. 1, 9). Встречена орнаментация в виде красной полосы под венчиком (рис. 1, 12). Интересно, что все перечисленные выше фрагменты фасосских амфор происходят из ямы 2, в то время как мендийские — за небольшим исключением, из ямы 4.

Ножки делятся на два варианта: выпуклая подошва и небольшая плоская выемка в центре (рис. 1, 10) и выпукло-вогнутая подошва и маленькая полусферическая выемка в центре (рис. 1, 4), диаметры 8,5—10,1 см.

Из ямы 2 происходит невысокое расширяющееся внизу горло амфоры, завершающееся массивным вытянутым венчиком с характерным низким переходом верхней и внутренней образующими. Маленькие (3,5×1,9 см) ручки несколько приподняты и крепятся у основания горла. Глина красно-коричневая с дутиками и мелкими белыми включениями (рис. 1, 16).

Интересна низкая ножка в виде кольцевого поддона с полусферической выемкой в центре. Она найдена в яме 4 и изготовлена из такой же глины. Довольно близкая аналогия происходит из Ольвии⁵.

Хиосские пухлогорлые амфоры представлены фрагментами, относящимися к наиболее поздней разновидности этого типа. Из ямы 5 — горло, имеющее в верхней части небольшую припухлость, отделенную от нижней части горла уступом, проходящим по нижнему уровню прикрепления ручек. Горло завершается массивным трапециевидным в плане венчиком с завернутым нижним краем (рис. 2, 5). Подобный же фрагмент найден и в яме 2. Глина в первом случае светло-коричневая, во втором — красная с примесью белых включений и блестками. Вероятная дата: конец V в. до н.э.

К типу хиосских позднепухлогорлых амфор принадлежат ножки с глубокой выемкой на подошве, превосходящей высоту наиболее расширенной части основания (рис. 2, 7)⁶.

К этому же типу относятся фрагменты горла с венчиком треугольной в сечении формы. Изготовлены они из красной глины с мелкими белыми включениями. Оба найдены в яме 2 (рис. 1, 1).

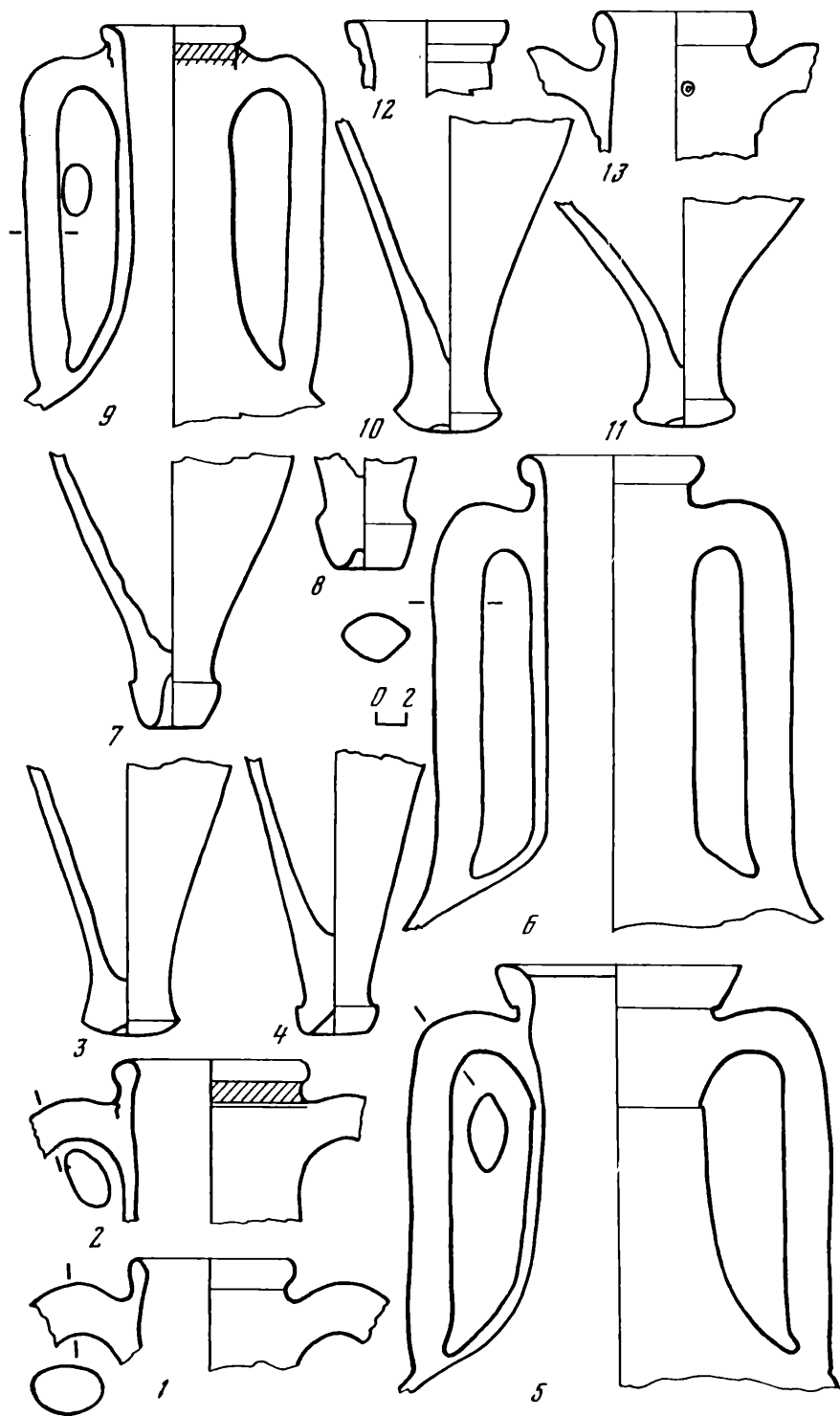

Рис. 2. Амфоры Хиоса и неизвестных центров (из ям с мыса Зюк)

Хиосские прямогорлые амфоры конца V — первой половины IV в. до н.э., исходя из сводки И.В. Брашинского, делятся на две основные группы объемами более 20 л и около 10 л, с отсутствием строгой границы между ними⁷. У амфор, имеющих полный объем, обычно диаметр корпуса превышает 30 см, в то время как "полуамфоры" имеют наибольший диаметр в пределах 22,4—27,5 см. В настоящее время мы не имеем достаточно информации для характеристики различий профилированных частей сосудов обеих групп.

К амфорам, имевшим "полный" объем можно отнести горла из ям 2 и 4 высотой более 20 см, с венчиком, приближающимся в сечении к кругу с завернутым нижним краем. У основания ручек — пальцевые вдавления (рис. 2, 6). Глина красная с включениями белого кварцевого песка.

Фрагмент горла из ямы 2 имеет на уровне верхнего прикрепления ручки желобок. Пространство между желобком и нижней частью венчика покрыто красной краской (рис. 2, 2).

Интересен фрагмент горла хиосской прямогорлой амфоры с дипинто в виде кружка, нанесенного красной краской. Венчик отличается более вытянутыми пропорциями. Аналогия подобному дипинти на схожей амфоре, найденной у побережья Болгарии⁸. На внешней поверхности верхнего прикрепления ручек сохранились следы краски (рис. 2, 13).

Ножки этого варианта имеют профилировку в виде широкого основания, напоминающие позднейшие варианты "колпачковых" ножек (рис. 2, 8). От более ранних вариантов эти ножки отличаются неглубокой выемкой⁹.

Фрагменты амфор меньшего объема имеют более узкое горло, сдавленное со стороны ручек. Венчик валикообразный, с ребром под ним (рис. 2, 9). Под венцом и по ребру проходит полоса красной краски. Ножки подобных сосудов отличаются небольшим размером (диаметр наиболее расширенной части основания — около 5 см) и наличием расширяющегося ствола (рис. 2, 4).

Хиосские амфоры с объемом около 10 л встречаются в болгарском комплексе "Сладките кладенци" и в кургане 42 (1975 г.). Елизаветовского могильника, датированных концом V — началом IV в. до н.э.¹⁰

Кроме того, встречена серия фрагментов, которые в настоящий момент трудно связать с каким-либо определенным центром. Среди них ножка высотой 3,4 см (рис. 2, 11) из красной глины с белыми включениями. Она аналогична ножкам амфор с так называемыми "колесными" клеймами¹¹ Ольвии середины IV в. до н.э., но описанная нами ножка, вероятно, более раннего времени. Еще одна ножка с выпуклой подошвой и неглубокой выемкой (рис. 1, 10) близка к амфорам, относимым к типу Солоха II¹². Глина ее светло-коричневая с мелкими белыми включениями напоминает фасосскую. Она отличается от ножек амфор из кургана Солоха небольшим диаметром (6,6 см). Ножка амфоры (рис. 1, 3) из ямы 4 принадлежит к продукции о-ва Фасос или его круга.

Датировать описанные амфоры возможно только рубежом V—IV вв. до н.э. Это подтверждает и полное отсутствие гераклейских и фасосских клейм, а также тип фасосской тары, который присутствует только в известных комплексах этого времени, и единство состава данного комплекса с другими — рубежом V—IV вв. до н.э.

Простая толстостенная посуда представлена обломками донцев двух лутериев. Один — по-видимому, коринфского производства (желтоватая глина с кварцевым песком). Другой из розовой глины со слюдой и кварцевым песком — неизвестного центра (рис. 3, 11—14).

Тонкостенная столовая посуда в основном красноглиняная. Это прежде всего миски с загнутым внутрь краем, на кольцевом поддоне. На внешней поверхности, у края венчика, — одна, две полосы красного лака. Две другие — более узкие — внутри у дна (рис. 3, 1, 2).

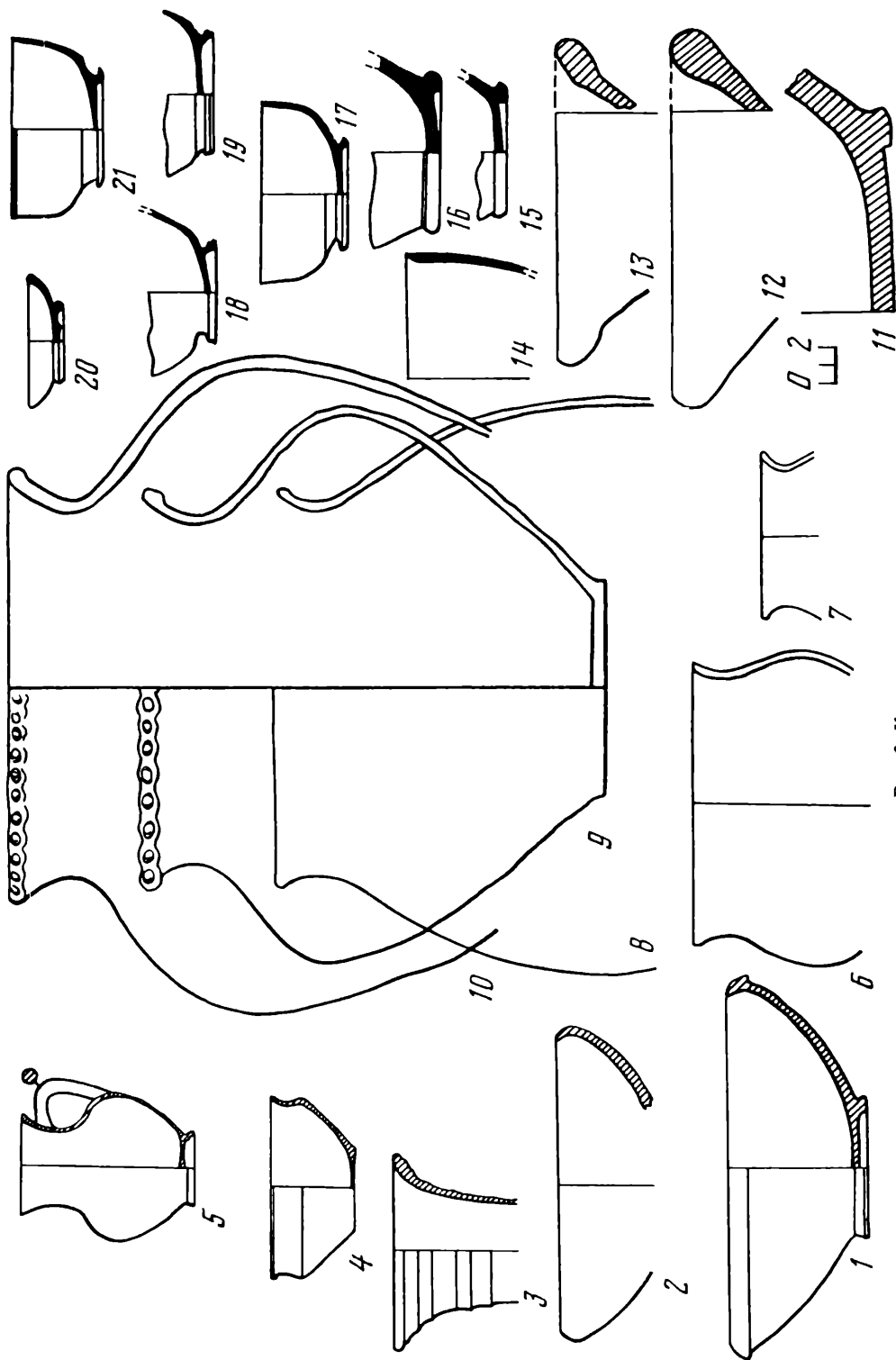

Рис. 3. Керамика из ям

Обломки кувшинов очень мелкие. Среди них экземпляры с овальными, плоскими, круглыми и двуствольными ручками. Некоторые украшены по верху тулова двумя узкими поясками красновато-черного лака. Все они на кольцевом поддоне (рис. 3, 3).

Отметим также фрагментированный кольцевидный аск с широкими полосами темного лака.

Сероглиняная керамика немногочисленна: обломки кувшина с лощеной поверхностью, реберчатое горло, с заметно отогнутым венчиком и двуствольной ручкой, и фрагменты двух чашек.

К кухонной красноглиняной посуде относятся край и крышки двух кастрюль.

Чернолаковая керамика представлена фрагментами киликов, чашек, скифосов (рис. 3, 15, 16), лекифов и солонок. Среди них полный профиль и обломки сосудов типа *bolsal*¹³ (рис. 3, 17) последней четверти V в. до н.э., край более раннего сосуда типа *stemless*¹⁴ (рис. 3, 13—21), венчик чашки (рис. 3, 14) и край солонки, датируемый концом V в. до н.э.¹⁵ (рис. 3, 20). На некоторых донцах встречается штампованный орнамент, иногда из ов и пальметок, аналогичный приведенному в томе 12 материалов Афинской Агоры¹⁶.

Упомянем также маленький фрагмент донца чашки с остатками граффити: /Σω]τῆ[ροσ/?

Расписная посуда — всего несколько мелких обломков чернофигурного лекифа, расписанного в технике, близкой кругу мастера Хаймона (вторая четверть V в. до н.э.), и край большого краснофигурного скифоса с изображением стоящего эфеба, готовящегося к прыжку. Роспись довольно беглая, глаза, брови, рот, прическа переданы условно, грубо, но лак хорошего качества, пропорции тела не нарушены, да и форма самого сосуда (высокие, ровные стенки) говорят о его относительно более ранней, чем у большинства расписных скифосов этой группы, дате: конце V в. до н.э.¹⁷

Лепная посуда хорошего качества из серой, серо-коричневой глины с примесью мелко толченой ракушки, часто сильно закопченная. Это обломки не менее 15 больших горшков высотой до 36 см, диаметром горла 24—26 см и тулова — от 34 до 40 см с заглаженной поверхностью. Края венчиков гладкие или с пальцевидными вдавливаниями-защепами. В одном случае отмечено два пояса такого "орнамента" (рис. 3, 6—10).

Три фрагмента дна и стенок горшка темно-серой глины с более тщательно заглаженной поверхностью и остатками геометрического орнамента из скрещивающихся линий.

Лепные миски иногда имеют следы лощения. Кроме того, среди находок встречаются: открытый красноглиняный светильник, круглое, плоское известняковое рыболовное грузило, обломок железного ножа, гвоздь и маленький фрагмент терракотовой статуэтки.

Таким образом, в совокупности находки в ямах с городища на мысе Зюк можно отнести, за некоторым случайным исключением, к концу V — самому началу IV в. до н.э.

¹ Козуб Ю.И. Краснофигурная пелика из Ольвийского предградья // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 82. Сноска 23; Привалова О.Я., Зарайская Н.П., Привалов О.И. Двугорбая могила // Древности степной Скифии. Киев, 1982. Табл. I, рис. 20; Брашинский И.В. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 136; Лазарев М. Античные амфоры (VI—I в. пр. н.э.) оть Българского Черноморие // ИИМВ. 1973. Т. 9, № 32, 36, 61, 64, 92, 93, 101, 113, 116, 117, 119, 120, 157.

² Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 85, табл. VIII, рис. 20ж; Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н.э. Л., 1980. С. 19.

³ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт... С. 19, 110, 134, 135; № 33, 205а.

⁴ Alexandrescu P. Necropola tomulara 1955—1961 // Histria. 1966. Т. 2. P. 166, tabl. XXII, fig. 8.

⁵ Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. Табл. 29, рис. 4.

- ⁶ Там же. Табл. 10, рис. 19; *Рубан В.В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. Рис. 8, 5.
- ⁷ *Брашинский И.Б.* Методы... Прил. 1. С. 173, 174.
- ⁸ *Лазаров М.* Антични... С. 13, табл. XXIV, № 37.
- ⁹ *Зеест И.В.* Керамическая тара... Табл. IV, рис. 13; *Рубан В.В.* О хронологии... Рис. 8, 7.
- ¹⁰ *Лазаров М.* Антични... № 36; *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт... № 18, 241.
- ¹¹ *Лейбуская Н.А.* Заметки о некоторых группах амфор из Ольвии // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 113—117, рис. 3; *Она же.* Керамическая тара... Рис. 9, 3.
- ¹² *Погребова Н.Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С. 92, рис. 19, 8.
- ¹³ *Sparkes В.А., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. Princeton; N.Y., 1970. V. 7, N 541.
- ¹⁴ Ibid. N 471.
- ¹⁵ Ibid. N 754, 849, 876.
- ¹⁶ Ibid. N 1176.
- ¹⁷ *Alexandrescu P.* Le ceramique d'epoque archaïque et classique VII—IV c // Histria. 1978. T. 4. P. 81, tabl. 58, N 501.

И.А. ЕМЕЦ, Б.Г. ПЕТЕРС

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ АНТИЧНОЙ ФЕОДОСИИ

Основной задачей данной работы является исследование древнегреческих граффити и дипинти, найденных при раскопках Феодосии в 1975—1977 гг. совместной экспедицией ИА АН СССР и Феодосийского краеведческого музея¹. Ранее граффити из Феодосии, собранные при строительстве морского порта в 1892—1894 гг., рассматривались В.Н. Юргевичем² и Э.Р. Штерном³. Дипинти из этого центра, ввиду их малочисленности, не привлекали специального внимания исследователей. Опубликовано только одно интересное дипинто на амфоре, представляющей собой цифровую запись⁴.

Приведенные ниже граффити расположены в алфавитном порядке по типам керамики: на чернолаковой, краснолаковой, простой гончарной посуде и на амфорах. Дипинти выделены отдельно. Часть крестообразных знаков не публикуется из-за их однотипности. Номер в тексте соответствует номеру на рисунке (рис. 1).

1. А, 1977 г., оп. № 533. На внешней стороне дна чернолакового килика на кольцевом поддоне. Высота буквы 0,5 см. Глина оранжевая, лак густой, блестящий. Конец V — первая половина IV в. до н.э.

2. А, 1976 г., оп. № 234. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота буквы 0,9 см. Глина красная, лак блестящий. IV в. до н.э.

3. А, 1977 г., оп. № 87. На внешней стороне дна чернолакового канфара. Высота буквы 1,3 см. Глина красная, лак с матовым оттенком. Конец V — первая половина IV в. до н.э.

Возможно, что часть граффити А является началом имен владельцев, а некоторые относятся к числу посвящений божествам, например Афине, о популярности культа которой в Феодосии могут свидетельствовать ее изображения на монетах местной чеканки IV—III вв. до н.э.⁵

4. AN, 1976 г., оп. № 642. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота букв 0,9—1,1 см. Глина коричневатая, лак блестящий. Внутри ряд ов и одна пальметка. Начало имени владельца или, например, слова ἀνάθημα — "посвящение". IV в. до н.э.

5. AXI, 1976 г., оп. № 5. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота букв 0,7—1,0 см. Глина светло-коричневая, лак блестящий. Внутри сохранилась часть пальметки. Начало имени владельца или посвящение Ахиллу. IV в. до н.э.

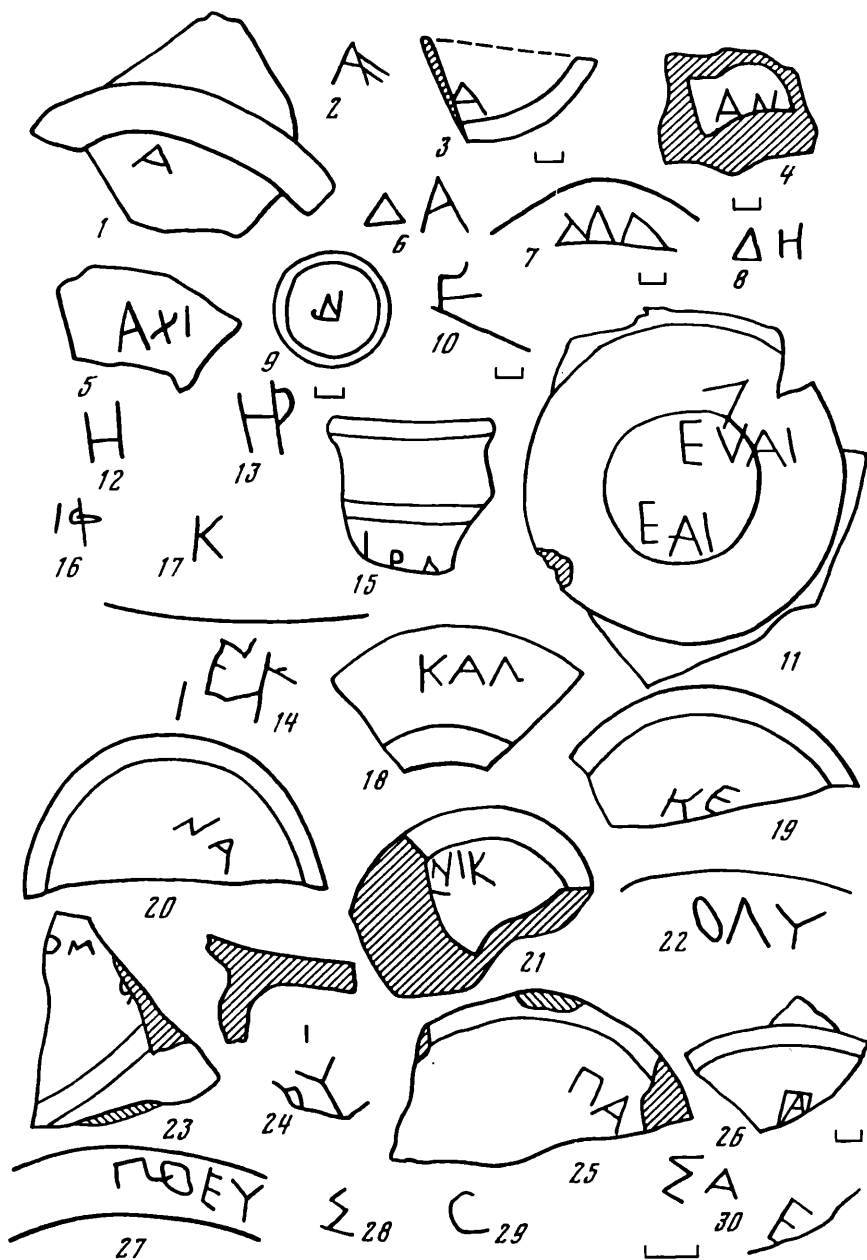

Рис. 1. Граффити и дипинти античной Феодосии

6. ΔΑ, 1977 г., оп. № 215. На внешней стороне дна чернолакового блюда. Высота букв 0,8—1,2 см. Глина красная, лак со слабым блеском, местами сбит. Внутри сохранились две пальметки и несколько рядов насечек. IV в. до н.э. Возможно, женское имя ΔΑ или другое имя с подобным началом, отмеченное на хоре Херсонеса⁶, малоазийского происхождения. Можно предположить и посвящение Деметре (дорийское Δά(μ)ατρί). Наличие доризмов может служить

Рис. 2. Граффити и дипинти античной Феодосии

дополнительным свидетельством связей Феодосии с Гераклеей Понтийской, о союзных отношениях между которыми во время войны против Боспора в первой четверти IV в. до н.э. сообщает Псевдо-Аристотель (Pseud. Aristot. Oecon., II, 2, 8) или с колонией последней — Херсонесом, где отмечено значительное число подобных аббревиаций⁷.

7. ΔΔΔ, 1976 г. На внешней стороне дна чернолакового килика. Высота букв

0,9—1,2 см. Глина красная, лак хорошего качества, блестящий. Внутри четыре пальметки, соединенные дугами, и ряд ов. Цифровое обозначение — 30. Конец V — первая половина IV в. до н.э.

8. ДН, 1977 г., оп. № 38а. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота букв 0,7—0,8 см. Глина красная, лак тусклый, местами сбит. Начало теофорного имени или посвящение Деметре. III в. до н.э.

Культ Деметры в Феодосии засвидетельствован находкой ряда протом с ее изображением⁸.

9. ΔΙ, 1977 г., оп. № 142а. На внешней стороне дна чернолакового килика. Высота букв 1,0 см. Глина красная, лак блестящий, хорошего качества. Начало имени владельца или посвящение божеству (Зевсу или Дионису). Вторая четверть — середина IV в. до н.э.

10. Ε, 1976 г., оп. № 544. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота буквы 1,3 см. Глина красная, лак тусклый, нанесен только с внутренней стороны, почти полностью сбит. Вероятно, начало имени владельца. III—II вв. до н.э.

11. ΕΥΑΙ, ΕΑΙ, Υ, 1976 г., оп. № 890 и 916 (склеен). Внутри поддона чернолакового килика. Высота букв 0,6—1,2 см. Глина красная, лак со слабым блеском. ΕΥΑΙ — застольный возглас ликования⁹. IV в. до н.э.

12. Η, 1977 г., оп. № 240. Внутри кольцевого поддона чернолакового сосуда. Высота буквы 1,1 см. Глина красная, лак блестящий. Начало имени, цифровое обозначение или посвящение божеству. V—IV вв. до н.э.

13. ΗΡ в лигатуре, 1977 г., оп. № 537. Внутри кольцевого поддона чернолакового килика. Высота букв 1,4 см. Глина светло-коричневая, лак блестящий, хорошего качества. Первая половина IV в. до н.э. Подобные лигатуры встречались в Феодосии и раньше. Э.Р. Штерн считал их посвящениями Гере или Гераклу¹⁰. Э.И. Соломоник предполагает, что во всем античном мире сокращения ΗΡ и ΗΡΑ принадлежали соответственно Гераклу и Гере¹¹. О важном значении культа Геракла в Феодосии свидетельствуют его изображения на монетах этого центра¹². Не исключено и начало теофорного имени.

14. ΙΕΓ, 1977 г., оп. № 375. На венчике чернолакового блюда. Высота букв 0,7—1,3 см. Глина красная, лак блестящий. Внутри штампованный орнамент из нескольких рядов насечек. Начало имени владельца. IV в. до н.э.

15. ΙΡΑ (ΗΡΑ?), 1976 г., оп. № 928. На фрагменте венчика чернолакового кувшинчика. Высота букв 0,4—0,6 см. Глина светло-коричневая, лак со слабым блеском. IV в. до н.э.

16. ΙΦ или ΦΙ, 1977 г., оп. № 160. На внешней стороне дна чернолакового килика. Высота букв 0,6—0,8 см. Глина красная, лак блестящий, хорошего качества. Вероятно, начало имени владельца. IV в. до н.э.

17. Κ, 1976 г., оп. № 857. На внешней поверхности дна чернолакового канфара. Высота буквы 0,8 см. Глина оранжевая, лак с умеренным блеском. Внутри ряд ов и семь пальметок, соединенных дугами. В центре просверлено отверстие. Вероятно, начало имени владельца. IV в. до н.э.

18. ΚΑΑ, 1976 г., оп. № 710. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота букв 0,6—0,7 см. Глина светло-коричневая, лак блестящий. Начало имени владельца. IV—III вв. до н.э.

19. ΚΕ, 1976 г., оп. № 891. Внутри кольцевого поддона чернолакового сосуда. Высота букв 0,6—0,7 см. Глина красная, лак со слабым блеском. Начало имени владельца. IV в. до н.э.

20. ΝΑ, 1976 г., оп. № 766. На основании ножки чернолакового килика. Высота букв 0,5—0,7 см. Глина оранжевая, лак с металлическим блеском. Внутри сохранилась одна пальметка. Начало имени владельца. IV в. до н.э.

21. ΝΙΚ, 1976 г., оп. № 352. На внешней поверхности дна чернолакового

сосуда. Перед N часть еще какого-то знака, уходящего в облом, возможно, случайного происхождения. Высота букв 0,5—0,7 см. Глина красная, лак со слабым блеском, местами сбит. Начало теофорного имени, возможно, часть составного типа Ἀνδρόνικ[ος] или посвящение Nike. IV—III вв. до н.э.

22. ОΛΥ, 1977 г., оп. № 105. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Высота букв 0,8—1,0 см. Глина красная, лак блестящий. Внутри сохранились одна пальметка и несколько рядов насечек. Начало имени владельца. Возможно, Ολυμιάς — эпитет Музы, Геры и др.¹³ IV в. до н.э.

23. ΟΜ и ΟΥ (?), 1977 г., оп. № 287. На внешней стороне дна чернолакового сосуда. Фрагмент надписи. Высота букв 0,3—0,4 см. Глина оранжевая, лак блестящий, местами сбит. IV в. до н.э.

24. ΟΥ, 1977 г., оп. № 181. Внутри кольцевого поддона чернолакового сосуда. Высота букв 0,2—0,8 см. Глина светло-коричневая, лак блестящий. Внутри сохранились две пальметки. Возможно, окончание имени в родительном падеже. IV в. до н.э.

25. ΠΑ, 1977 г., оп. № 11. Внутри кольцевого поддона чернолакового рыбного блюда. Высота букв 0,7 см. Глина красная, лак блестящий. Вероятно, начало имени владельца. IV—III вв. до н.э. Подобное граффито Э.Р. Штерн считал посвящением Пану. Е.М. Штаерман предполагала, что аббревиации ΠΑ могут расшифровываться как эпитет Аттиса или Зевса Πάλλας¹⁴.

26. ΠΑ или ΑΠ (монограмма), 1977 г., оп. № 185. Внутри кольцевого поддона чернолакового сосуда. Высота букв 1,0 см. Глина красная, лак со слабым блеском. IV в. до н.э.

27. ΠΟ ΕΥ, 1977 г., оп. № 422. На внешней поверхности дна чернолакового рыбного блюда ΠΟ. Высота букв 0,5—0,8 см. Глина красная, лак тусклый, местами сбит. Имени с подобным началом словари не дают. ΠΟ — вероятно, начало имени, ΕΥ — "хорошо", "добро", "благо". IV—III вв. до н.э.

28. Σ или Μ, 1977 г., оп. № 149. На внешней стороне дна целой чернолаковой чашечки на кольцевом поддоне. Высота буквы 0,8 см. Глина красная, лак блестящий. Внутри четыре пальметки. Вероятно, начало имени владельца. IV в. до н.э.

29. Σ, 1976 г., оп. № 497. На внутренней поверхности дна чернолакового сосуда. Высота буквы 0,9 см. Глина коричневатая, лак с металлическим блеском. Внутри сохранилась одна пальметка. IV—III вв. до н.э. Лунарная сигма появляется в лапидарных надписях Боспора с III в. до н.э.¹⁵

30. ΣΑ Ε, 1977 г., оп. № 353. На внешней стороне дна чернолакового килика. Высота букв 0,6—1,0 см. Глина красная, лак со слабым блеском. Внутри сохранились четыре пальметки, соединенные дугами, ряд ов и два ряда насечек. Значение, возможно, аналогично № 27. IV в. до н.э.

31. Τ, 1977 г., оп. № 183. На стенках целого чернолакового килика с противоположных сторон два Τ. Высота букв 1,3 и 1,5 см. Глина красная, лак блестящий. Внутри орнамент из нескольких рядов насечек. Начало имени владельца. На внешней стороне дна сохранились следы полустертой надписи. Различимы буквы Νο. Высота 0,3—0,7 см. Возможно, начало имени прежнего владельца. Первая половина IV в. до н.э.

32. ΤΙ, 1976 г., оп. № 690. На внешней стороне дна чернолакового сосуда на кольцевом поддоне. Высота букв 0,5—0,6 см. Глина коричневая, лак со слабым блеском. Начало имени владельца. Середина IV в. до н.э.

33. ΧΙ, 1977 г., оп. № 179. Внутри кольцевого поддона чернолаковой солонки. Высота букв 1,0 см. Глина оранжевая, лак блестящий. Внутри сохранились три пальметки и два ряда насечек. Возможно, начало имени владельца или обозначение стоимости сосуда или содержимого — 10 халков. IV в. до н.э.

34. ΠΑΙ (?) и Ρ, 1975 г., оп. № 74. На фрагменте венчика чернолакового блюда

с двух сторон изображения человеческих лиц. Размер фрагмента 3,1 × 4,6 см. Глина розовая с темными включениями, лак тусклый. Лица переданы схематично, но в несколько отличной манере. С одной стороны — буквы ΠΑΙ? Начало имени собственного или слова τό παιδίον — "мальчик", "ребенок". С другой — Ρ. Возможно, данное граффито является образцом любовной магии. III в. до н.э.

35. Зигзагообразная линия, 1977 г., оп. № 36а. На внешней стороне дна чернолакового килика. Высота знака 3,5 см. Глина красная, лак со слабым блеском, местами сбит. Значение может быть связано с магией. III—II вв. до н.э.

36. Δ, 1976 г., оп. № 302. Внутри кольцевого поддона со следами красного лака. Высота буквы 1,6 см. Глина оранжевая, лак темно-красный, местами сбит. Начало имени владельца или посвящение божеству. III—II вв. до н.э.

37. Λ или Υ, 1976 г., оп. № 8. Внутри кольцевого поддона краснолакового сосуда. Высота буквы 2,3 см. Глина красная, лак жидкий, с оранжевым оттенком. Начало имени владельца или, например, слова ὑγίεια — "здоровье". Первые века нашей эры.

38. Ν, 1976 г., оп. № 508. На внешней стороне дна краснолакового сосуда. Высота буквы 1,4 см. Глина розовая, лак с оранжевым оттенком. Первые века нашей эры.

39. Χ, 1975 г., оп. № 16. На внешней поверхности дна краснолакового сосуда. Высота знака 1,4 см. Глина красная, лак плотный с оранжевым оттенком. Первые века нашей эры. О возможных значениях подобных знаков на всех типах керамики¹⁶.

40. Неясные знаки и перекрещивающиеся линии, 1976 г., оп. № 779. На внутренней стороне дна краснолакового сосуда. Глина розовая с примесью слюды, лак оранжевый, нанесен только с внутренней стороны. По мнению В.П. Яйленко, знаки и буквы, нанесившиеся с внутренней стороны дна открытых сосудов для еды и питья, имели магическое значение и выражали круг понятий, связанных с пожеланием добра, счастья, здоровья и т.д.¹⁷ Первые века нашей эры.

41. ΜΙ (?), 1976 г., оп. № 187. На внешней стороне дна кувшина. Высота букв 1,0—1,2 см. Глина красная с блестками слюды. Вероятно, начало имени владельца. I—II вв. н.э.

42. ΦΡΥΓ, 1976 г., оп. № 793. На стенке лощеного сероглиняного сосуда. Высота букв 0,6—1,0 см. Глина с темными включениями. Возможно, посвящение Μητρί Φρυγίαι (Кибеле). Подобная эпиклеза Кибелы отмечена в надписи III в. до н.э. из Пантикалея (КБН № 21) и на граффито из Ольвии¹⁸. Не исключено и обозначение этника Φρύγους "Фригийца". Такие имена обычно носили рабы¹⁹. IV—III вв. до н.э.

43. Α, 1976 г., оп. № 371. На крышке из стенки амфоры. Высота буквы 1,5 см. Глина красная с темными включениями. Первые века нашей эры. О возможных значениях одиночных Α на амфорах²⁰.

44. ΚΟ, 1976 г., оп. № 44. На фрагменте стенки амфоры. Высота букв 0,5—0,6 см. Глина коричневая, обмазка светло-зеленая. Начало имени, обозначение названия товара, например, τό κολλύριον — "мазь" или объема в котилах. Первые века нашей эры.

45—48. Χ, 1976 г. На фрагментах стенок амфор. Два фрагмента IV—III вв. до н.э., два III—II вв. до н.э.

49. Α, 1977 г., оп. № 314. Дипинто красной краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 1,8 см. Глина светло-коричневая, плотная. IV—III вв. до н.э.

50. Ε, 1976 г., оп. № 819. Дипинто красной краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 1,3 см. Глина светло-коричневая с блестками слюды. Возможно, начало имени, цифровое обозначение или название содержимого τό ἔλαιον — "оливковое масло". IV—III вв. до н.э.

51. К и часть неясного знака, 1976 г., оп. № 104. Дипинто красной краской на плече амфоры. Высота буквы 4,0 см. Глина красная с темными включениями. III—IV вв. н.э.

52. Ф, 1976 г., оп. № 772. Дипинто красной краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 1,7 см. Глина светло-коричневая. IV—III вв. до н.э. Д.Б. Шелов, отмечая распространенность подобных сокращений на амфорах, предполагает, что они могли обозначать название какого-нибудь хорошо известного продукта, например, $\alpha\iota$ $\phi\alpha\upsilon\lambda\iota\alpha\iota$ — "оливки" и др.²¹ Не исключено и начало имени.

53. Ф, 1976 г., оп. № 334. Дипинто красной краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 3,8 см. Глина темно-красная с белыми включениями. IV—III вв. до н.э.

54. X, 1976 г. Дипинто красной краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 4,2 см. С внутренней стороны граффито А, вероятно связанное с вторичным использованием фрагмента. Высота буквы 3,8 см. Глина красная. IV в. до н.э.

55. X, 1976 г., оп. № 637. Дипинто бурой краской на фрагменте стенки амфоры. Высота буквы 1,3 см. Глина оранжевая. IV—III вв. до н.э.

В заключение отметим, что большинство рассмотренных граффити и дипинти относятся к сокращениям личных имен и к хозяйственной деятельности жителей античной Феодосии. Определенное распространение среди них имели различные магические верования. Предположительно можно выделить посвящения Гераклу и Деметре. Популярность этих культов в Феодосии подтверждается и другими источниками.

¹ Петерс Б.Г., Голенцов А.С. Археологические раскопки в Феодосии в 1975—1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 68—72.

² Юргевич В.Н. Надписи на ручках и обломках амфор и черепице, найденных в Феодосии в 1894 г. // ЗООиД. 1895. Т. 18. С. 168—171.

³ Штерн Э.Р. "Graffiti" на античных южнорусских сосудах // ЗООиД. 1897. Т. 20. С. 163—199.

⁴ Айбабин А.И. Античное погребение в Феодосии // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 83, рис. 4.

⁵ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 162—163, табл. 39, 1, 5.

⁶ Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 90, № 456.

⁷ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1979. С. 44, № 512—524.

⁸ Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г1—Г11. Табл. 21; 23, 1.

⁹ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII—III вв. до н.э. М., 1982. С. 303, № 174.

¹⁰ Штерн Э.Р. "Graffiti"... С. 173, № 12—14.

¹¹ Граффити античного Херсонеса; Соломоник Э.И. Введение. С. 6.

¹² Зограф А.Н. Античные монеты. С. 162.

¹³ Граффити античного Херсонеса. С. 100, № 1317.

¹⁴ Штерн Э.Р. "Graffiti"... С. 195, № 129; Штаерман Е.М. О "загадочных знаках" Северного Причерноморья // ВДИ. 1950. № 1. С. 114.

¹⁵ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерки истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. 3. С. 9, табл. II.

¹⁶ Масленников А.А. Граффити и дипинти с мыса Зюк // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 51.

¹⁷ Яйленко В.П. Греческая колонизация... С. 296.

¹⁸ Русаева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 46, рис. 27, 12.

¹⁹ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 132, № 234.

²⁰ Соломоник Э.И. Граффити с хоры... С. 18.

²¹ Шелов Д.Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ. 1989. Т. 15. С. 108.

ПИРАМИДАЛЬНЫЕ ПОДВЕСКИ-ГРУЗИЛА И КЛЕЙМА НА НИХ

Керамические подвески-грузила являются одной из наиболее распространенных находок при раскопках античных городов и поселений. В Северном Причерноморье они в изобилии встречаются при исследовании жилых и хозяйственных помещений, остатков керамических печей, а также в культурном слое. Обычно эти изделия представляют собой усеченную пирамиду с четырехугольным основанием и сквозным отверстием (иногда двумя) ближе к вершине, реже встречаются экземпляры в виде конуса или диска. Типология и хронология подвесок разработана довольно хорошо¹, однако о возможном применении этих предметов высказывались различные мнения.

В.Ф. Гайдукевич полагал, что они изготовлялись специально для вертикального ткацкого станка и служили для натягивания нитей основы², Н.А. Онайко считала, что грузила являлись составной частью рыболовных сетей, но не отрицала и возможности использования их как подвесок ткацких станков³. В Танаисе в помещении III в. н.э., погибшем в пожаре, наборы подвесок найдены вместе с остатками рамы от ткацкого станка и фрагментами сгоревшей грубой ткани⁴. В Тиритаке и Мирмекии вместе с пирамидальными подвесками находили пряслица от веретен⁵. В Фанагории и Херсонесе пирамидальные и круглые грузила обнаружены с остатками рыболовных сетей и снастей с крючками⁶.

Довольно массивные, плохого обжига пирамидки и конусы находят при раскопках домашних очагов и печей, особенно позднеантичного времени. Обращают на себя внимание различия в разработанности отверстий. У части грузил из Горгииппии, относящихся к самым разным хронологическим периодам, отверстия сильнее разработаны вниз в направлении основания⁷, что невозможно при использовании грузил в подвешенном состоянии. Последнее заставляет предположить, что в отверстия вставлялись деревянные пруты, на которые нанизывались рыба или мясо, а сами пирамидки были принадлежностью печей или очагов⁸.

Мы считаем, что изготовлявшиеся в керамических мастерских пирамидальные подвески хорошего качества предназначались для ткацких станков, однако область их применения в повседневной жизни была безусловно шире, как и грубых грузил домашней выделки.

Многие пирамидальные, а иногда и дисковидные подвески помечались различными клеймами и знаками, но вопрос о причинах и устойчивости традиции их клеймения не обсуждался.

В настоящей статье мы рассматриваем пирамидальные и дисковидные подвески с клеймами и знаками, найденные в Горгииппии и ее окрестностях*.

Нам известны 53 пирамидальные и две дисковидные подвески с клеймами. Обычно они встречаются вместе с неклеяменными. Клейма ставились либо на верхнюю плоскость подвески, либо на одну из боковых сторон. Иногда попадаются экземпляры с двумя или более одинаковыми оттисками.

В Горгииппии пока не установлены клейменные подвески, датированные ранее IV—III вв. до н.э., но они встречались в других городах⁹. Наиболее поздние горгииппийские клейма относятся ко II—III вв. н.э.

Клейма на подвесках эллинистического времени отличаются большим разнообразием. Чаще всего это оттиски гемм-печатей с самыми разнообразными

* Пользуюсь случаем выразить благодарность начальнику Анапской экспедиции ИА РАН Е.М. Алексеевой, любезно предоставившей мне данный материал.

сюжетами и оттиски, сделанные щитками металлических перстней. Реже встречаются клейма, оттиснутые, очевидно, специально изготовленным штампом. Клейма первых веков нашей эры, напротив, чрезвычайно однообразны. На подвесках этого времени практически не встречаются оттиски печатей, а на смену им приходит изображение ключа или, что чаще, только его бородки.

Пирамидальные и конусовидные грузила II—III вв. н.э. иногда украшались точечным орнаментом, нанесенным с помощью зубчатого штампа или вручную¹⁰. Известны также разновременные подвески, на которых оттиснуты отдельные буквы и даже целые клейма или имеются граффити¹¹. Следует указать и на грузило из Пантикапея с двумя оттисками монеты на передней стороне¹².

Таким образом, можно говорить об устойчивой традиции клеймения и украшения некоторой части пирамидальных и дисковидных подвесок, во всяком случае с V в. до н.э. по IV в. н.э.

Клейма и знаки ставились лишь на сравнительно незначительную часть подвесок. Даже на найденных при раскопках керамических печей грузилах (Херсонес, Фанагория, Пантикапей) клейма имеются лишь на отдельных экземплярах¹³.

Исключением является находка в Горгиппии в 1961 г. сразу большого количества грузил, имевших совершенно одинаковые оттиски на верхней плоскости. 29 подвесок имели клеймо с изображением воина в шлеме со щитом и копьем, а 39 были помечены геммой с изображением лошади. В этом же комплексе имелись экземпляры с неясным штампом, а также и совсем без клейм¹⁴. Впоследствии на различных участках города было обнаружено еще по одной подвеске с аналогичными оттисками в виде воина (рис. 1, 6) и лошади (рис. 1, 10). Все остальные клейма на подвесках эллинистического времени из Горгиппии имеются в единственном экземпляре и не повторяют друг друга, хотя часто были найдены в одном комплексе. Так, в помещении 72 дома IV—III вв. до н.э. на территории заповедника "Горгиппия" в 1981 г. было обнаружено пять подвесок с различными клеймами (полевая опись № 155, 157, 160, 161). Две из них имели оттиски гемм с изображением Гермеса (рис. 1, 4) и треножника (рис. 1, 7) на верхней плоскости; одна была помечена двумя одинаковыми оттисками с изображением птицы, также на верхней плоскости (рис. 1, 8); еще на одной гемме с изображением Ники было сделано четыре одинаковых отпечатка, по два на противоположных сторонах (рис. 1, 16); и, наконец, верхняя плоскость последней была украшена знаком из точечных отверстий в виде крюка. К этому же помещению следует отнести и уже упомянутую подвеску с изображением лошади (рис. 1, 10), которая была найдена здесь же, но несколько выше. Несколько экземпляров с разными клеймами происходят еще из двух домов на территории горгиппийского заповедника (1978 г., опись № 142, 148; 1984 г., опись № 72, 73). В ряде помещений было обнаружено по одной клейменной подвеске, но основная их часть происходит из слоя. Некоторые клейма на подвесках не являются оттисками гемм, а сделаны щитком большого перстня (рис. 1, 21), а также, вероятно, специально изготовленными штампами (рис. 1, 5, 11, 15, 18).

Учитывая небольшое количество грузил, помеченных геммами, чрезвычайно редко встречающиеся одинаковые клейма на территории одного города, а также наличие разных оттисков на грузилах из закрытых комплексов, нам кажется маловероятным считать подобного рода клейма эмблемами гончаров и определенных керамических мастерских.

Поскольку геммы-печати были очень широко распространены по всему античному миру и имелись практически у каждого гражданина, а отпечатки с них заменяли еще мало применявшиеся замки и охраняли право личной собственности¹⁵, то и оттиски их следует рассматривать как личные клейма владельцев,

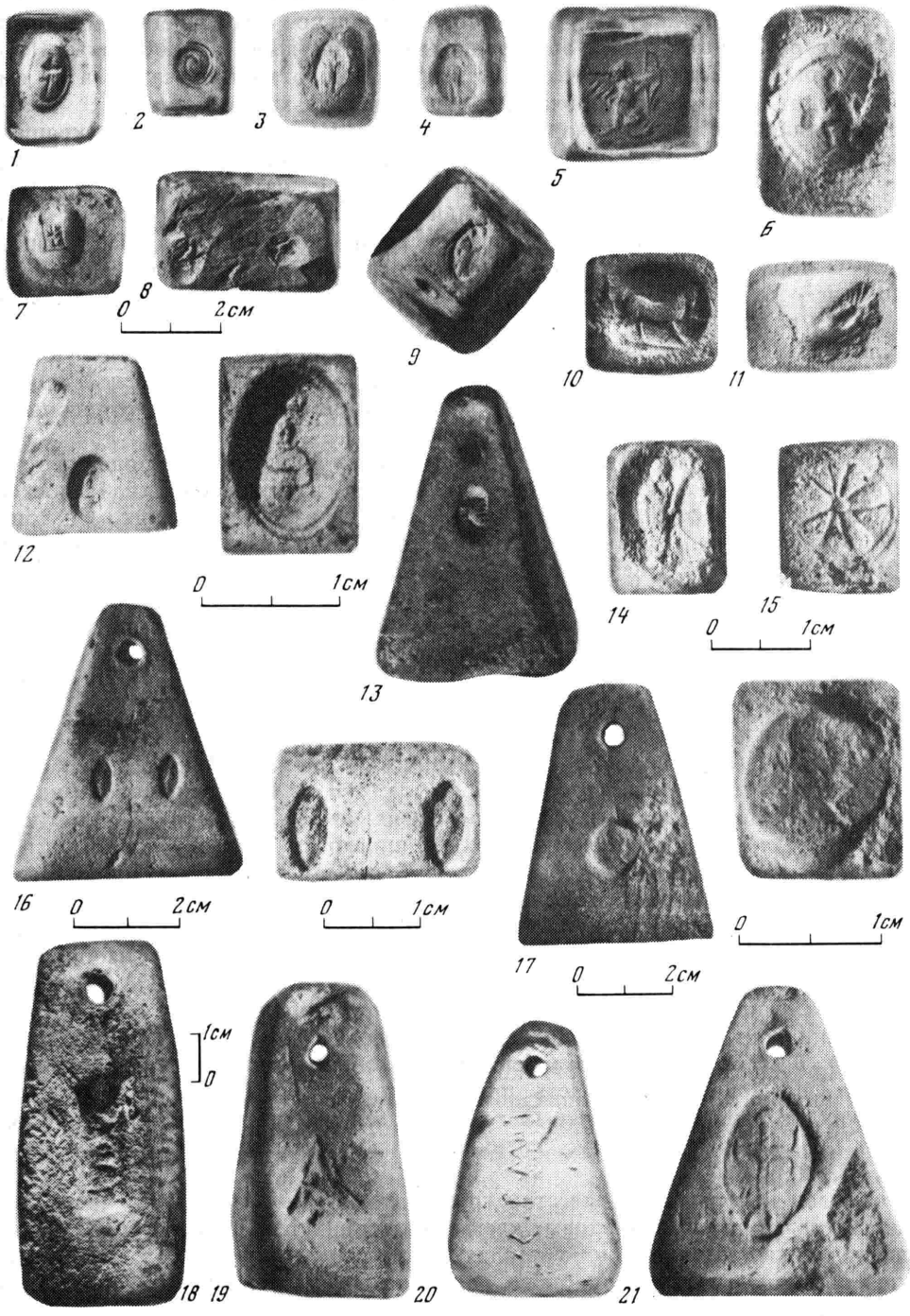

Рис. 1. Клейма на ткацких подвесках из Горгиппии

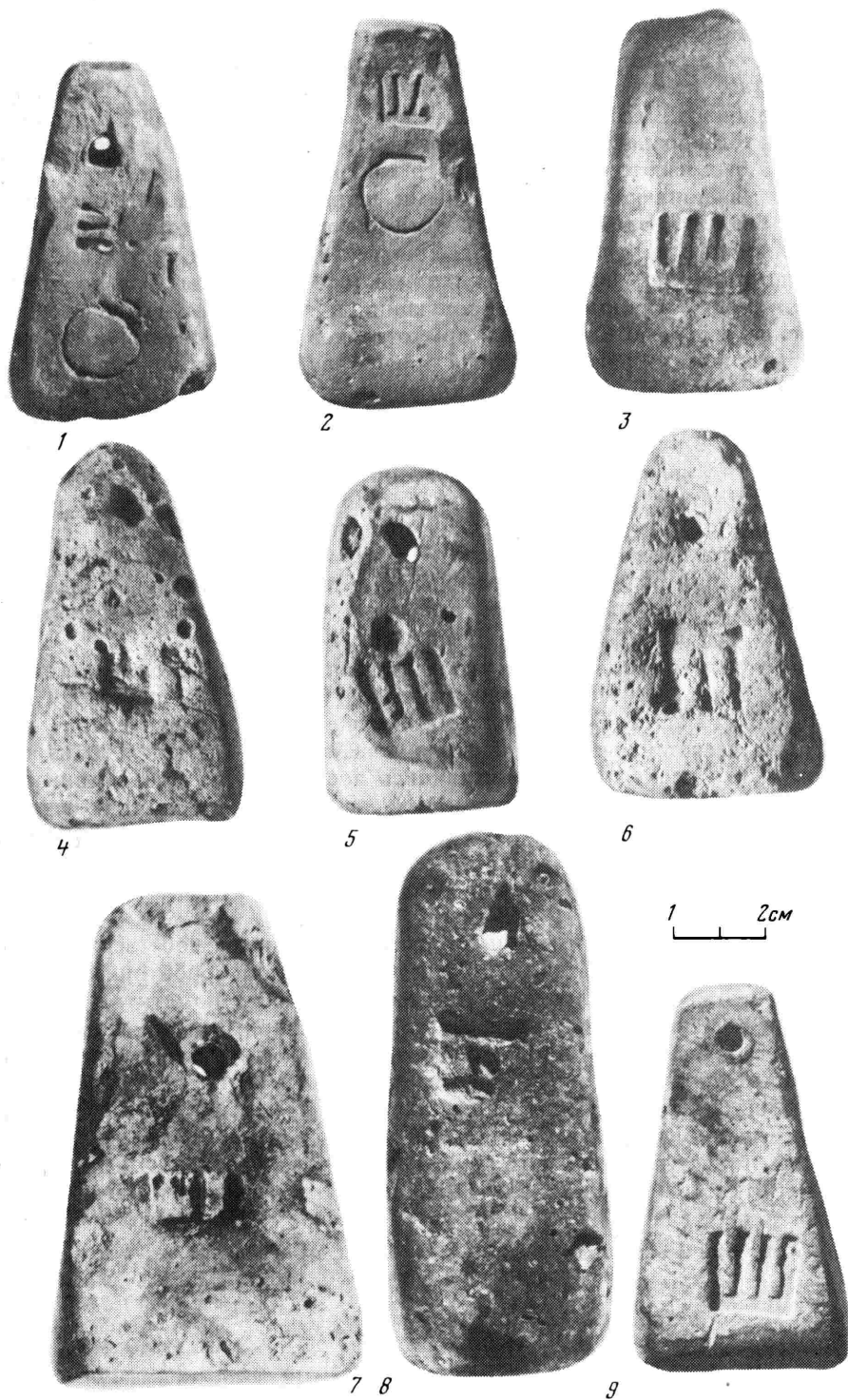

Рис. 2. Оттиски ключей на ткацких подвесках из Горгиппии

которые ставились на одну или несколько изготовленных, но еще необожженных подвесок при заказе определенной партии их мастеру-керамисту. Что касается изделий, помеченных двумя или более одинаковыми оттисками, то можно предположить, что они служили своего рода "памяткой" гончару, где каждый отпечаток обозначал определенное число одинаковых подвесок, которые мастер должен был изготовить для данного конкретного заказчика.

В оттисках, выполненных специальными штампами, особенно буквенными штемпелями, следует, вероятно, видеть клейма гончаров¹⁶. Этому, правда, противоречат единичные находки подвесок с такими клеймами и отсутствие повторяемости оттисков, но, возможно, что мастера-керамисты только изредка ставили свои клейма на подобную продукцию, и то лишь на малую ее часть.

Исчезновение в первые века нашей эры оттисков гемм и штампов, на смену которым приходит изображение ключа или украшение различными орнаментами, вызывает недоумение, поскольку именно в первые века нашей эры геммы и литики производились в огромном количестве. Отпечатки, хотя иногда внешне и похожие друг на друга, сделаны различными ключами (рис. 2, 1—9) и, по всей вероятности, являются также знаками собственности. Интересно, что оттиски бородки ключа иногда есть и на слабообожженных подвесках плохого качества, очевидно, домашней выделки. Различные орнаменты на грузилах выполнены мастерами керамистами скорее в целью украсить свою продукцию, хотя, возможно, они имели и какое-либо определенное значение. Граффити, процарапанные на уже обожженных изделиях, встречающихся на подвесках довольно редко, вероятно, сделаны владельцами.

Клейма и оттиски гемм изредка отмечены на мерных ойнохойях, определенный объем которых и подтверждает клеймо, а также на продукции некоторых гончарных мастерских¹⁷. Но их известно очень незначительное количество. Что же касается пирамидальных и дисковидных "грузил", то на определенную их часть клейма и знаки ставились постоянно, на протяжении практически всей античной эпохи, а в первые века нашей эры эти изделия остаются почти единственной категорией простой бытовой керамики, подвергавшейся клеймению.

Можно предположить, что в ряде случаев изображение и знаки на подвесках имели и ритуальное значение¹⁸.

Трактую большинство из имеющихся клейм как знаки собственности, мы можем лишь весьма приблизительно определить цель, с которой они ставились. Вероятнее всего, будущему владельцу требовалось просто пометить некоторую часть подвесок еще на стадии заказа их гончару (например, нужен был определенный размер). Их, безусловно, уже нельзя было спутать с другими, а кроме того, отмеченные личным знаком, они могли иметь и особое значение в быту. Поскольку замки и ключи к ним получили в это время широкое распространение, можно предположить, что не только ключи и их изображения являлись отличительными и охранительными знаками собственности, но и сами подвески с таким оттиском преследовали ту же цель, как, впрочем, и с отпечатками гемм в более раннее время¹⁹.

Приложение

Клейма и знаки на пирамидальных и дисковидных подвесках из Горгиппии*

№ п/п	Название раскопа, № описи	Описание клейма или знака, место его расположения на подвесках и публикация
1.	Горгиппия-1961 (Горг.)	Сфинкс. ВПС. Архив ИА АН СССР. РГ — № 2371*, рис. 132
2.	Джемете-75. Оп. № 32	Голова Силена. ПС* (рис. 1,13). <i>Алексеева Е.М.</i> К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии. С. 35. Рис. 9,12
3.	Город-76. Оп. № 58	Женская голова вправо. ВП*
4.	Город-76. Оп. № 123	Стоящая фигура Геракла. ВП (рис. 1,9)
5.	Горг.-78. Оп. № 148	Стоящая мужская фигура (Гермес?) ВП.
6.	Горг.-78. Оп. № 142	Орел на дельфине (?). ВП
7.	Горг.-78. Центр. оп. № 36	Геракл (?), сжимающий в объятиях женщину. ВП
8.	Заповедник 1-79. Оп. № 16 (Зап.)	Сюжет неясен (рис. 1,1). ВП
9.	Зап.-80. Оп. массового материала № 3361	Сидящая на троне богиня (рис. 1,12) ПС
10.	Зап.-81. Оп. № 333	Мужской профиль вправо. ПС (рис. 1,17)
11.	Зап.-81. Оп. № 273	Лошадь вправо (рис. 1,10); аналогия: <i>Кругликова И.Т.</i> О гончарной... (рис. 3,3)
12.	Зап.-81. Оп. № 157	Ника. Четыре одинаковых оттиска по два на противоположных сторонах (рис. 1,16)
13.	Зап.-81. Оп. № 158	Гермес. ВП (рис. 1,4)
14.	Зап.-81. Оп. № 160	Треножник. ВП (рис. 1,7)
15.	Зап.-81. Оп. № 155	Птица. Два одинаковых оттиска на ВП (рис. 1,8)
16.	Зап.-84. Оп. № 19	Атакующий воин со щитом и копьем. ВП (рис. 1,6). <i>Кругликова И.Т.</i> О гончарной... (рис. 3,4)
17.	Зап.-84. Оп. № 73	Геракл с палицей. ВП (рис. 1,14)
18.	ГК-88. Оп. № 383	Стоящая фигура. ВП (рис. 1,3)
19.	Зап.-84. Оп. № 25	Стилизованное изображение воина. ПС (рис. 1,21)
20.	Зап.-81. Оп. № 38	Эрот с луком. У ног птица. ВП (рис. 1,5)
21.	Зап.-81. Оп. № 334	Вдавленное стертое нечитаемое буквенное клеймо. ПС (рис. 1,18)
22.	Зап.-84. Оп. № 48	Розетка. ВП (рис. 1,15)
23.	Зап.-84. Оп. № 72	Кадуцей и сандалия (?). ВП (рис. 1,11)
24.	ГК-88. Оп. № 515	Тамгообразный знак. Поврежденное клеймо прямоугольной формы. ПС
25.	Горг.-76. Оп. № 7	Тамгообразный знак на дисковидной подвеске
26.	Зап.-81. Оп. № 398	Спираль. ВП (рис. 1,2)
27.	Горг.-77. Оп. № 86	Граффити АК на дисковидной подвеске
28.	Зап.-81. Оп. № 161	Знак из точечных отверстий в виде крюка. ВП
29.	Набережная-81. Оп. № 11	Углубление, окруженное точечными отверстиями. ВП
30.	"Океан"-82. Оп. № 158	Буква А. ПС (рис. 1,19)
31.	ГК-88. Оп. № 519	Граффити "Ερμῆς". ПС (рис. 1,20)
32.	Горг.-75. Некрополь, оп. № 20	Бородка ключа. ПС (рис. 2,7)
33.	Горг.-77. Оп. № 48	Бородка ключа. ПС (рис. 2,8)
34.	Горг.-77. Оп. № 94	Бородка ключа. ПС
35.	Зап. II-79. Оп. № 120	Бородка ключа. ПС (рис. 2,4)
36.	Зап. II-79. Оп. № 14	Бородка ключа. По одному одинаковому оттиску на всех четырех сторонах (рис. 2,9)
37.	Зап. II-79. Оп. № 221	Бородка и кольцо ключа. ПС (рис. 2,1)
38.	Зап. II-79. Оп. № 238	Бородка ключа. По одному одинаковому оттиску на двух боковых сторонах (рис. 2,3)
39.	Зап. II-79. Оп. № 239	Бородка и кольцо. На боковой стороне (рис. 2,2)
40-42.	Зап.-80. Оп. № 466; Зап.-81. Оп. № 159; ГК-88. Оп. № 636	Бородка ключа. ВП
43.	Зап.-81. Оп. № 178	Бородка ключа на боковой стороне
44, 45.	ГК-88. Оп. № 241, 213	Бородка. ПС (рис. 2,5 и 2,6)

* ПС — на одной из сторон. ВП — на верхней плоскости грузила.

**В приложении не вошли нечеткие оттиски, а также те, которые автору в подлиннике увидеть не удалось.

- ¹ О типах и датировке подвесок см.: *Кругликова И.Т.* Рамесленное производство простой керамики Пантикапей // МИА. 1957. № 56. С. 134—136; *Онайко Н.А.* О фанагорийских грузилах // МИА. 1956. № 57. С. 154—160; *Ветштейн Р.И.* Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Ольвия. Киев, 1975. С. 182, 183; *Каменецкий И.С.* Глиняные конусы Подазовского городища // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 139—148; *Goldman H.* The Acropolis of Halae, Loom-Weights // *Hesperia*. 1940. Т. 9. P. 509—514; *Davidson G.R., Thompson D.V.* Small objects from the Phyx, types of athenian pyramidal loom-weights // *Ibid*. 1943. Suppl. VII. P. 65—94.
- ² *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. 1952. № 25. С. 395—414; *Он же.* Илурат // МИА. 1958. № 85. С. 143, 144.
- ³ *Онайко Н.А.* О фанагорийских грузилах.
- ⁴ *Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса // Археологические памятники Нижнего-Подонья. М., 1974. С. 164.
- ⁵ *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу... С. 396, 399.
- ⁶ *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 93; *Тихий М.И.* Анчоус Херсонеса Таврического: (Исторический очерк). Пг., 1917. С. 35—37.
- ⁷ См., напр.: *Алексеева Е.М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия I. Краснодар, 1980. С. 40, рис. 12; *Каменецкий И.С.* Глиняные конусы... С. 144—146, рис. 3, 4.
- ⁸ *Сокольский Н.И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 135—137; *Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 92; *Каменецкий И.С.* Глиняные конусы...; *Зуйков Ю.В.* К вопросу о пирамидальных грузилах // Древнее производство: Ремесла и торговля по археологическим данным: Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988. С. 56.
- ⁹ *Максимова М.И.* Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати // МИА. 1956. № 50; *Никулина Н.М.* Памятники античной глиптики из Фанагории // СА. 1956. № 2. С. 185—196.
- ¹⁰ *Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б.* Раскопки... С. 168, табл. 38; *Гайдукевич В.Ф.* Илурат. С. 38, рис. 22, 1—5.
- ¹¹ См., напр.: *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу... С. 411, табл. I, 1—3; С. 414, табл. IV, 1—3; *Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 144, № 250.
- ¹² *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 79, рис. 26.
- ¹³ Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. 1966. Вып. Г1—20. С. 16, 18, табл. 13,7,8; 19, 2—4; 23,1; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938. С. 28, рис. 19.
- ¹⁴ *Кругликова И.Т.* О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 219, 220, рис. 3,3,4.
- ¹⁵ *Максимова М.И.* Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 251, 252; *Она же.* Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 438.
- ¹⁶ *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу... С. 408.
- ¹⁷ Керамическое производство... С. 19, табл. 23, 2—6; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 31, 32; *Сокольский Н.И.* Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 265—270; *Максимова М.И.* Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. 1962. № 103. С. 190—195.
- ¹⁸ Ср.: *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу... С. 408; *Онайко Н.А.* О фанагорийских грузилах. С. 160.
- ¹⁹ Ср.: *Гайдукевич В.Ф.* К вопросу... С. 409, 410.

Н.К. БЕЛАЯ

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ МИРМЕКИЯ

Среди многочисленных терракот, обнаруженных при раскопках Мирмекиа за последние годы, привлекает внимание чрезвычайно интересный образец хорошо известного на Боспоре типа статуэток с подвесными ногами, так называемых марионеток (М/86—4306). Одна из них была найдена в 1986 г. на участке С, на полу помещения V, датируемого III в. н.э. Исследователи боспорской корoplastики В.В. Шкорпил, В.Ф. Гайдукевич, И.Д. Марченко, М.А. Наливкина¹ и многие другие упоминают аналогичные памятники духовной культуры под названием гротесков.

Данная статуэтка представляет собой сочетание двух фигур: мужской — с подвесными ногами и стоящей женской, укрепленной на груди первой. Она склеена на 55 обломков. Общая высота статуэтки 18 см, женской фигурки — 10 см. Терракота выполнена из хорошо отмученной, плотной глины, коричневато-оранжевого цвета, характерной для керамических изделий Боспора (рис. 1, 2).

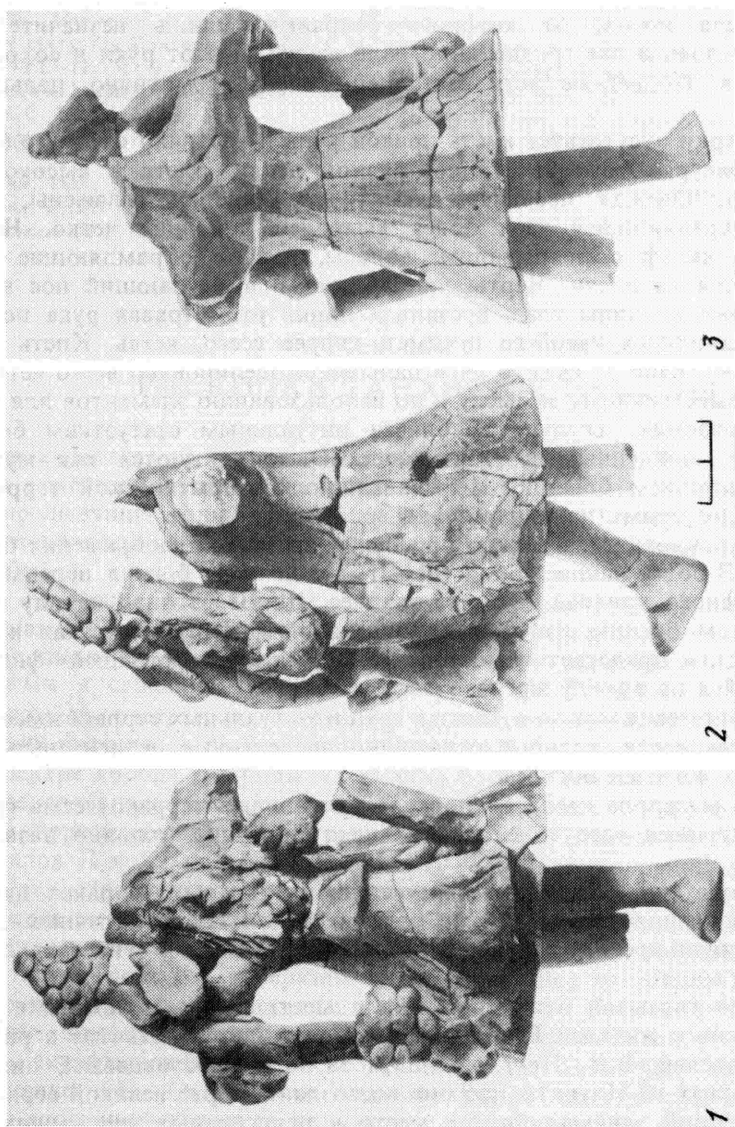

Рис. 1. Фигуральная терракота из Мирмекия

Рис. 2. Фото статуэтки (1—3)

У мужской фигуры отбиты голова, левая рука, частично кисть правой руки, нижняя часть одной из ног. Статуэтка сделана из двух половинок, оттиснутых в формах, швы тщательно заглажены. Поверхность заглажена стэкой и залощена. Внутри фигура полая. Одежда, колоколовидно расширяющаяся книзу, выполнена схематично с небольшим выступом спереди для поддержания женской фигурки. Внизу, по бокам одежды имеются два отверстия для стержня, который поддерживал подвесные ноги. Руки разведены в стороны и согнуты в локтях. Правая удерживает поднятую виноградную лозу с кистями винограда. Левая, возможно, держала посох, от которого сохранился лишь незначительный фрагмент. Посох, лоза и две грозди винограда вылеплены от руки и сохранили отпечатки пальцев. Подвесные ноги выполнены очень схематично, пальцы не обозначены.

У женской фигурки отсутствует кисть правой руки и частично отбит головной убор. Женская фигурка тоже, очевидно, ручной лепки, одета в высоко подпоясанный хитон. Одежда передана схематично, складки сглажены, лишь фрагментарно сохранившийся узел пояса вылеплен довольно четко. На голове — высокий калаф с покрывалом; волосы, пышно обрамляющие лицо, прядами спускаются на плечи. Черты лица условны: выступающий нос в виде защипа, намеченные впадины глаз, врезанная линия рта. Правая рука поднята вверх, в левой находился какой-то предмет, скорее всего, ветвь. Кисть левой руки передана схематично — вместо пяти пальцев смоделировано всего четыре.

По своему художественному замыслу и по использованию элементов для лепки деталей рассматриваемая скульптура близка ритуальным статуэткам боспорских коропластов, найденным в Пантикапее. Они трактуются как мужские фигурки с изображением богини². По сравнению с мирмекийской терракоты из Пантикапея более примитивны и условны.

На терракотах данного типа можно проследить развитие изображения богини на груди жреца. В более раннее время (III—II вв. до н.э.) богиня передается в виде антропоморфного прилепа, в более позднее (II—III вв. н.э.) наряду с аналогичным прилепом богиню изображали отдельной фигуркой в руках жреца³. Богиня из Мирмекия предстает самостоятельной, отдельно стоящей фигурой, хотя и опирающейся на одежду жреца.

Терракоту из Мирмекия можно отнести к группе ритуальных терракот местного боспорского производства, которые отражали определенные религиозные представления местных жителей Боспора.

И.Д. Марченко выделила среди боспорских ритуальных терракот семь групп⁴. Статуэтку из Мирмекия следует отнести к шестой группе, условно названной группой жрецов.

Многие исследователи, обращаясь к изучению ритуальных терракот данного типа, обращали внимание на их резкое отличие от обычных античных типов, подчеркивая оригинальность и варварский облик⁵, хотя истоки этих скульптурок лежат в античном мире⁶.

М.И. Ростовцев связывал эти терракоты с местными религиозными верованиями и суевериями жителей Боспора. Эта мысль нашла развитие в работах многих исследователей. В.И. Пругло, следуя за М.И. Ростовцевым, пишет о нескольких статуэтках из Илурата, что они воссоздают образ великой верховной богини, культ которой занимал видное место в религиозных верованиях обитателей Боспора⁷. И.Т. Кругликова выделила для III в. н.э. два типа изображений верховного женского божества (сидящей и стоящей богини)⁸.

Следует согласиться с мнением этих исследователей, что изображение обобщенного образа женского божества, сложившегося в боспорской коропластике ранее⁹, продолжало существовать и развиваться в первые века нашей эры. Безусловно, эти изображения были связаны с земледельческим, явно синкре-

тическим культом плодородия. Очевидно, и терракотовая статуэтка из Мирмекия относится к тому же кругу верховного женского божества. Она не имеет прямых аналогий, отличается оригинальностью и неплохим художественным качеством исполнения.

- ¹ Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. СПб., 1904. Вып. 9. С. 149; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство: М., 1949. С. 390; Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // САИ. М., 1974. Вып. Г1—11. Ч. 3. С. 38; Наливкина М.А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25. С. 342.
- ² Марченко И.Д. Марионетки... Табл. 55, 7, 8; 56, 1.
- ³ Там же. Табл. 55, 7; 56, 1; 55, 8.
- ⁴ Там же. С. 38—46.
- ⁵ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге

России. Пг., 1918. С. 178; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 391; Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре в II—III вв. н.э. // Культура античного мира. М., 1966. С. 114.

- ⁶ Сазанов А.В. Происхождение одной группы боспорской ритуальной терракоты // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 21.
- ⁷ Пругло В.И. Терракоты из Илурата // САИ. М., 1970. Вып. Г1—11, ч. 2. С. 116.
- ⁸ Кругликова И.Т. О культе... С. 110—115.
- ⁹ Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 111, 112.

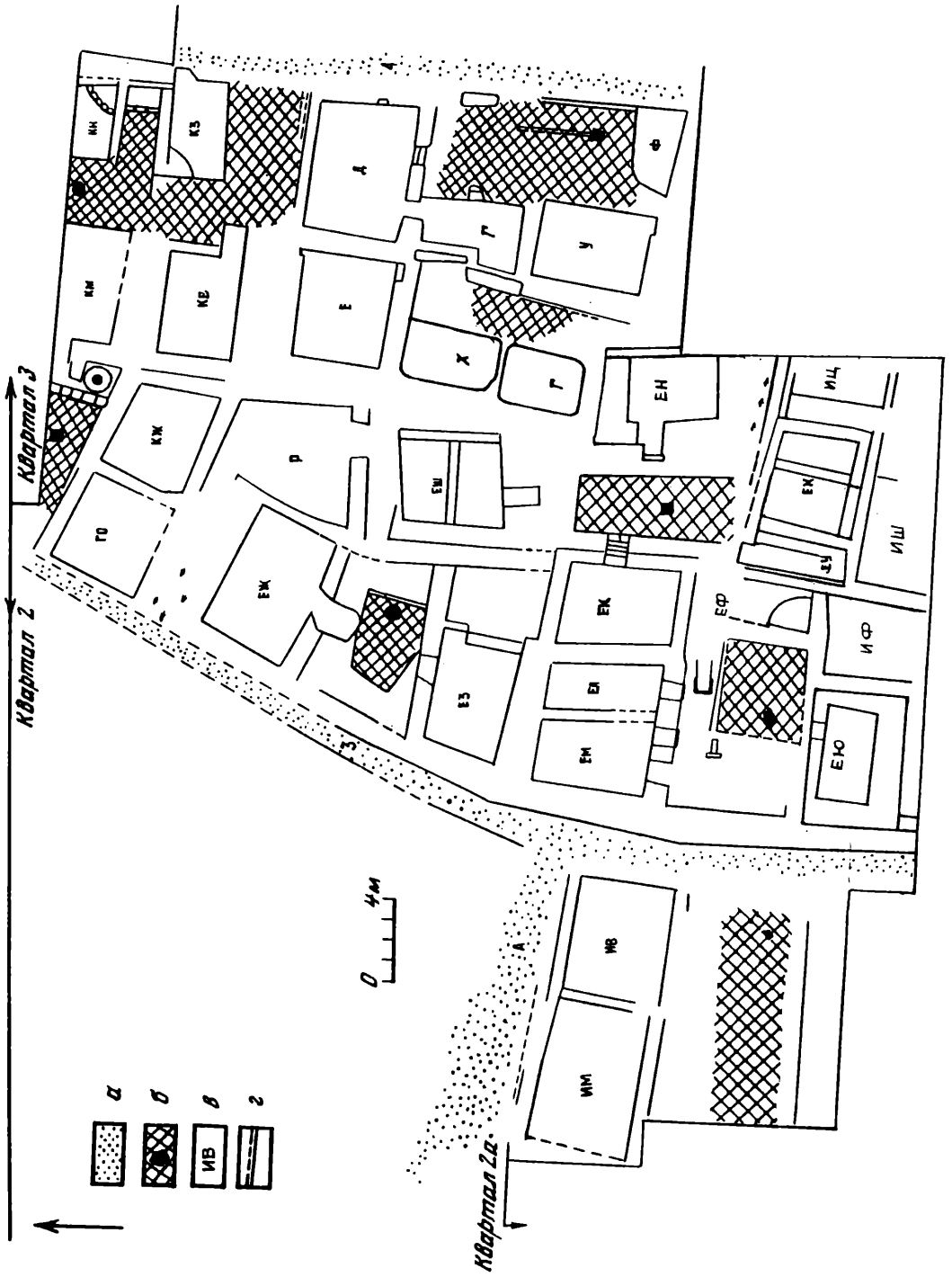
Т.М. АРСЕНЬЕВА, С.А. НАУМЕНКО

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1985—1989 гг.

Нижне-Донская экспедиция Института археологии и Ростовского областного музея краеведения продолжала исследование древнего Танаиса. Раскопки, как и в предыдущие годы, проводились на основном четырехугольнике городища и на некрополе — на участке к западу от музея "Танаис" на территории его усадьбы¹.

На городище исследовалась западная оборонительная линия города между раскопами VI и IV². В юго-западной его части раскапывались усадьбы с двумя подвальными помещениями, примыкающими к оборонительной стене и разрушенными в середине III в. н.э. (раскоп IV). В одном из подвалов, самом большом из раскрытых в Танаисе, расчищено огромное количество керамики и других находок, погребенных под каменным завалом от рухнувших стен.

В центре города (раскопы VI и XIV) работы велись на нескольких участках. 1. Исследовались слои и сооружения последнего хронологического отрезка жизни города конца IV — начала V в. н.э., находящиеся в южной части кварталов II и III над помещениями II — первой половины III в. н.э. Прослежено два строительных периода позднего города. К первому, более раннему, относится шесть помещений и дворик: ЕГ, ИА, ЕИ, ЕБ, ДЭ, ЕП. Ко второму — одно помещение ИБ и несколько плохо сохранившихся стен полукруглой формы, часто встречающиеся в верхних постройках. Все открытые помещения имели прямоугольную форму, площадь их от 25 до 50 м², стены заглублены в нижележащие слои, два помещения заходили на полотно улицы А и переулка 3 и в значительной мере их повредили (рис. 1). Лучше других сохранилось помещение ЕБ. Оно имело утрамбованный пол, подмазанный глиной. В северо-восточном его углу находилась глинобитная куполовидной формы печь. Под ее был выложен мелкими плоскими камнями, обмазанными глиной. Высота печи 0,45 м, диаметр основания 1,15—1,2 м. Там же находилась круглая каменная зернотерка, многочисленная лепная керамика, фрагменты амфор, рог со следами обработки, пряслице. В соседнем помещении ДЭ была найдена бронзовая витая подвеска с 12-гранной бусиной (рис. 2,1). Следует отметить, что в IV—V вв. н.э. наблюдается достаточно плотная застройка этого участка, но она хаотична,

улицы и переулки между домами проследить не удалось, нарушена планировка города II—III вв. н.э.

2. Продолжались работы по расчистке широтной улицы А (раскоп VI). Исследование ее проводилось в течение нескольких лет, однако плохая сохранность из-за разрушений в IV—V вв. не позволяет должным образом раскрыть ее на всем протяжении. Стратиграфию улицы удалось проследить на западном участке. Здесь выявлено, что улица была проложена не с начального момента основания города: под самым нижним ее слоем находились жилые слои и хозяйственные ямы, выкопанные в материке и засыпанные при прокладке улицы мусорным грунтом с мелкими обломками чернолаковой керамики III в. до н.э. Нижнее полотно улицы составляют два слоя плотно утоптанной щебенки с фрагментами керамики толщиной до 0,14 м. По северному краю, плотно смыкаясь со щебенкой и явно синхронно ей, лежали плоские каменные плиты, образующие заметную четкую линию бордюра. На отдельных участках уцелели камни и южного бордюра первого периода функционирования улицы. Дневная поверхность эллинистической улицы горизонтальна. Фрагменты керамики, главным образом родосских амфор, позволяют датировать нижнюю уличную подмостку концом III—II вв. до н.э. Следующий слой уличного полотна представляет собой значительную подсыпку из керамики, камней и глины, сделанную, видимо, одновременно по всей поверхности, толщина ее 0,60—0,70 м. Среди керамики основное место занимают фрагменты светлоглиняных амфор I в. до н.э. — I в. н.э. Верхний слой уличного полотна составляют глина, щебенка и обломки амфор II—III вв. н.э., толщина его 0,30—0,40 м. Так же как на нижнем горизонте улицы, южный и северный края ее были обрамлены каменными плитами. Необходимо отметить, что уровень полов наземных помещений и вымосток дворов усадеб, расположенных к северу от улицы, залегает ниже уровня улицы II—III вв. н.э. на 1—1,5 м и чем ближе к западной оборонительной стене, тем больше эта разница.

3. В первом квартале города доследовалось помещение ВГ первой половины III в. н.э.³ Под полом помещения находился подвал I в. н.э., перекрытый сырцовыми кирпичами, а ниже частично раскрыт подвал III—II вв. до н.э., вырубленный в скале. Восточная его часть не исследована, она находится под стенами I в. н.э. и первой половины III в. н.э. В подвале находились родосская амфора с клеймом на ручке и чернолаковый сосудик на ножке, украшенный накладной росписью, нанесенной белой краской и разбавленной желтой глиной, в виде ожерелья с зерновидными подвесками, цветочными гирляндами, морской волной и дельфинами. Это пока единственный подвал начального периода жизни города. Большая часть построек этого времени не сохранилась, так как была уничтожена при реконструкции города и строительстве глубоких подвалов во II—III вв. н.э.

В квартале II а, расположенном к югу от широтной улицы и к западу от переулка 3, начато исследование усадьбы 15 (рис. 1). Открыт мощный плитами дворик, вытянутой прямоугольной формы, с цистерной в восточной части. Дворик выходил в переулок 3. С северной стороны дворика находилось два помещения — ИМ и ИВ. К северной стене помещений примыкал водосток, проложенный в I в. н.э. вдоль южного полотна улицы. На западе усадьба разрушена траншеей П.М. Леонтьева. На юге она пока не исследована. Помещение ИМ имело площадь 28 м². Оно наземное, пол неровный, в полу прослежено пять хозяйственных ям, заполненных мусором. Основную массу находок

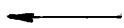

Рис. 1. План городских кварталов II и III вв. н.э., раскопы VI и XIV (восточную и западную части раскопов см.: КСИА, 1989. Вып. 191. С. 76, 77. Рис. 1)

а — улица и переулок; б — дворы с цистерной; в — помещения; г — водостоки

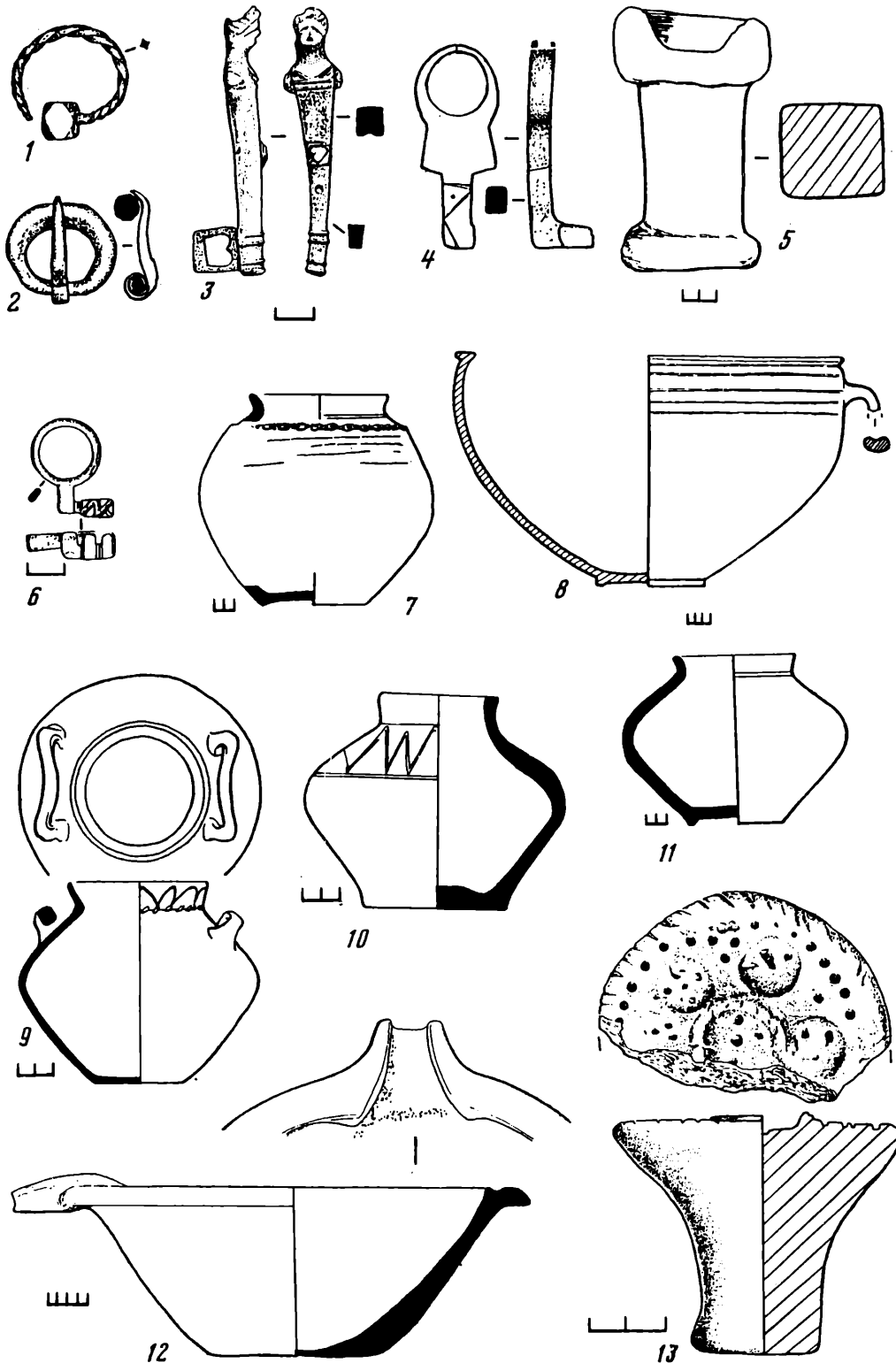

Рис. 2. Предметы из раскопов

составляли амфоры II — первой половины III в. н.э., среди других находок следует выделить глиняный штамп (рис. 2, 13). Подобные штампы встречались в Танаисе, применение их связывается с оттискиванием узоров на культовых хлебцах⁴. Основную площадь помещения ИВ занимал подвал, составлявший 24 м². Стены его каменные, пол — подтесанная скала. В полу была вырублена колоколовидной формы яма около 1 м глубиной, заполненная мусорным слоем с камнями и большим числом черепов и костей животных, среди них кости лошади, свиньи, лис, волка, зайца, степного хоря и овцы. Подвал был завален огромным количеством камней, находок в нем почти не было.

В третьем квартале были полностью исследованы три усадьбы: 16, 17 и 18.

Усадьба 16 находится в западной части квартала — примыкает к переулку 3. Она состоит из двора и двух помещений ЕЖ и ЕЗ с подвалами (рис. 1). Двор трапециевидной формы, площадь его 26 м², центральная часть выложена каменными плитами, восточная, видимо, была перекрыта навесом. Помещение ЕЖ расположено к северу от дворика, сохранился подвал, он имеет выход во дворик, на полу его лежал железный замок с вставленным в него ключом, тут же найдены маленькое золотое колечко, бусы и три светлоглиняные узкогорлые амфоры. В подвале обнаружены красноглиняная амфора⁵, развалы лепных горшков, серолощенные кувшины, миски, горшок (рис. 2, 7), обломки лутерия. Среди прочих находок следует отметить железный канделябр⁶, нож и пять монет первой половины III в. н.э. Помещение ЕЗ, к югу от дворика, состояло из двух частей: наземной, занимающей восточную половину (площадь 11 м²), и подвала в западной половине (площадь 14,3 м²) — наземное помещение над ним не сохранилось. Восточная наземная часть имела, очевидно, выход на крытую часть двора, у подвала выход был устроен в северной стене. В строительстве помещения прослеживается два периода. В первый, который относится ко II в. н.э., помещение ЕЗ было единым. К моменту гибели в середине III в. н.э. оно было разделено на две части. Мусорный слой II в. н.э. в восточной части содержал большое число светлоглиняных амфор II в. н.э. В подвале открыты, наряду с амфорами первой половины III в. н.э., серолощенные сосуды (рис. 2, 8, 11) и лутерий (рис. 2, 12).

Усадьба 17 расположена в юго-западной части квартала, тоже рядом с переулком 3. Она состоит из двора и четырех помещений ЕМ, ЕЛ, ЕЮ и ИФ (рис. 1). Дворик прямоугольный, размером 7,6 × 5 м, центральная его часть вымощена плитами, в юго-западном углу находилась цистерна. На вымостке двора в слое пожара III в. н.э. обнаружены обломки красноглиняной амфоры, бусина и каменный алтарик из ракушечника (рис. 2, 5). В западной немощеной части двора в материке был вырыт небольшой подвал-погреб глубиной 1,7 м, который проходом соединялся с подвалом ЕМ. Восточная стена погреба была выложена мелкими камнями. Находок немного — амфорные и лепные обломки, железные гвозди, лепные конусовидные грузила, обломки стеклянных сосудов и лутерия.

Помещения ЕМ и ЕЛ открыты в северной части усадьбы. Сохранившиеся подвалы разделены между собой узкой и не очень прочной стеной, построенной позднее всех других стен подвалов. Подвал ЕМ, площадью 13 м² имел со стороны дворика вход, второй вход из подвала вел в погреб. В заполнении подвала найдены обломки переносного очага в виде овальной плиты с бортиком, украшенным волютой. Плита покоилась на конусовидной формы ножках с отверстиями, в которые вставлялись палки, позволявшие переносить его с места на место. Там же были найдены обломки светлоглиняных амфор первой половины III в. н.э., черепицы, лепной и серолощенной кружальной посуды (рис. 2, 9), монета Савромата III, бронзовой ключ (рис. 2, 6), железные изделия, цепи, серп, мотыга, нож, замок. Подвал ЕЛ площадью 9 м² имел один выход во дворик.

В подвале находились крупные красноглиняные амфоры, стоявшие вдоль стен, а также светлоглиняные узкогорлые амфоры, сосредоточенные в северо-западном углу в количестве 40 штук. Отметим еще железный нож с костяной рукоятью, обломки стеклянного кубка и красноглиняные сосуды.

Помещение ЕЮ, расположенное южнее дворика, имело подвал размером 8 м², площадь наземной части была около 16 м². Материал из помещения и подвала представлен 10 грузилами из ручек амфор, 19 пирамидальными конусами, лепным светильником, светлоглиняными амфорами, лепными горшками (один из них с орнаментом — рис. 2, 10), восемью широкогорлыми красноглиняными амфорами. Восточнее помещения ЕЮ находилось помещение ИФ размером 6 м². Отмечено два периода его существования: ко II в. н.э. относится нижнее основание пола и большая хозяйственная яма глубиной до 1,1 м. Находок II в. немного, это обломки амфор, лепной и краснолаковой посуды, печины и стеклянных сосудов. В III в. н.э. в помещении были плотные утрамбованные полы, на которых находились развалы красноглиняных и светлоглиняных амфор, краснолаковых мисок, черепицы, гвоздей и ладьевидной формы лепной светильник.

Усадьба 18 находится восточнее усадьбы 17 и является одной из крупных, с неправильной планировкой, близкой к крестообразной форме. Вход в усадьбу с восточной стороны по узкому мошеному проходу, ведущему во дворик 126. Усадьба состоит из двора, четырех помещений с подвалами и одного помещения в виде кухни с очагом. Дворик правильной прямоугольной формы площадью 7 × 2,6 м, вытянут с севера на юг. Мошеная его часть составлена из крупных плит, со всех сторон прослежена отмостка, в южной части двора находилась цистерна. Помещение ЕШ — в северной части усадьбы, площадь его 14 м² (рис. 1). Помещение открыто под мощным каменным завалом, уничтожившим его наземную часть. В подвале заметны следы значительных перестроек. В ранний период существовала стена, делившая подвал на восточную и западную части. Затем стена была разобрана и от нее сохранились только отдельные камни. Вход в подвал был со стороны дворика. Подвал был завален камнями и обломками керамики II—III вв. н.э. Среди находок две монеты Риметалка и обломок серолошенной кружки с ручкой в виде кабана.

Подвал ЕК площадью 16 м² находится к западу от дворика. Пол его вырублен в скале, вдоль стен имеется уступ. Вход в подвал вел со стороны дворика и был выложен камнями в виде ступеней. На верхней ступени обнаружена пряжка (рис. 2, 2). Подвал был заполнен слоем пожара. Из находок отметим множество лепных пирамидальных конусов, обломки переносного очага, развалы лепных горшков, двойной денарий Ининфимея и сестерций Савромата I. На дне подвала вдоль стен стояли светлоглиняные и красноглиняные амфоры, многие из которых редких типов.

Наземное помещение ЕФ имело выход в северо-восточном углу на вымостку двора по ступеням. В помещении прослеживается два уровня полов. К нижнему уровню относится печь в юго-западном углу, она, видимо, имела глиняный купол и перегородку, причем купол поддерживался с помощью столба, в качестве которого использовался керамический конус с надетым на него горлом красноглиняной амфоры. На полу открыта небольшая яма для золы, где стоял железный треножник, а также светлоглиняная амфора середины III в. н.э. и лепные горшки. Там же найдена монета — статер Рискупорида V. Позднее произошло наращивание пола, особенно в южной части, там он перекрывал все более ранние находки. На этом верхнем участке пола открыты квадратная зернотерка на прямоугольном камне и обломки светлоглиняных амфор первой половины III в. н.э.

Подвал ЕН площадью 9,5 м² раскрыт к востоку от дворика, в северной части сохранились остатки наземного помещения с плотно утрамбованным

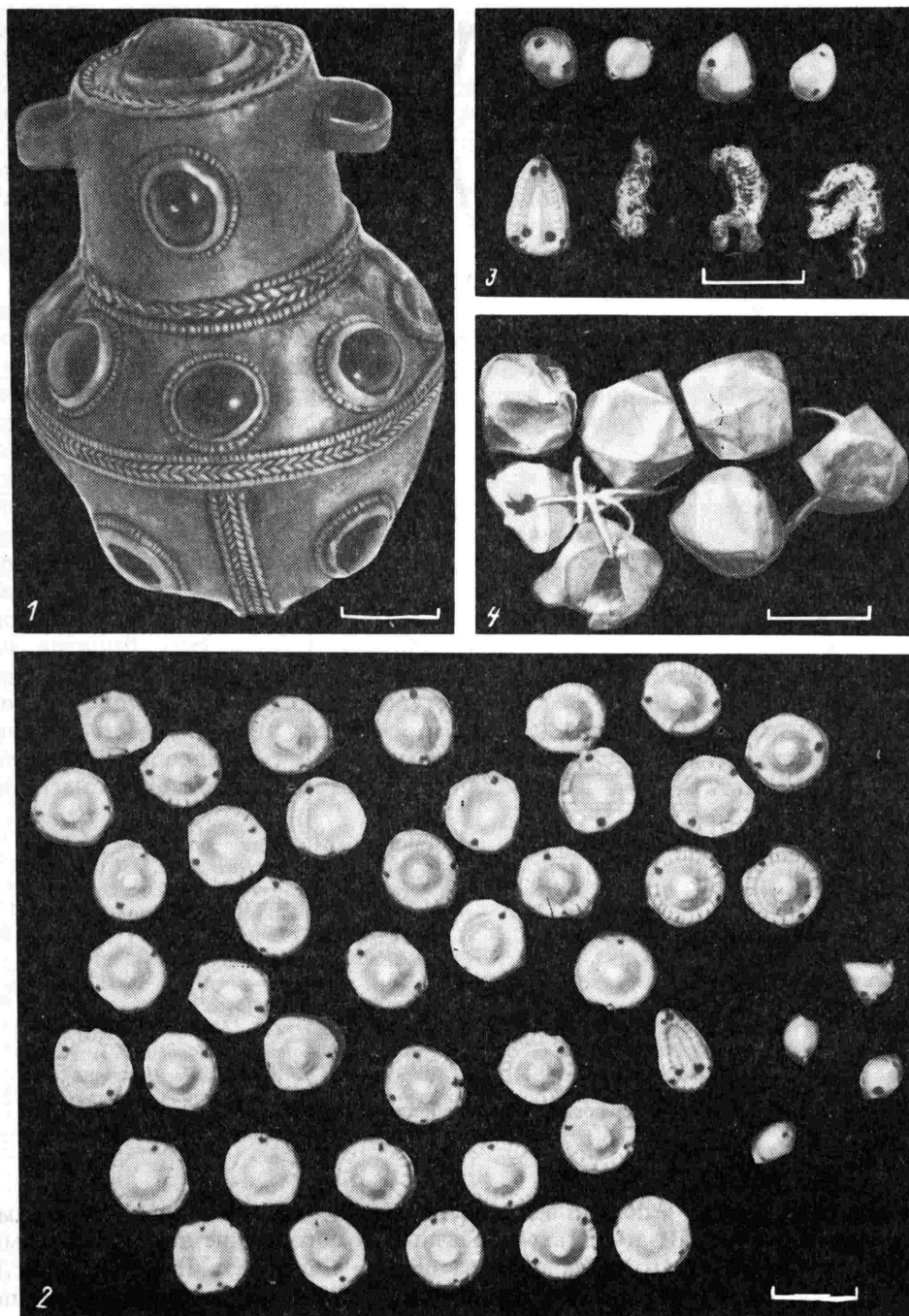

Рис. 3. Предметы из серебра (1) и золота (2-4)
 1 — флакон; 2, 3 — бляшки; 4 — бусы

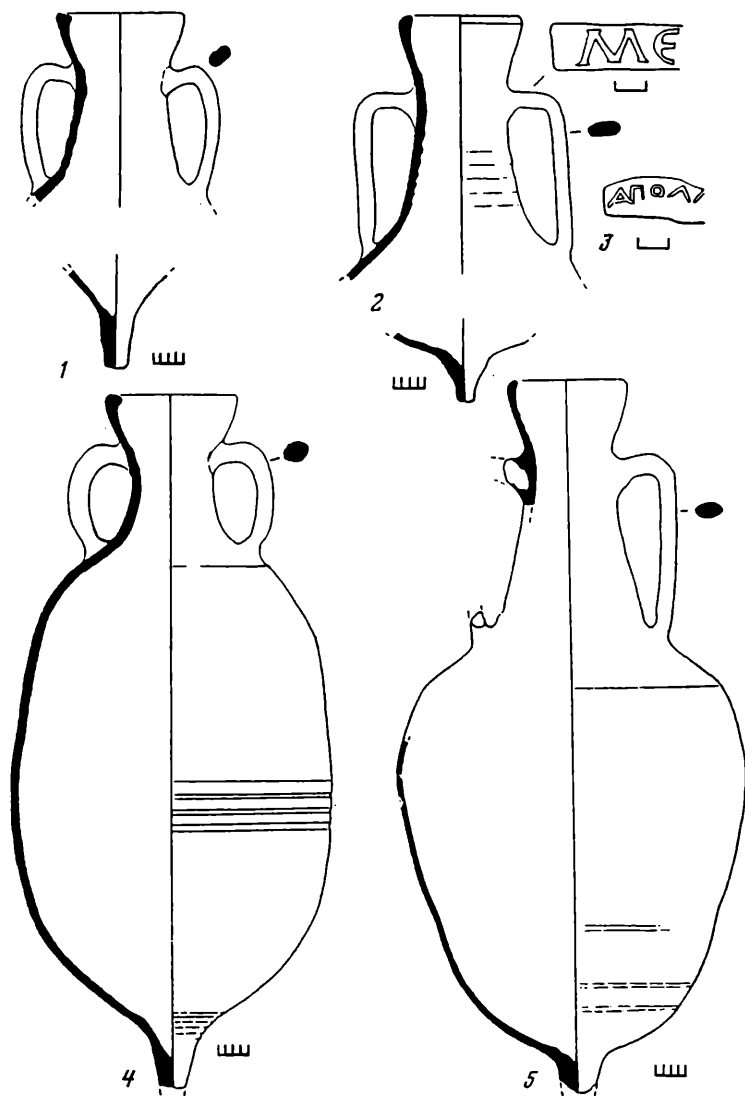

Рис. 4. Амфоры с воронкообразным горлом

глинистым полом. Вход в подвал вел с двора по четырем глиняным ступеням, укрепленным камнями. В засыпи входа расчищены обгоревшие доски с вбитыми гвоздями. В верхней части входа найдена драхма Савромата II (196—210 гг.). Подвал был заполнен слоем пожара с упавшими со стен камнями. В слое засыпи много интересных находок: обломки бронзовых сосудов, видимо, кувшина и чаши, фрагмент бронзового зеркала, железные цепи, бронзовые шлаки, ключ (рис. 2, 3), несколько стенок стеклянных фиал, светильник, гончарные кувшины и железный замок. Кроме того, у входа найдены россыпь золотых дурых бус и бус из сердолика и хрусталя, нашивные золотые бляшки (рис. 3, 2—4), а также серебряный флакончик с туловом яйцевидной формы и цилиндрическим горлом с крышечкой. На плечиках его тулова и на крышечке с двух сторон имелись

петельки, через которые была пропущена серебряная цепочка. Сверху крышечка украшена круглой рельефной вставкой, тулово опоясывают золотые проволочки, тулово и крышечку орнаментируют гранатовые вставки (рис. 3, 1). Серебряные флаконы близкой формы, но без украшений встречались в могилах Танаиса I в. н.э.⁷ По времени и по украшению флакон более всего напоминает золотой флакон из керченского погребения, связываемого с боспорским царем Рискупоридом III⁸. Тут же найдено 20 монет: два динария Рискупорида III, один статер Ининфимея и 17 статеров Рискупорида V⁹. У стен стояли амфоры с зерном и небольшой пифос с остатками рыбьих костей.

Подвал ЕХ располагается в южной части усадьбы. Наземная часть помещения не сохранилась. В подвале прослежены следы перестроек. До конца он не доследован, но уже ясно, что в нем находился склад амфор. Все амфоры были пусты, многие из них стояли вверх дном, на большинстве имелись надписи, нанесенные красной краской. Больше всего амфор с воронковидным горлом, представленных двумя вариантами, с короткими и длинными ручками. Глина их розоватая или желтоватая с блестками слюды, плотная. Некоторые амфоры имеют на ручках клейма (рис. 4, 1—5). Вторую группу составляют толсто-стенные сиреневоглиняные или красноглиняные амфоры с коническим туловом, широким горлом и валикообразным уплощенным венчиком. Третья группа — это красноглиняные амфоры с конусовидной ножкой, треугольным в сечении венчиком и едва профилированными овальными в сечении ручками. На внутренней поверхности эти амфоры имеют черный смолистый налет и такие же разводы на внешней поверхности. Среди других форм выделяются красноглиняные амфоры, покрытые светлым ангобом. Они имеют короткое цилиндрическое горло с округлым венчиком, вытянутое ребристое тулово и длинную конусовидной формы ножку. Ручки амфоры невысокие "ложнодвуствольные", угловатых очертаний, сплющены в месте изгиба¹⁰. Кроме амфор, в подвале найдено много обмазки, куски жаровен переносного очага и железные гвозди.

¹ В работе экспедиции в разные годы принимали участие Т.М. Арсеньева, А.И. Анисимов, Д.В. Деопик, Л.М. Казакова, С.А. Науменко, М.М. Уразова, К.А. Семина и др.

² *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в 1981—1984 гг. // КСИА. 1989. Вып. 191. С. 75 и след.

³ *Арсеньева Т.М.* Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 101, рис. 1.

⁴ *Шелов Д.Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса // ДНД. 1965. С. 103, рис. 40.

⁵ См. такую амфору: *Зеест Н.Б.* Керамическая

тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 114, 115, табл. XXXIII, 806.

⁶ *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. С. 134, рис. 7.

⁷ *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса. М., 1961. С. 81, табл. XI, 5, 6.

⁸ *Прушевская Е.О.* Художественная обработка металла // АГСП. 1955. С. 350, рис. 38а.

⁹ Монеты определил А.И. Анисимов.

¹⁰ Такая же амфора: *Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса // АПНИ. 1974. I. Табл. X, 1.

ХРОНИКА

О.Н.УСАЧЕВА

РАБОТА ОТДЕЛА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1989—1990 гг.

Основным направлением работы Отдела являлось исследование античных государств Северного и Восточного Причерноморья и Средиземноморья от архаики до раннего средневековья, выявление их связей с окружающим варварским миром, изучение экономики, культуры, быта, этнического состава населения. Продолжалась работа над вторым томом "Очерков истории и археологии Боспора". В написании книги участвовало большинство сотрудников отдела. Цель работы — обобщение всего нового археологического материала, полученного за последние 20 лет, пересмотр на базе этого основных проблем истории Боспора, в том числе уточнение датировки позднеантичных памятников и в связи с этим установление времени окончательной гибели Боспорского государства. Заново рассматриваются проблемы колонизации, экономических связей с метрополией, с варварским миром и т.д. В "Очерках..." так же освещены темы, посвященные исследованию и интерпретации отдельных памятников — Фанагории, Горгиппии, Танаиса, Патрея, поселения на берегу Азовского моря и др.

Сотрудниками сектора завершены следующие работы: Э.Я. Николаевой "Ильичевское городище и проблемы позднеантичного Боспора" (1989 г.); В.С. Долгорукова "Фанагория второй половины VI—V в. до н.э. (1990 г.); В.К. Голенко "Монетное дело и денежное обращение раннеселевкидского времени" (1990 г.); Ю.В. Горлова "Эллинистический Родос" (1990 г.); Е.М. Алексеевой "Греческая колонизация побережья Северо-Западного Кавказа" (1989 г.); Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова "Археология греческих городов Северного Причерноморья" (по просьбе Высшей нормальной школы, Париж) (1990 г.).

Вышли в свет работы Т.М. Арсеньевой "Светильники Танаиса" (М., 1988 г.); А.А. Масленникова "Население Боспорского государства в первые века н.э." (М., 1990), свыше 50 статей, заметок, тезисов как в периодических изданиях Института археологии (КСИА, СА, АО), так и в зарубежных изданиях.

За отчетный период проведено 43 заседания Отдела, на которых заслушано 48 докладов сотрудников Отдела, археологов из разных городов и учреждений страны (Москвы, Ленинграда, Керчи, Тулы, Владимира, Севастополя, Харькова и т.д.), аспирантов.

Постоянно поддерживаются связи с истфаком МГУ, МГПИ, а также музеями ГИМ и ГМИИ им. А.С. Пушкина (рецензирование, редактирование, оппонирование, совместные плановые темы и задания).

Сотрудники Отдела принимают участие в работе научных конференций и симпозиумов: конференции памяти М.Я. Сюзюмова в Севастополе (1989 г.), конференция памяти М.И. Ростовцева в Ленинграде (1989 г.), конференция памяти И.А. Стемпковского в Керчи (1989, 1990 гг.), I Кубанская археологическая кон-

ференция в Краснодаре (1989 г.), конференция в Куйбышеве (1990 г.), конференция в Севастополе по культуре Византии (1990 г.), XVI Крупновские чтения в Ставрополе (1990 г.), конференция молодых ученых ИА АН СССР в Москве (1990 г.), студенческие конференции ВГПИ во Владимире (1989, 1990 гг.), археологическая конференция в Ростове-на-Дону (1989 г.), Сергеевские чтения (Москва, 1989, 1990 гг.), семинар новостроечных экспедиций в Суздале (1989 г.), семинар археологов в Краснодаре (1989 г.), IV Международный симпозиум по древней истории Причерноморья в Вани (Грузия, 1990 г.), Международный конгресс в Праге "Римский портрет" (1989 г.), Международная конференция на Восточном факультете Неапольского университета (Италия, 1989 г.), Г.А. Кошеленко прочитаны доклады в Лондонском университете, Оксфордском университете и Институте Археологической службы Индии (1990 г.).

На чтениях памяти В.Д. Блаватского, состоявшихся в начале 1990 г. в Москве, с докладами выступили ученые из разных городов страны.

Сотрудники Отдела продолжали полевые исследования в Причерноморье.

Нижне-Донская экспедиция (начальник Т.М. Арсеньева) вела раскопки на городище и некрополе Танаиса. Изучались слои позднего города и верхние слои III в. н.э., на некрополе исследовано 45 погребений.

Ильичевская экспедиция (начальник Э.Н. Николаева) проводила разведку вокруг городища, раскопки у разрушенного вала, доследовала помещение мастерской стеклодува. Прослежена мостовая ворот, переходящая в центральную улицу и переулок.

Херсонесская экспедиция (начальник И.Т. Кругликова) исследовала сельские усадьбы на наделах 37 и 49 на Маячном п-ове, выяснялась планировка земельных наделов.

Патрейская экспедиция (начальники Б.Г. Петерс, А.П. Абрамов) продолжала изучение городища, оборонительных сооружений, исследовались жилые и производственные комплексы.

Восточно-Крымская экспедиция (начальник А.А. Масленников) изучала античные памятники Крымского Приазовья, проводились разведки на Керченском п-ве.

Анапская экспедиция (начальник Е.М. Алексеева) продолжала исследование территории, выделенной для создания археологического заповедника "Горгиппия", вскрыто 1600 м² античного города и 300 м² сельской усадьбы.

Среднеазиатская экспедиция (начальник Г.А. Кошеленко) продолжала раскопки городища Гебеклы (парфянского и раннесасанидское время), раскопки на территории городища Старая Ниса совместно с итальянскими учеными из Туринского университета, а также провела разведки по программе "Археологическая карта Мервского оазиса" совместно с итальянскими археологами из итальянского Института по изучению Среднего и Дальнего Востока (Рим). Основное в работах этого отряда — исследование развития ирригационных систем и систем расселения, характерных для различных периодов.

Южно-Боспорская экспедиция (начальники В.К. Голенко, Ю.В. Горлов) проводила разведки сельской территории эллинистического времени в Восточном Крыму (урочище Опук) по экологической программе АН СССР. Исследовался зольник на цитадели городища, хозяйственный комплекс салтово-маяцкого периода.

Новороссийская экспедиция (начальник А.А. Малышев) вела раскопки могильника IV—II вв. до н.э.

В 1990 г. защищены кандидатские диссертации: В.К. Голенко "Монетное дело и денежное обращение раннеселевкидского государства", Ю.В. Горловым "Эллинистический Родос", В.А. Ганбовым "Археология Северного Ирана в античную эпоху" и докторская диссертация Е.М. Алексеевой "Античный город Горгиппия".

Продолжались работы по формированию мемориального кабинета-библиотеки проф. В.Д. Блаватского.

Отдел античной археологии Института поддерживает активные научные контакты с Высшей нормальной школой (Париж), Французской археологической школой (Афины), Туринским университетом (Италия).

RESÜMEE

Die Beratung "Das Problem der skytho-sibirischen Welt". Diese Beratung wurde in der Abteilung der skytho-sarmatischen Archäologie des Archäologischen Instituts RAW in April 1990 durchgeführt. Die Wissenschaftler des Instituts für Ethnologie, des Staatlichen Historischen Museums und des Museums der Völker des Orients nahmen daran teil.

VORTRÄGE

N.L. Členova. Die Kulturen des skythischen Kreises: die Züge der Ähnlichkeit und des Unterschieds. Das Gebiet Sajano-Altaj in skythischer Welt.

"Der Kreis der Kulturen des skythischen Typs" vereinigt einige Kulturen in der Steppen und Waldsteppen, im Vorgebirge und Gebirge von Ukraine bis Mongolei und teilweise im Nord-China (Ordos), die ungefähr VII—III Jh. v. datiert wurden. Die Verbreitung der Eisenwaffen, das Nomadenleben, der frühklassischen Gesellschaft sind für diese Kulturen charakteristisch. Zwei Areal der meiste Kulturähnlichkeit: östliches (Ost-Europa) und westliches (Kazachstan, Sibirien, Tuva, Mongolei und Ordos) — wurden abgesondert. Das uralte Zentrum der Bildung der Kulturen sich befand auf dem Territorium des Nahen Ostens und Irans, aber im skythischen Zeitabschnitt war es in Kazachstan.

L.T. Jablonskij. Die Kulturen des sakischen Typs auf dem Territorium des Mittelaltens und Kazachstan. Die Einheit oder die Manigfaltigkeit?

Der Autor zweifelt an der Möglichkeit der Existenz der Einheit der skytho-sibirischen Welt.

M.G. Moškova. Die strittigen Fragen der Konzeption "der skytho-sibirischen Welt".

Die Ähnlichkeit der einigen Gegenstände der Materialkultur der Nomaden zeugt keinesfalls von der "Einheit" oder der "Gemeinsamkeit" dieser Wandergebilden. Die Nahe einiger Inventarformen und einzelner Züge der Bestattungzeremonie wurde durch Existierung der Gesetzen der Entwicklung der Gesellschaften der Nomadenvölker bedingt. Die Existierung der staatlichen Gebilden oder "der Nomadenzivilisation" im Milieu der eurasischen Nomaden hat kein Beweisgrund.

A.I. Meljukova. Ein Blick von Skythien auf die skytho-sibirische Einheit.

Man darf nicht die skythischen Kultur nicht nur von Zentralasien sondern auch von anderen Zentren der östlichen Region der eurasischen Steppen ableiten. Die Formen und die Ornamentierung der ähnlichen Gegenstände sind nicht identisch. Einzelne Elemente der skythischen Kultur entstanden in verschiedenen Orte und Stellen und möglicherweise in verschiedener Zeit. Es sei die von den Völker der Bronzezeit gestammten Traditionen und die Lehngüter, die als die Ergebnisse der Migrationen und anderer Ursachen entstanden, bestimmt. Die Behauptung von A.I Martynov über die Existierung in Eurasien in V—II Jh. v. eine besondere nomadischen Steppenzivilisation, über das Vorhandensein der skytho-sibirischen Einheit hat die Widersprüche herforgeruft. Die vorgeschlagene Chronologie der historischen Prozesse, die mit der Formierung und der Entwicklung der Kulturen der skytho-sibirischen Welt zusammenhängt, ist zweifelhaft.

DISKUSSION

D.S. Rajevskij. Die kulturgeschichtliche Einheit oder das Kulturkontinuum?

Die archäologisch fixierende Ähnlichkeit der eurasischen Kulturen ist ein Ergebniss der Umstellung der Gegenstände, der Ideen und der Menschen. Die Einwirkung dieser Faktoren in den verschiedenen Teile der Region war unähnlich. Es sei die Gesamtheit der Kulturen als ein "eurasisches Kulturkontinuum" der Skythenzeit bezeichnet. Die Kulturunifizierung wurde von der Ähnlichkeit der Sozialsystem und dem Vorhandensein der wendigen Kriegsscharen stimuliert. Darum die Verbreitung der "skythischen" Triade ist ein stadiale Merkmal.

V.G. Petrenko. Einige chronologischen Fragen und die Züge der Ähnlichkeit der Bevölkerung der eurasischen Steppen der frühskythischen Zeit.

Der Terminus "der skythischen Welt" entspricht mehr dem Begriff der Gemeinsamkeit der Kulturen. Er fasst sowohl nomadische als auch ansässige Völker (die tagarische, maiotische und kobanische Kulturen) um. Die Anfang der frühskythische Periode im Nord-Kaukasus darf man die Grenze VIII—VII Jh. v. zuschreiben.

M.I. Itina. Ostliches Aral-Gebiet und das Problem "der skytho-sibirischen Welt".

Es handelt sich um der Viehzucht treibenden Ansiedlungen der Amirobad-Kultur, die im Unterlauf des Amudar'ja Flusses und im Gebiet des Deltas des Syrdar'ja Flusses verbreitet wurden. Die alljährliche Nomadisieren hat im Gebiet des Flusses Syrdar'ja im Laufe der vielen Jahrhunderte eine derselbe Richtung.

I.L. Kyzlasov. Über Einheit der Kulturen der Steppenzone des Eurasiens.

Die Besonderheit "der skytho-sibirischen Einheit" als eine historische Etappe der Wechselwirkung zwischen der Steppe-Bevölkerung und ihre Nachbarvölker besteht hauptsächlich nicht nur im Unterschied der kultur- und wirtschaftlichen Typen als auch in anderen Möglichkeiten und Eigenheiten der Entwicklung der Kommunikationen und der Verkehrsmittel, in der Spezifik der stepplichen Hanselswege.

V.A. Bašilov. Darf man "die skytho-sibirische Welt" als "eine Zivilisation der Nomaden" betrachten?

In archäologischer Kultur der skytho-sibirischen Welt gibt es kein einziges Merkmal der Zivilisation, das von G. Child und anderen Autoren in Worte gefasst wurde.

L.T. Jablonskij. Zur Frage über das Sinninhalt einiger archäologischen Begriffe.

Es sei von der Anwendung in Archäologie der Termini "eine Einheit" und "eine ethnokulturelle Gesamtheit" zurückzunehmen. Das Terminus "eine Kultur-Provinz" hat in Ethnographie andere Bedeutung als in Archäologie. Die Inhalte der Begriffe "historisches Kultur-Gebiet" oder "historische Kultur-Gesamtheit" sind nicht äquivalent. Der Begriff "eine Kultur-Welt" in Archäologie fasst eine geographische Region, die von heterogener Bevölkerung bewohnt wurde, um Innerhalb der Region geschehen viele tatkräftige Wechselwirkungsprozesse der Elementen der materiellen und geistigen Kulturen.

M.G. Moškova. Über ein Herangehen zur Entscheidung des Problems der "skytho-sibirische Welt".

Die Zuschreibung der Anan'ino-Kultur zur skytho-sibirischen Welt ist strittig. Es sei bei der Zuschreibung der Anan'ino-Kultur zur skytho-sibirischen Welt auf andere Merkmal ausser dem vorhandensein der skythische Triada Rücksicht zu nehmen.

A.I. Meljukova. Über die Eigenschaften des Wirtschaftsystems und der Lebensweise im westlichen Teil der skytho-sibirischen Welt.

Die strittigen Fragen des Vortrages des Autors wurden erklärt.

V.P. Alexeev. Ein paar Worten über die "skytho-sibirische Welt".

Man darf nicht die skythische eurasische Welt als einheitliche archäologische Kultur betrachten. Die iranische Sprachangehörigkeit ist unbestreitbar nur für die europäischen Skythen, möglich ist für die Pamir-Saken, aber für anderen Völker des besprechenden Areals ist beweislos.

ARTIKEL

M.G. Gusakov. Die Hauptergebnisse und die Problemen der Erforschung der Altertümer der Zarubinezki-Kultur.

Es handelt sich um die Ergebnisse der Erforschung der Zarubinezki-Kultur, die auf dem Territorium Mittlerem und teilweise Oberen Dnepr in der Zeitspanne zwischen der Mitte II Jh. v. und der Mitte I Jh. v. verbreitet wurde.

A.M. Oblomskij, T.V. Timašewič. Über die Kontakte der spätzarubinezki Bevölkerung der Wasserscheide Dnepr und Don mit den Sarmaten von Don-Gebiet.

Die Keramik von der 15 Ansiedlungen, die sich im Oberlauf Seim, Psöl, im waldstepplischen Teil des Severskij Donetz, Oskol, Orel Stromgebietes befinden und die Mitte-drittes Viertel I Jh. n.—II Jh. n. datiert wurden, wurde analysiert. Die Autoren kamen zum Schluss daraus über die Ähnlichkeit der sarmatischen Gefäße und einiger Formen von diesen Denkmälern. Das zeugt nach ihren Meinung nach von direkten Kontakte zwischen den Sarmaten von Don (Abb. 1) und waldstepplischer Bevölkerung des Severskij Donetz Stromgebietes (Abb. 2).

A.P. Medvedev. Über die Kulturangehörigkeit der handmodelierten Keramik von den Bestattungen der sarmatischen Zeit des waldstepplischen Teiles des Stromgebietes Don.

Der Autor bestreitet die Schlussfolgerungen des Artikels von A.M. Oblomskij und T.V. Timašewič. Er meint, dass diese Ähnlichkeit der keramischen Typen auf den gemeinsamen Prototyp — ein Komplex von Mittleren Don der skythischen Zeit (Abb. 1) und antike rotlackierte Keramik (Abb. 2) — verweist.

G.N. Kuročkin. Die Abbildungen des zusammengerollten Raubtieres in der Tagar-Kunst.

Es handelt sich um die Abbildungen des zusammengerollten Raubtieres von den Tagar-Bestattungen (Abb. 1) und die ähnlichen Abbildungen von Südrussland (Abb. 2, 8—10), Kazachstan (Abb. 2, 5—7). Der Autor meint, dass Motiv der zusammengerollten Raubtieres bei den Nomaden des Zentralasiens unter den Einfluss der chinesischen Kunst formiert wurde und nur später es in die westlichen Gebieten der skythischen Welt eingedrungen hat.

I.I. Schaub. Paris im Bosphorus.

Paris stand in der Verbindung mit dem Jeneseits nach religiös-mythologischer Begriffe der Bosphoraner. In der Paris Gestalt haben die Züge der uralten (frygische-?) Gottheit des Todes erhalten.

PUBLIKATIONEN

A.P. Abramov, A.A. Maslennikov, V.N. Rosov. Ein keramischen Komplex der Grenze V—IV Jh. v. von prähistorischer Ansiedlung auf der Landzunge Zjuk.

Es handelt sich um die Typen und die Produktionszentren der Amphoren (Abb. 1, 2) und anderen keramischen Formen (Abb. 3), die während der Ausgrabungen in fünf Gruben auf der prähistorischen Ansiedlung auf der Landzunge Zjuk auf der Küste des Asowschen Meeres gefunden wurden.

I.A. Jemetz, B.G. Peters. Grafitti und Dipinti von antikem Feodossija.

Grafitti und Dipinti auf antiker Keramik (die Ausgrabungen 1975—1977) in Feodossija) werden veröffentlicht.

Ju. V. Zujkov. Die pyramidenförmige Websenkblei-Anhänger und die Stempel darauf.

Es handelt sich um tonerne Webanhänger mit den Stempel (Abb. 1) und die Schlüsselabdrücke von der Ausgrabungen Gorgippia und ihrer Umgebund. Die Funde werden von IV—III Jh. v. — bis II—III Jh. n. datiert.

N.K. Belaja. Eine Terrakottastatue von Myrmekij.

Es handelt sich um die Statuette mit aufhängbaren Beine (die Gliederpuppe), die im 1986 in Myrmekij auf dem Fussboden eines Raumes (III Jh. n.) (Abb. 1, 2) gefunden wurden.

T.M. Arsen'jeva, S.A. Naumenko. Die Ausgrabungen in Tanais im 1985—1989.

Im Zentrum der Stadt wurden die Schichten (das Ende IV. — der Anfang V. Jn. n.) und die Strasse A, die am Ende III—II Jh. v. über den verschütteten Wirtschaftsgruben gebaut wurde, ausgegraben. Die Höfe N 15, 16, 17 und 18 wurden erforscht. Die Funde: ein Bronzeanhänger (Abb. 2, 1), Gefässe (Abb. 2,7—12), eine Tonstanze (Abb. 2,13), eine Schnalle (Abb. 2,2), ein Steinaltarchen (Abb. 2,5), bronzene Schlüssel (Abb. 2, 3, 6), goldene Blechplatten und Kette (Abb. 3, 2—4), ein silbernen Flakon mit den Granateinfassungen (Abb. 3, 1). In einem Keller wurde das Depot der Verpackungsamphoren gefunden (Abb. 4).

CHRONIK

O.N. Usačeva. Die Abteilung der Antiker Archäologie im 1988—1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. М.
АО	— Археологические открытия
АПНП	— Археологические памятники Нижнего Подонья. М.
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ДНД	— Древности Нижнего Дона. М.
ЗООиД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— Институт археологии РАН
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.
ИНМВ	— Известия на музей Варна
КБН	— Корпус Боспорских надписей
КСИА	— Краткие сообщения ИА РАН
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА	— Ленинградское отделение ИА
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	— Московское общество испытателей природы
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб., ПГ.
ПСА	— Проблемы скифской археологии. М.
РАН	— Российская академия наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
ТОАМ	— Труды отдела античного мира Гос. Эрмитажа
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Уз НИИЯЛИ	— Узбекский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
JDI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
KLP	— Der Kleine Pauly
LIMC	— Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
ML	— Roscher's Mythologisches Lexion
RE	— Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Совещание по проблеме "скифо-сибирского мира"

<i>Н.Л. Членова.</i> Культуры скифского круга: черты сходства и различия. Саяно-Алтайский район в скифском мире	4
<i>Л.Т. Яблонский.</i> Культуры сакского типа на территории Средней Азии и Казахстана: единство или многообразие?	13
<i>М.Г. Мошкова.</i> Спорные вопросы концепции "скифо-сибирского мира"	18
<i>А.И. Мелюкова.</i> Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство	24

Дискуссия

<i>Д.С. Раевский.</i> Культурно-историческое единство или культурный континуум?	30
<i>В.Г. Петренко.</i> Некоторые вопросы хронологии и черты сходства населения евразийских степей раннескифского времени	32
<i>М.А. Итина.</i> Восточное Приаралье и проблема "скифо-сибирского мира"	34
<i>И.Л. Кызласов.</i> О единстве культур степной зоны Евразии	35
<i>В.А. Башилов.</i> Можно ли считать скифо-сибирский мир "цивилизацией кочевников"?	36
<i>М.Г. Мошкова.</i> О подходе к решению проблем "скифо-сибирского мира"	38
<i>А.И. Мелюкова.</i> Об особенностях экономики и образа жизни в западной части "скифо-сибирского мира"	39
<u>В.П. Алексеев.</u> Несколько слов о "скифском евразийском мире"	41

Статьи

<i>М.Г. Гусаков.</i> Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей	43
<i>А.М. Оболомский, Т.В. Томашевич.</i> О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья	48
<i>А.П. Медведев.</i> О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи	56
<i>Г.Н. Курочкин.</i> Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве	59
<i>И.Ю. Шауб.</i> Парис на Боспоре	67

Публикации

<i>А.П. Абрамов, А.А. Масленников, В.Н. Розов.</i> Керамический комплекс рубежа V—IV вв. до н.э. с городища на мысе Зюк	70
<i>И.А. Емец, Б.Г. Петерс.</i> Граффити и дипинти античной Феодосии	77
<i>Ю.В. Зуйков.</i> Пирамидальные подвески-грузила и клейма на них	84
<i>Н.К. Белая.</i> Терракотовая статуэтка из Мирмекия	90
<i>Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко.</i> Раскопки Танаиса в 1985—1989 гг.	93

Хроника

<i>О.Н. Усачева.</i> Работа Отдела античной археологии в 1989—1990 гг.	102
Resümee	105
Список сокращений	109

Научное издание

**Античная археология и памятники железного века
на территории СССР**

КСИА, вып. 207

*Утверждено к печати
Институтом археологии Российской академии наук*

Руководитель фирмы "Наука—История" *Кузнецов И.Н.*
Редактор издательства *Е.А. Сенькив*
Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технические редакторы *Л.В. Русская, Т.В. Жмелькова*
Корректор *Н.Л. Голубцова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

Подписано к печати 02.02.93. Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,1. Усл. кр.-отт. 9,4
Уч.-изд.л. 10,3. Тираж 650 экз. Тип. зак.78.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-458, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12